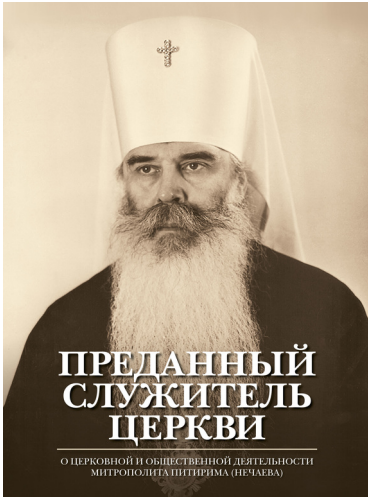

ПРЕДАННЫЙ
СЛУЖИТЕЛЬ
ЦЕРКВИ

О ЦЕРКОВНОЙ И ОБЩЕСТВЕННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
МИТРОПОЛИТА ПИМИНА (НЕЧАЕВА)

**Евгений Семенович Полищук
Надежда Балабанова
Преданный служитель Церкви. О
церковной и общественной деятельности
митрополита Питирима (Нечаева)**

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8360707*

*Преданный служитель Церкви: О церковной и общественной деятельности митрополита
Питирима (Нечаева) : [Сборник трудов и воспоминаний].: Издательский Совет Русской
Православной Церкви; Москва; 2009
ISBN 978-5-94625-333-8*

Аннотация

Книга посвящена памяти скончавшегося в 2003 году архипастыря Русской Православной Церкви митрополита Волоколамского и Юрьевского Питирима (Нечаева). Она включает в себя избранные труды Владыки, а также воспоминания о нем. В книге приняли участие свыше восьмидесяти авторов, среди которых церковные иерархи, священнослужители, общественные деятели, педагоги, писатели, художники, композиторы, ученые, генералы. Помимо основного дела жизни приснопоминаемого митрополита, которым стало более чем тридцатилетнее руководство Издательским отделом Московского Патриархата, Владыка был подлинным Пастырем, воспитывавшим своих сотрудников по Издательству, иноков Иосифо-Волоцкого монастыря, находившихся под его окормлением, студентов, которым он преподавал, прихожан храмов, где он служил и среди которых было много представителей творческой интеллигенции и армии. Митрополит Питирим запомнился людям и как общественный деятель в новую эпоху России, когда Церковь наконец заняла достойное положение в обществе.

Все перечисленные стороны деятельности митрополита Питирима нашли в той или иной мере отражение в настоящей книге.

Сборник издан к 5-й годовщине со дня кончины выдающегося церковного иерарха.

Содержание

Читателям книги «Преданный служитель Церкви»	5
От издательства	6
Вступление	8
Слово при вручении архиерейского жезла новопоставленному епископу Волоколамскому Питириму в Богоявленском патриаршем соборе 23 мая 1963 года	8
Речь при наречении во епископа Волоколамского	9
Слово перед отпеванием митрополита Волоколамского и Юрьевского Питирима	11
Митрополит Волоколамский и Юрьевский Питирим	13
Архипастыри о Владыке Питириме	19
Подражайте наставникам вашим	19
Владыка Питирим	20
Поминайте наставников ваших. О Владыке Питириме	30
Блаженной памяти митрополита Волоколамского и Юрьевского Питирима	33
Жизнь – пример духовного подвига	35
Главный издатель Церкви	38
Памяти Митрополита Питирима	38
С Владыкой – в Издательстве и на приходе	42
Памяти митрополита Волоколамского и Юрьевского Питирима	46
Воспоминания о митрополите Питириме	48
Навсегда в истории Церкви	59
По благословению Владыки Питирима...	66
Редактор, автор, издатель	68
Годы с Владыкой Питиримом	71
Человек, бесконечно преданный Церкви	75
Фотослужба, слайд-фильм и художественные издания в Издательском отделе Московского Патриархата	76
Духовный строй Владыки	80
Питиримовские Минеи	83
«Решение Владыки определило мою судьбу»	89
Хор Издательского отдела	94
Музыкальная редакция Издательского отдела Московского Патриархата	98
Конец ознакомительного фрагмента.	101

Преданный служитель Церкви: О церковной и общественной деятельности митрополита Питирима (Нечаева)

По благословению

Святейшего Патриарха Московского и всея Руси

АЛЕКСИЯ II

Издание осуществлено по инициативе и при участии Фонда «Наследие митрополита Питирима», при спонсорском содействии Н. А. Резникова, В. В. Лукьяненко и А. А. Осипова
Составители: Надежда Балабанова, Евгений Полищук

Преданный служитель Церкви: О церковной и общественной деятельности митрополита Питирима (Нечаева): [Сборник трудов и воспоминаний]. – М.: Издательский Совет Русской Православной Церкви, 2009. – 552 с.

Читателям книги «Преданный служитель Церкви»

Пять лет прошло со дня завершения земного пути видного архипастыря Русской Православной Церкви – митрополита Волоколамского и Юрьевского Питирима. Вся его жизнь была связана со служением Святому Православию, которое он совершал в различных формах и направлениях. Будучи профессором Московской Духовной академии, Владыка способствовал воспитанию и профессиональной подготовке новых, молодых кадров священнослужителей. Как церковный издатель – содействовал православному просвещению верующих, в том числе широких слоев научной и творческой интеллигенции. Занимаясь общественной деятельностью, он активно налаживал в новых условиях связи Церкви с властными структурами, армией, средствами массовой информации. Вместе с тем, как викарий Московской епархии, Владыка достойно представлял Нас и нашу Святую Православную Церковь на многочисленных межхристианских и межрелигиозных встречах

Как и многим другим архипастырям моего поколения, митрополиту Питириму суждено было начинать свое служение в трудные для Церкви годы гонений со стороны безбожного государства, когда власть использовала различные способы экономического и административного давления на нее. Конечно, непреложны слова Спасителя: *создам Церковь Мою, и врата ада не одолеют ее* (Мф. 16, 18). Но для торжества Истины необходимы наши личные усилия, наше соработничество Господу, и в каждую историческую эпоху Господь воздвигает святых, исповедников, тружеников церковных. Одним из таких тружеников и был приснопоминаемый архипастырь.

Надеюсь, что выход книги памяти митрополита Питирима станет значимым событием современной духовной и культурной жизни российского общества.

Алексий II,

Патриарх Московский и всея Руси

От издательства

Настоящая книга посвящена памяти скончавшегося в 2003 году архипастыря Русской Православной Церкви митрополита Волоколамского и Юрьевского Питирима (Нечаева).

Многообразной была церковная и общественная деятельность приснопоминаемого Владыки. Основным делом его жизни стало более чем тридцатилетнее руководство Издательским отделом Московского Патриархата, который при митрополите Питириме достиг выдающихся успехов и поднялся на уровень, не превзойденный и по сей день, несмотря на появление новейших издательских технологий. Поистине, Владыка Питирим войдет в историю Русской Церкви как Издатель с большой буквы.

Но кроме издательского дела, к которому призвало архиерея Священноначалие, Владыка запомнился всем и как Пастырь – и также с большой буквы, поскольку окормлял и сотрудников отдела, воспитав из них ряд священнослужителей, в том числе и архиереев, и прихожан храма Воскресения словущего на Успенском Вражке, его кафедрального храма, и иноков Иосифо-Волоцкого монастыря, также находившегося под его управлением, и многих представителей творческой интеллигенции, и студентов – как церковного вуза (Московская Духовная академия), так и светского (Московский государственный университет путей сообщения – МИИТ); наконец, Владыка Питирим был среди тех церковных деятелей, которые стоят у истоков возрождения церковного окормления армии, а также духовно-патриотической работы с верующими, особенно с молодежью.

Митрополит Питирим принимал участие в многочисленных межхристианских и межрелигиозных встречах и всегда с честью и достоинством представлял на них Русскую Православную Церковь. Но какие бы административные поручения не исполнял Владыка, он всегда считал своим главным долгом предстояние пред престолом Божиим – совершение богослужений.

Наконец, митрополит Питирим запомнился людям и как общественный деятель в новую эпоху России, когда Церковь наконец заняла достойное положение в обществе.

Все перечисленные стороны деятельности митрополита Питирима нашли в той или иной мере отражение в настоящей книге, которая состоит из вступления и 12-ти разделов. Во вступлении архипастырский путь Владыки представлен его начальными и конечными вехами: речью будущего Владыки при наречении его во епископа и Словом Святейшего Патриарха Алексия I при вручении новопоставленному епископу архиерейского жезла – и Словом Святейшего Патриарха Алексия II при отпевании митрополита Питирима и некрологом о нем в «Журнале Московской Патриархии».

Основное содержание книги – воспоминания об архипастыре, условно сгруппированные по разделам, соответствующим той или иной стороне деятельности Владыки. Условно, потому что в воспоминаниях о целокупной личности митрополита порой представлены сразу несколько ипостасей его многогранного облика, так что отнести эти воспоминания к какому-то одному разделу невозможно. Собранные вместе, они поражают разнообразием круга общения почившего митрополита, – здесь и собратья-архипастыри, и коллеги-соработники по издательскому поприщу, и общественные деятели, в том числе президент СССР М. С. Горбачев, и такие неординарные личности, как чемпионы мира по шахматам В. В. Смыслов и А. Е. Карпов... Всего в сборнике приняли участие свыше восьмидесяти авторов, среди которых священнослужители, писатели, художники, композиторы, ученые, генералы.

Книга включает в себя также избранные труды Владыки, в совокупности дающие представление о его творческом облике, – это 24 работы митрополита Питирима, сгруппированные по пяти различным рубрикам: «Проповедь», «Богословие и религиозная мысль», «Церковная история», «Катехизические беседы», «Культурология».

Для настоящего сборника впервые была составлена библиография трудов почившего архипастыря (конечно, не претендующая на полноту).

Книга подготовлена к пятой годовщине со дня кончины выдающегося церковного иерарха.

Вступление

Слово при вручении архиерейского жезла новопоставленному епископу Волоколамскому Питириму в Богоявленском патриаршем соборе 23 мая 1963 года

Патриарх Московский и всея Руси
Алексий I

Преосвященный епископ Питирим!

Дух Святый, повелевший пастырям и учителям Антиохийской Церкви отделить Ему *Варнаву и Савла на дело, на неже призвал их* (Деян. 13, 2), внушил и нам, смиренным предстоятелям Православной нашей Церкви, призвать тебя к приятию жребия святительского служения.

Так веруем мы. И с верою в это божественное избрание мы, соединенною молитвою и рукоположением сопастырей, молитвенно призываем Божественную благодать в помощь тебе в этом новом твоём служении Церкви Христовой.

Ты исповедал перед нами твой страх перед высотой этого служения и твою немощь.

Но тебя должно утешать вечно живое и действенное святое слово Самого Господа: *довлеет ти благодать Моя: сила бо Моя в немощи совершается* (2 Кор. 12, 9).

Благодать Божия есть сила, даруемая человеку-христианину по вере его, – сила очищающая, освящающая, просвещающая, вспомошествовающая в делании добра и удалении от зла, утешающая и ободряющая в напастьях и скорбях, содействующая в получении вечных благ, уготованных Господом на небесах для избранных Его.

Эту благодать, врачующую немощь нашу и восполняющую нашу скудость духовную, ты воспринял ныне при вступлении на дело, к которому призвал тебя Господь.

Нам ведомо, что ты, скажу словами святого апостола Павла к Тимофею, – *измлада Священная Писания умеши, могущая тя умудрити во спасение верою, яже о Христе Иисусе* (2 Тим. 3, 15). А также, что немалое время прошло у тебя в церковном служении в качестве служителя высшей богословской науки и воспитателя духовного юношества, будущих пастырей, притом в священном уделе земном великого пастыря, Преподобного Отца нашего Сергия, под кровом его святой обители. И таким образом непостижимыми судьбами Провидения Божия (Рим. 11, 33), предопределяющими пути человека, ты духовно был подготовлен к тому высокому пути, который ныне предлежит тебе.

В глубококом сознании и своих немощей, и всех трудностей предстоящего тебе подвига, который поистине выше человеческих сил, и вместе с тем в глубокой вере, что тако изволился о тебе действующему и всесовершающему Духу Божию, Который, по откровению св. апостола, Сам поставляет епископы (Деян. 20, 28), – с миром вступи в предлежащий тебе путь, на новое служение твое Святой Церкви.

Прими сей жезл, вручаемый тебе как знамение опоры духовной, с нашим братским молитвенным приветствием, да сотворит тебя Господь пастыря доброго, пастыря любящего, пастыря попечительного и мудрого, пастыря, за овцы своя душу свою положить готового. Аминь.

Речь при наречении во епископа Волоколамского

Архимандрит
Питирим (Нечаев)

Ваше Святейшество, Святейший Владыко и Отец! Преосвященные архипастыри! Определение Ваше призывает меня на служение епископское. Верую, что не без воли Божией оно совершается, но, говоря словами церковного канона, «исчезает дух мой» в борьбе помыслов.

Смушение мое рождается не от сожаления об оставлении любимого своего дела. Лишаться – удел монашеский, и скорбь лишения врачуетсЯ долгом монашеского послушания. Мое смушение и не от боязни высоты и тяжести нового служения, ибо я верю, что с призыванием даруются и силы к его прохождению. Страшит меня то, что призывающий голос застиг меня неготовым, что, занятый служебными своими заботами, как бы вымывая сети после всенощного лова, я менее всего ожидал в этот час услышать голос Владыки и время, данное мне, не употребил благоразумно. Но голос Призывающего достиг меня, и я, хотя и не достиг того, чтобы быть призванным, должен встать и идти за Ним.

В этот трудный и священный для меня час я с надеждой обращаюсь к Святой Кафолической Церкви, в которой Дух Святой поставляет епископов. «Не имеющий Матерью Церковь, не может иметь отцом своим Бога!» – восклицает св. Киприан Карфагенский.

Церковь растила и воспитывала меня, она показала мне таинства веры, учила богословию, укореняла в моем сердце любовь к Отечеству, к людям и каждому человеку вместе с желанием служить им, а я в своих богословских занятиях стремился постичь законы ее благодатной жизни. И потому теперь, вступая в новое свое служение, я возлагаю свою надежду на материнскую помощь Церкви.

Церковь Христова – это благодатная жизнь духа в совершенном единении с Богом. *Аз в них, и Ты во Мне; да будут совершени во едино* (Ин. 17, 23).

Церковь – это тело Христово, *полнота Наполняющего все во всем* (Еф. 1, 23), в ней действует сила Христова, в ней же совершается исполнение Его искупительного подвига.

Церковь Христова – это неиссякающий поток благодати Святого Духа, Который свободно изливается в ней, раздавая многообразные дарования, созидая человека *в жилище Божие* (Еф. 2, 22) *в любви, во всякой благодати, истине и правде* (Еф. 5, 2, 9).

Церковь Христова – это град Божий, имеющий в стенах своих мир (Пс. 121, 7), мир с Богом, мир в душе каждого, *единение духа в союзе мира* между собою и со всеми людьми (Еф. 4, 3).

Эта Церковь создана Господом Иисусом Христом и устроена руками апостолов. К апостольскому служению Господь призвал *Сам кого хотел*, чтобы с Ним были и чтобы посылать их на проповедь (Мк. 3, 13). В день Пятидесятницы на первых членов Церкви сошла благодать Святого Духа, и с того времени Церковь сама поставляет себе избранных Богом на апостольское служение. В ней *никто сам собою не приемлет этой чести* (Евр. 5, 4). Так, Савл, призванный в чудесном явлении Господа Иисуса Христа и принятый в Церковь чрез апостолов, имел обильные дарования пророка и учителя, проповедовал в Дамаске и устраивал Церковь в Антиохии, но стал апостолом не ранее, чем Церковь поставила его на это служение. Так же и Варнава, близкий сотрудник апостолов, любимый в Иерусалимской общине и там прозванный «сыном утешения», апостольское звание свое получил чрез руковоЗложение Церкви (Деян. 13, 1–3).

Епископское служение – это жребий апостольский. Епископ – сорботник апостолов и *верный строитель* Церкви (1 Кор. 4, 2; Тит. 1, 7), *хранящий таинство веры в чистой совести* (1 Тим. 3, 9).

Епископ – архиерей, дающий ответ пред Богом за все происходящее в Церкви и приносящий без гнева и сомнения молитвы Богу «о своих грехах и людском неведении». О спасении людей, о благостоянии Церкви, о мире всего мира и соединении всех приносит епископ мирную жертву пред Престолом Божиим. Епископ, постоянно трезвясь, хранит в душе своей глубокий и неотъемлемый мир, так как только в мирном духе, как в дыхании тихого ветра, ему открывается Бог.

Кто может сказать о себе, что он готов к такому служению? Но таковых епископов поставляет Святая Церковь. К такому служению сегодня призывают меня, и что я могу сказать призывающим?

В течение нескольких столетий мои предки служили у Престола Божия. Я, как они, хотел быть священником и в своем призвании не могу не видеть проявления особой милости Божией. Здесь, Святейший Владыко, 19 лет назад я впервые получил Ваше благословение, и с того времени Вы провели меня по всем ступеням послушаний от ученика до наставника духовной школы, от церковного служителя до совершителя Божественных тайн. Вы были для меня благостным и строгим отцом и богомудрым детоводителем, наставляя благодатным словом и высоким примером, *как должно поступать в доме Божием, который есть Церковь* (1 Тим. 3, 15). И теперь, призывая меня к епископству, Вы как бы в третий раз вопрошаете меня, а я, вспоминая, как с радостью воспринимал от Вашей руки благодать священства, как легко и радостно вступил на путь иночества, теперь, когда *изнемогла во мне душа моя*, готов встать и *бежать от лица Господня* (Иона 2, 8; 1, 3). Я хотел бы сказать: *Господи Боже! Я еще молод* (Иер. 1, 6), *не научился мудрости и познания святых не имею* (Притч. 30, 3). Но, предаваясь на волю Божию во всецелом послушании Вашему Святейшеству, я в третий раз отвечаю Призвавшему: *Ты вся веши* (Ин. 21, 17), Ты Сам испытал меня и знаешь мои дела.

Вас, Святейший Владыко, прошу, Преосвященных архиереев и всю братию благословить меня в путь апостольский и помолиться о беспорочном его прохождении.

В душевном трепете обращаюсь я с молитвой к Пастыреначальнику Иисусу Христу и Пречистой Его Матери Приснодеве Марии, призываю на помощь святых угодников, от дней апостольских просиявших в Церкви. Наиболее же – святых равноапостольных Константина, покровителя моего в мирской моей жизни, и богомудрую Елену, материнской молитвой утверждавшую его начинания; Святителя и Чудотворца Алексия, у святых мощей которого судил мне Господь принимать все степени священного служения; Преподобного и богоносного отца и игумена нашего Сергия, в чьей обители я несу послушание и дал обет не разлучаться иноческого братства; Святителя Тамбовского и Чудотворца Питирима, от клира которого ведет начало мой священнический род и чье святое имя выпало мне носить в монашестве. Молю их, чтобы снисшедшая на меня чрез возложение рук святительских благодать Святого Духа, облакающая меня белой одеждой архиерейства, даровала мне и силу пребыть верным до смерти и получить венец жизни.

Утешительное для себя знамение я хотел бы видеть в том, что в день воспоминания Вознесения Господня предстоит мне воспринять благодать архиерейства. В этот день Церковь прославляет завершение Божия смотра о спасении мира, преславное вознесение обновленного естества человеческого и спосаждение его одесную Престола Славы. Этот день – праздник утешения осиротевших учеников Христовых обетованием вечного пребывания Господа Иисуса Христа с Его Церковью. Да послужит это и мне залогом верного служения Церкви чрез обновление естества моего. Аминь.

Слово перед отпеванием митрополита Волоколамского и Юрьевского Питирима

**Патриарх Московский и всея Руси
Алексий II**

Собратья архипастыри, всечестные отцы, дорогие братья и сестры!

Мы провожаем сегодня в путь всея земли одного из старейших архипастырей нашей Святой Церкви – Преосвященного митрополита Волоколамского и Юрьевского Питирима. Мы молимся о том, чтобы Господь простил его согрешения, вольные и невольные, и упокоил бы его там, где нет ни болезни, ни печали, ни воздыхания.

Вся жизнь покойного архипастыря была посвящена служению Церкви Христовой. Почти 60 лет тому назад он начал иподиаконское служение у приснопамятного Святейшего Патриарха Алексия I.

Он окончил Московскую духовную семинарию и Московскую духовную академию, был оставлен профессорским стипендиатом, а затем стал преподавателем, доцентом и профессором Московских духовных академии и семинарии, возглавлял кафедру Священного Писания Нового Завета. За годы его педагогической деятельности многие нынешние архипастыри и пастыри учились у него и помнят его как своего наставника, инспектора Московских духовных школ, как преподавателя, возвещавшего евангельские истины.

Более тридцати лет покойный архипастырь возглавлял Издательский отдел Московской Патриархата и был главным редактором «Журнала Московской Патриархии». Для Церкви это было трудное время, когда не только каждая статья, но и каждое выражение, которое публиковалось в журнале, проходили жесткую цензуру чиновников Совета по делам религий.

В этом году исполнилось сорок лет епископского служения покойного Владыки Питирима. Все эти годы он носил титул епископа и архиепископа Волоколамского, а в последние пятнадцать лет – митрополита Волоколамского и Юрьевского.

Покойный архипастырь принимал участие в многочисленных межхристианских и межрелигиозных встречах и всегда с достоинством и честью представлял на них нашу Святую Православную Церковь. Но, исполняя различные административные послушания, он никогда не переставал быть пастырем, и служение Церкви Христовой, совершение богослужений он считал своим главным долгом и основным призванием.

Особым для покойного митрополита Питирима был нынешний год, когда в Великую Субботу он стал свидетелем ежегодного чуда сошествия Благодатного огня на Гроб Господень. С Благодатным огнем он прибыл в Москву, и этот огонь, доставленный нам Владыкой, был отправлен дальше – в обители и храмы Москвы и других городов. Не имея возможности совершать богослужение в пасхальную ночь по болезни, я просил митрополита Питирима возглавить богослужение в Храме Христа Спасителя. Радость о Воскресшем Господе Спасителе через его уста передавалась всем тем, кто был в храме или смотрел телевизионную трансляцию богослужения, приобщаясь к радости Светлого Христова Воскресения.

В этом году митрополита Питирима посетила тяжелая болезнь. После Пасхи он перенес хирургическую операцию, но, несмотря на это, Владыка стал участником торжеств, которые проходили в Сарове и Дивееве в связи со 100-летием прославления преподобного Серафима Саровского. Тогда Владыку Питирима спросили: «Как же Вы после тяжелой операции участвуете в торжествах?» И он ответил: «Разве могу я не быть на этом общеправославном торжестве?»

После возвращения из Сарова и Дивеева болезнь его вновь обострилась, и в течение многих недель архипастырь находился в госпитале. 12 октября я посещал Владыку Питирима в госпитале. Он встречал меня и провожал. Мы беседовали с ним, и он выражал надежду, что ему удастся присутствовать в храме за Божественной литургией и причаститься Святых Христовых Таин, хотя и в больничных условиях он часто причащался. Он сказал тогда: «Я живу от праздника к празднику. Но на Святителей Московских вряд ли уже смогу осуществить свою мечту».

Затем наступило празднование Казанской иконе Божией Матери. И именно в день этого праздника Господь призвал Владыку к Себе. В этот день он был напутствован Святыми Тайнами.

А сегодня мы провожаем его в путь вся земля. Я выражаю соболезнования архипастырям, которые потеряли собрата и сослужителя, с которым мы в течение четырех десятков лет вместе совершали богослужения, молились и разделяли радости праздников.

Выражаю мое сочувствие родным и близким покойного.

Я соболезную всем тем, кому покойный архипастырь был близок и дорог. Здесь присутствуют министр путей сообщения, ректор университета путей сообщения, в котором учился покойный Владыка, и многие другие, хорошо и близко знавшие его люди. Я хочу отметить, что каждый мог получить от покойного архипастыря и укрепление в вере, и утешение в скорбях, трудностях, болезнях и испытаниях.

А сегодня он нуждается в наших молитвах и обращается ко всем нам словами тропаря из чина отпевания: «Братие мои возлюбленнии, не забывайте мя, егда поете Господа, но поминайте братство и молитесь Богу, да упокоит мя с праведными Господь».

Мы верим, что за свое преданное и верное служение Церкви Христовой, за свое послушание Священноначалию (ибо безотказно покойный Владыка выполнял любое церковное послушание, совершал любую поездку, представляя нашу Церковь на торжествах многих Поместных Православных Церквей) он услышит милостивое призывание Отца Небесного: *Рабе благий и верный, в малом ты был верен, войди в радость Господа своего* (Мф. 25, 21).

Помолимся же об упокоении души новопреставленного Преосвященного митрополита Питирима, прося у Господа прощения его согрешений, вольных и невольных, и упокоения там, где нет ни болезни, ни печали, ни воздыхания, но жизнь бесконечная.

Митрополит Волоколамский и Юрьевский Питирим

4 ноября 2003 года, в день празднования в честь Казанской иконы Божией Матери, в Москве, в Центральном военном госпитале в Сокольниках, после тяжелой продолжительной болезни Владыка скончался.

Митрополит Волоколамский и Юрьевский Питирим был одним из старейших и наиболее почитаемых иерархов Русской Православной Церкви. Более тридцати лет он возглавлял Издательский отдел Московского Патриархата.

Высокопреосвященный Питирим (в миру – Константин Владимирович Нечаев) родился 8 января 1926 года в городе Козлове (ныне Мичуринск) Тамбовской области, в семье потомственного священнослужителя, предки которого в течение нескольких столетий служили у престола Божия. Как и они, юноша с детства хотел быть священником, и в том, что он смог осуществить свое призвание, нельзя не видеть проявления к нему особой милости Божией.

Его отец, Владимир Нечаев, вскоре после рождения сына был репрессирован и умер в 1937 году. Несмотря на это, Константин Нечаев получил широкое и разностороннее образование. В частности, он был талантливым музыкантом-виолончелистом. В то же время это был человек напряженной духовной жизни. Долгие годы его духовным отцом являлся знаменитый старец – преподобный Севастиан Карагандинский, духовный преемник и наследник последних Оптинских старцев.

По окончании средней школы в Москве в 1943 году Константин Нечаев поступил в Московский институт инженеров транспорта (МИИТ). Но профессия железнодорожника не могла удовлетворить духовных запросов юноши, а потому одновременно с учебой юный студент начал подвизаться в церковном служении – сначала в качестве иподиакона Святейшего Патриарха Алексия I в Богоявленском соборе (в 1945 году он стал старшим иподиаконом), а затем и работая в Патриархии в качестве ризничего.

То было время религиозного подъема, время массового обращения людей к Богу, вызванного Великой Отечественной войной. Военная осень 1943 года знаменовала поворотный пункт в изменении отношения власти к Церкви: после исторической встречи митрополитов Сергия, Алексия и Николая со Сталиным начали возвращать из тюрем и ссылок духовенство, было восстановлено патриаршество, решился вопрос о воссоздании Духовных учебных заведений.

14 июня 1944 года по благословению Патриаршего Местоблюстителя митрополита Ленинградского и Новгородского Алексия (будущего Патриарха Московского и всея Руси) в Москве, в Новодевичьем монастыре, был открыт Богословский институт и Богословско-пастырские курсы (в 1946 году они были преобразованы в Московские Духовные академию и семинарию). Юный Константин Нечаев, ощущавший свое церковное призвание едва ли не на генетическом уровне, уже через год пребывания в светском вузе стал также и одним из студентов первого призыва возрожденной Духовной школы. Некоторое время он совмещал духовное образование с техническим, но в конце концов высшие потребности духа вытеснили все побочное и МИИТ был оставлен. (Как оказалось, не навсегда: через шестьдесят лет в стенах института будет восстановлен храм, начнутся регулярные богослужения, и Владыка Питирим вернется в alma mater в качестве заведующего кафедрой теологии.)

В 1947 году Константин Нечаев успешно окончил Московскую Духовную семинарию, а в 1951 году – Московскую Духовную академию – первым по списку и со степенью кандидата богословия, полученной за сочинение «Значение христианской любви в аскетических воззрениях преподобного Симеона Нового Богослова». Как подававший большие надежды, Константин Нечаев был оставлен в академии преподавателем и одновременно профессор-

ским стипендиатом по кафедре истории и разбора западных вероисповеданий (его стипендиатская работа – «Каталог богословско-исторической литературы по западным вероисповеданиям и патрологии III–V веков», 1953 год). Вскоре он был назначен доцентом, а затем профессором кафедры Священного Писания Нового Завета, где с 1957 года читал курс лекций.

15 февраля 1952 года Святейший Патриарх Алексей I рукоположил молодого преподавателя во диакона, а 4 декабря 1954 года – во иерея. Свое служение отец Константин проходил в крестовом патриаршем храме.

13 апреля 1959 года священник Константин Нечаев принял иноческий постриг, получив в монашестве имя Питирим, что свершилось не без Промысла Божия, ибо священнический род будущего Владыки ведет свое начало от клира святителя Тамбовского Питирима.

8 октября того же года инок Питирим был возведен Святейшим Патриархом в сан архимандрита и назначен инспектором Московских Духовных академии и семинарии.

Когда в 1960 году был создан сборник «Богословские труды» – периодическое издание, целиком посвященное богословской тематике, архимандрит Питирим вошел в состав его первой редколлегии, утвержденной 6 октября 1960 года решением Святейшего Патриарха Алексия I.

2 января 1962 года архимандрит Питирим был назначен ответственным редактором «Журнала Московской Патриархии» – ежемесячного официального органа Русской Православной Церкви.

Постановлением Святейшего Патриарха Алексия I и Священного Синода от 14 мая 1963 года инспектору Московской Духовной академии, редактору «Журнала Московской Патриархии» архимандриту Питириму (Нечаеву) определено было стать епископом Волоколамским, викарием Московской епархии, с назначением Председателем Издательского отдела Московской Патриархии.

23 мая 1963 года, в праздник Вознесения Господня, за Божественной литургией в Богоявленском патриаршем кафедральном соборе архимандрит Питирим был рукоположен во епископа Волоколамского. Хиротонию возглавил Святейший Патриарх Алексей I. Таким образом, восприняв ранее от руки Предстоятеля Русской Церкви благодать священства и иночества, инок Питирим воспринял от той же руки и благодать архиерейства.

Став в сане епископа Председателем Издательского отдела Московского Патриархата, Владыка возглавлял его с 1963 по 1994 год, будучи также главным редактором «Журнала Московской Патриархии», а с 1986 года – и председателем редакционной коллегии сборника «Богословские труды».

В 1964–1965 годах епископ Питирим временно управлял Смоленской епархией. 9 сентября 1971 года Владыка был возведен в сан архиепископа, а 30 декабря 1986 года – в сан митрополита с титулом «Волоколамский и Юрьевский».

Период жизни нашей страны, когда началось служение Владыки Питирима в высшем церковном сане, был сложным и противоречивым. Вместе с разоблачением «культ личности» Сталина нарастал культ нового генсека – Хрущева, осуществлявшего возврат к «ленинским нормам» жизни не только массовым возвращением из тюрем и лагерей незаконно репрессированных людей, но и ожесточенными гонениями на Церковь. По всей стране закрывались храмы, наиболее активные священники и даже архиереи отстранялись от служения, а порой и арестовывались.

По требованию властей был отстранен от всех должностей и отправлен на покой митрополит Крутицкий и Коломенский Николай, занимавший жесткую позицию по отношению к гонителям Православия. Было запрещено проводить крестные ходы, духовенство не имело права говорить проповеди без предварительного просмотра текста уполномоченными Советом по делам религий.

На Архиерейском Соборе 1961 года была проведена реформа приходской жизни, в результате которой священник оказался на положении наемного совершителя богослужений, не имеющего реальной власти. Запугивая людей, власти ввели контроль над совершением треб, требуя от священников заносить данные о крещениях, венчаниях и отпеваниях в специальные книги с указанием фамилий, паспортных данных и адресов, чтобы на верующих можно было оказывать давление по месту их работы. Хрущев открыто обещал людям показать по телевидению в качестве музейного экспоната «последнего советского попа». И хотя с падением зарвавшегося «волютариста» в 1964 году период оголтелых притеснений закончился, но и при новом «руководстве» положение Церкви оставалось непростым.

Тем не менее и в этих трудных условиях Владыка Питирим смог сделать очень многое. Его имя навсегда связано с возрождением разрушенной большевиками издательской деятельности Русской Православной Церкви. Прежде всего он сформировал большой и высокопрофессиональный коллектив, который в течение ряда лет выполнял огромную работу по обеспечению Церкви книгами Священного Писания, богослужебными книгами и православным церковным календарем; в пределах существовавших тогда возможностей издавалась также духовно-просветительная и богословская литература. Более того, несмотря на жесткий государственный надзор, осуществлявшийся Советом по делам религий, Владыка умел, преодолевая многие ограничения, постоянно увеличивать тиражи и номенклатуру церковных изданий.

В ноябре 1971 года Владыка Питирим создал английскую редакцию «Журнала Московской Патриархии», что позволило зарубежным читателям в более чем пятидесяти странах мира получать всестороннее представление о жизни Русской Православной Церкви и способствовало повышению ее международного авторитета. Выпускались и книги о нашей Церкви для зарубежных читателей на иностранных языках.

В начале 1980-х годов Владыка Питирим задумал и осуществил строительство нового трехэтажного здания для Издательского отдела на Погодинской улице. 22 сентября 1981 года, в день памяти преподобного Иосифа Волоцкого, это здание было торжественно освящено Святейшим Патриархом Пименом. Под руководством Высокопреосвященного Питирима были осуществлены такие большие проекты, как издание полного собрания богослужебных Миней по уточненному и восполненному церковному календарю, а также восьмитомное издание «Настольной книги священнослужителя».

Но не только конкретными издательскими свершениями измеряются заслуги Владыки Питирима перед Церковью. Не менее важным было то, что под знамена издательского дела он призвал множество новых церковных тружеников, в том числе выдающихся богословов, литургистов, церковных историков, ученых-славистов. Владыка привлекал к работе как недавних выпускников Духовных академий и даже учащихся Духовных школ, которых он брал на стажировку в Издательский отдел, так и светских специалистов с высшим техническим и гуманитарным образованием, для которых сама работа в Издательском отделе становилась духовной школой.

Значительная часть московской православной интеллигенции была в те годы так или иначе связана с Издательским отделом: кто-то работал в его штате, кто-то сотрудничал с ним как автор, переводчик, исследователь. Многие из этих людей впоследствии приняли священный сан и в этом звании продолжали трудиться на поприще издательского дела, считая себя учениками и воспитанниками Владыки.

Владыка поощрял многообразную исследовательскую работу в области изучения и освоения накопленного за века исторического бытия Русской Православной Церкви духовного наследия – православных агиографических памятников, древних рукописей, иконографии. При нем систематически обследовались многие известные хранилища и фонды, велась

реконструкция древних церковных распевов. Особую актуальность эта деятельность приобрела в связи с празднованием 1000-летия Крещения Руси.

Митрополит Питирим широко известен как крупный церковный ученый, интересы которого преимущественно сосредотачивались в области истории Церкви и церковного искусства. Им написано и опубликовано множество статей в различных богословских и церковных журналах и сборниках (только в «Журнале Московской Патриархии» и «Богословских трудах» их более восьмидесяти). Он автор нескольких вышедших за рубежом книг, посвященных жизни Русской Православной Церкви и церковному искусству. Митрополит Питирим был доктором богословия Московской Духовной академии, а также доктором богословия *honoris causa* Богословского факультета в Прешове (Словакия, 1983 год) и Богословского факультета имени Яна Амоса Коменского в Праге (1985 год). Владыка уделял внимание и современной проблематике (экология и т. п.), опубликовав ряд работ в светских изданиях. Он был членом Российской Академии естественных наук, заведовал кафедрой теологии Московского института инженеров транспорта, был профессором кафедры ЮНЕСКО «Золотое наследие Руси».

Большое значение митрополит Питирим придавал возрождению и популяризации русского православного пения. По его инициативе было создано несколько церковных хоров, выступавших с концертными программами в нашей стране и за рубежом.

Митрополит Питирим был первым, кто начал широко представлять Церковь средствами кино и телевидения. За годы его руководства при непосредственном участии Издательского отдела вышли в свет свыше тридцати церковных документальных фильмов, чем был сделан значительный вклад в расширение миссионерской деятельности Русской Православной Церкви.

Значительное место в церковном служении Владыки занимало участие в различных богословских комиссиях, делегациях, собеседованиях и иных мероприятиях, проводимых Русской Православной Церковью. Митрополит Питирим был членом правления Международного фонда славянской письменности и славянских культур, членом правления многих других фондов, а также членом различных обществ дружбы с народами зарубежных стран.

Особенно много времени это направление деятельности стало требовать от Владыки после празднования 1000-летия Крещения Руси, в годы последовавшей затем «перестройки». В то время митрополит Питирим часто выступал с трибун различных общественных собраний, по радио и телевидению, комментировал для прессы многие вопросы христианства и церковной жизни.

«В то время сам облик митрополита Питирима, библейского благообразного старца, производил ошеломляющее впечатление на полностью расцерковленное общество. А когда оказалось, что этот человек, будто сошедший со страниц священной истории, еще и в курсе всех современных событий, обладает уникальным даром проповедника, знает, как кажется, все на свете, видевшие и слышавшие митрополита Питирима невольно начинали внимательнее приглядываться к тому, что он представлял – к православной церковной традиции» (интернет-газета «Страна. ru»).

17 марта 1989 года митрополит Питирим был избран народным депутатом СССР от Советского фонда культуры. В своей депутатской деятельности Владыка призывал людей к покаянию, возврату к отеческой вере, поддерживал все программы, направленные на нравственное оздоровление общества, выступал против явных и замаскированных попыток вернуться к старым идеологическим схемам. Архиерей, избранный народным депутатом, неустанно разъяснял приоритетное значение культуры как гуманитарной сферы, имеющей духовно-нравственное значение, всемерно содействовал физической и нравственной реабилитации солдат, вернувшихся из Афганистана, многое сделал для последующего принятия закона о свободе совести и религиозных объединениях.

Как депутат, Владыка являлся членом комитета Верховного Совета СССР по делам воинов-интернационалистов, членом Комиссии по вопросам депутатской этики.

В конце 1980-х годов митрополит Питирим стал помимо своих прежних обязанностей еще и настоятелем возвращенного Церкви Иосифо-Волоцкого монастыря, где до последнего времени часто служил по воскресным и праздничным дням. Владыка многое сделал для восстановления монастыря и воссоздания в нем духовной жизни согласно уставу его первооснователя.

В последние девять лет своей жизни митрополит Питирим по поручению Священного Синода и Святейшего Патриарха не раз возглавлял представительные делегации, посещавшие многие страны в связи с различными событиями церковной жизни. Не оставлял Владыка и преподавание, которому он отдал более пятидесяти лет, будучи до конца жизни «служителем высшей богословской науки и воспитателем духовного юношества, будущих пастырей» (Святейший Патриарх Алексий I).

Церковное и общественное служение митрополита Питирима было высоко оценено Священноначалием Русской Православной Церкви и государством. Он был награжден орденами святого равноапостольного князя Владимира I и II степеней, Преподобного Сергия Радонежского I степени, святого благоверного князя Даниила Московского II степени, а также орденом «Дружбы народов». В январе 2001 года Святейший Патриарх Московский и всея Руси Алексий II вручил митрополиту Волоколамскому и Юрьевскому Питириму орден Святителя Московского Иннокентия за обширные просветительские и миссионерские труды и в связи с 75-летием со дня рождения.

Нет сомнения, что подлинный масштаб личности митрополита Питирима – богослова, проповедника, церковного строителя, человека глубокой духовной культуры, являвшего собой истинный образец православной учености, с течением времени будет только возрастать. Забвению будут преданы случайные детали облика Владыки, но тем рельефнее выдвинутся на первый план черты иерарха, без деятельного и творческого участия которого не прошло ни одно значительное событие новейшей церковной истории второй половины минувшего века.

В связи с кончиной митрополита Питирима Святейший Патриарх Московский и всея Руси Алексий направил епархиальным архиереям Русской Православной Церкви телеграмму следующего содержания:

«Всем Преосвященным. Со скорбью извещаю о кончине одного из старейших архипастырей Русской Православной Церкви митрополита Волоколамского и Юрьевского Питирима, последовавшей после тяжелой болезни 4 ноября. Призываю к молитве о новопреставленном собрате и сослужителе.

Алексий, Патриарх Московский и всея Руси».

Два дня, 5 и 6 ноября, гроб с телом митрополита Питирима находился в московском храме Воскресения словущего на Успенском Вражке (в Брюсовом переулке). В этом храме Владыка служил многие годы. Здесь традиционно собиралась творческая интеллигенция столицы – люди искусства и науки, писатели и художники, актеры и режиссеры, а в последнее десятилетие – и многие общественные деятели. Они приходили в этот храм специально для того, чтобы послушать проповеди и беседы митрополита Питирима, некоторые из них становились впоследствии его духовными чадами. Здесь же Владыка возглавлял отпевание выдающихся деятелей русской культуры: Сергея Бондарчука, Евгения Евстигнеева, Олега Борисова и многих других.

Все эти дни в храме Воскресения словущего совершались заупокойные богослужения, и тысячи верующих приходили сюда, чтобы проститься с Владыкой. Затем гроб был перевезен в Богоявленский кафедральный собор в Елохове, где 7 ноября было совершено отпевание

митрополита. На это отпевание пришла «вся церковная Москва», многие ученики и соратники Владыки Питирима. Присутствовали и государственные руководители: Полномочный представитель Президента Российской Федерации в Центральном Федеральном округе Г. С. Полтавченко, министр путей сообщения В. А. Морозов, мэр Москвы Ю. М. Лужков и вице-мэр В. П. Шанцев. Службу, в которой участвовали двадцать архиереев, возглавил Святейший Патриарх Алексей, сказавший перед отпеванием теплое душевное слово о своем многолетнем соратнике.

Митрополит Питирим похоронен в Москве на Даниловском кладбище, где ранее упокоились его родители – протоиерей Владимир и матушка Ольга, а также его родные братья и сестры.

Вечная память выдающемуся церковному деятелю – митрополиту Питириму, оставившему яркий след в новейшей истории страны и Церкви!

Е. Полищук

Архипастыри о Владыке Питириме

Подражайте наставникам вашим

Митрополит Минский и Слуцкий
Филарет

В 1953 году я начал учиться в Московской духовной семинарии. Нашим классным руководителем был назначен диакон Константин Нечаев, будущий митрополит Питирим. И эти отношения учителя и ученика между нами сохранились, можно сказать, до конца его жизни. Последняя наша беседа состоялась в Дивееве, на юбилее преподобного Серафима.

Владыка Питирим вел меня через всю мою сознательную жизнь, начиная с первого класса семинарии, а потом, продолжая свое попечительство надо мной в академии, привел к монашеству.

Однажды Владыка Питирим, возвратившись от старца Севастиана, которого я не знал лично, передал мне, тогда студенту второго курса академии, спелую грушу и спросил: «Ты понял знак, который прислал тебе старец?» Я сказал: «Понял, благословите». И через некоторое время я перешел на жительство из академии в монастырь.

Еще одна ниточка уходит глубже, в 1943 год. В тот год я должен был идти в первый класс, и в день Успения Божией Матери мама привела меня в храм Иоанна Воина, что на Якиманке, чтобы получить благословение от настоятеля отца Александра Воскресенского, который, как я узнал позднее, был духовником Владыки Питирима. Вот такие у нас духовные связующие нити. По-моему, этого достаточно для того, чтобы охарактеризовать наши отношения с Владыкой и проиллюстрировать, что такое Промысл Божий, который ткется из таких тонких нитей. И спустя годы мы можем только вспоминать и сожалеть о том, сколько было возможностей сделать эти нити более прочными...

Владыка был коренным москвичом и, конечно, прекрасно знал Москву. Я тоже москвич, и у нас была договоренность, чтобы найти время и вместе проехать по святым местам Москвы. Потому что мне зачастую бывает стыдно перед людьми, которые, приезжая в Москву, очень хорошо ее изучают и знают, а я знаю плохо. И вот, у нас была такая договоренность с Владыкой, — а тогда храмов в Москве было чуть больше сорока и объехать их все было легко... (Теперь вы можете понять, какая красота, какой духовный сад расцвел в Москве, когда количество храмов так увеличилось!) Но, к сожалению, наша договоренность так и не осуществилась.

Помню, когда мы закончили первый класс семинарии, наш наставник устроил нам поездку в Москву всем классом. Мы тогда побывали в нескольких храмах и в том числе посетили Богоявленский собор. Служил протопресвитер Николай Колчицкий, и после полиелея мы все приложились к Евангелию, приложились к мощам и получили в благословение от отца Николая иконочку святителя Алексия, которая у меня хранится до сих пор. А потом мы поднялись на Воробьевы горы, и на фоне университета вот такая группа бурсаков во главе с Владыкой в белом макинтоше сфотографировалась. У меня есть эта фотография 1954 года.

Подражайте наставникам вашим, завещал нам апостол Павел (Евр. 13, 7), и мы стараемся запомнить этот образ благостного нашего архипастыря и подражать вере, жизни и делам дорогого Владыки.

Владыка Питирим

Архиепископ Новосибирский и Бердский
Тихон

Я пришел в Издательство в 1976 году, и с митрополитом Питиримом меня связывают десять лет жизни. Во втором классе Московской Духовной семинарии протоиерей Борис Демушкин, мой зять, познакомил меня с отцом Иннокентием (тогда протоиереем Анатолием Просвирниным), а тот познакомил меня с Владыкой Питиримом и сказал, что хочет меня взять в богословский отдел «Журнала Московской Патриархии». На что Владыка Питирим ответил, что начнем с иподиаконства. В то время как раз шла смена иподиаконских поколений: те, которые были до нас, получили священнический сан, так что иподиаконами стали мы с Владимиром Ригиным (ныне протоиерей). И следующие десять лет мы были вместе около Владыки.

В пору моего иподиаконства я много ездил с Владыкой. Он очень любил служить в Волоколамске. Святейший Патриарх Пимен благословлял его служить вместо себя, когда уезжал в Троице-Сергиеву Лавру (на Троицу, на преподобного Сергия) и в другие моменты, когда сам не мог служить. Я прислуживал Владыке в Елоховском соборе и в других московских храмах. Хорошо помню свое первое участие в богослужении – тогда Владыка служил на Иверскую в храме Воскресения Христова в Сокольниках, у чудотворной Иверской иконы. Прихожане, везде и всегда принимавшие Владыку с большой любовью, особенно любили приходить на его богослужения в храм Воскресения словущего на Успенском Вражке – храм обычно был полон молящихся. Этот храм он считал своим кафедральным и вкладывал в его ремонт издательские деньги; так же Владыка относился и к храмам Волоколамского благочиния, возродив многие из них буквально из руин. И он мечтал, что когда-нибудь ему отдадут Иосифо-Волоцкий монастырь и можно будет возродить в нем монашескую жизнь, сделать его монастырем для ученого монашества, чтобы там можно было работать над церковными изданиями (об этом они мечтали вместе с отцом Иннокентием).

Когда Владыка проповедовал за богослужением, то это всегда был экспромт и слушать его было чрезвычайно интересно, потому что он всегда говорил по вдохновению. Помню такой случай: однажды на Акафисте мы не подали ему молитву, которую положено было читать, и Владыка тут же произнес молитву, составленную им экспромтом, – ему это было легко, так как он прекрасно знал богослужебные тексты. При этом Владыка говорил, что следует практике Святейшего Патриарха Алексия I, который также любил экспериментировать с Уставом. Он вообще во многом старался копировать Предстоятеля Церкви – и в манере поведения, и в общении с людьми, и даже в походке. Владыка считал, что Патриарх Алексий I как дворянин являл собой образец русского православного человека. Впрочем, от многих я слышал, что и сам Владыка является для них образцом православного архиерея, и многие духовные люди мне говорили, что держатся того направления, которое идет от Владыки Питирима, видимо, зная, что он, в свою очередь, всегда придерживался наставлений преподобного Севастиана Карагандинского.

Что касается отношения к Владыке как преподавателю Московской Духовной академии, то следует сказать, что далеко не все студенты его понимали. Он преподавал у нас Новый Завет и подходил к нему, как исследователь: обращал наше особое внимание на различия в текстах, на подстрочный аппарат и т. д. Но многие студенты пришли в Академию только для того, чтобы получить сан священника, их такая глубина не интересовала и на его лекциях они скучали. Владыка же знал, как далеко продвинулся Запад в библеистике,

какое значение там придается анализу разночтений в Священном Писании, и сам считал, что именно на таком сравнительном анализе студент может вырасти как богослов.

Вообще, Владыка все время пытался поднять уровень образования в Академии. Иногда он даже говорил на редакционных советах, что поскольку многие сотрудники Издательства или учатся, или преподают в Московской академии, то надо пытаться как-то повлиять в том отношении, чтобы там наконец началась какая-то перестройка в системе подготовки священнослужителей, что семинария действительно должна ориентироваться на подготовку священнослужителей, но в Академии следует готовить богословов-ученых.

И Владыка пытался что-то делать, но ему всегда катастрофически не хватало времени, потому что он часто бывал в зарубежных поездках, совершал богослужения, постоянно участвовал в различных общецерковных мероприятиях. На Академию у него почти не оставалось времени, приезжал он на занятия редко, всегда его кто-то замещал, не было у него времени и для более тесного общения со студентами. Но сам я с интересом посещал его лекции и по сей день считаю важным то, к чему он нас на них призывал: критически мыслить, сравнивать, анализировать – для студентов Академии все это очень важно. И то, что сейчас Академия перестраивается и превращается в такое учебное заведение, где готовятся ученые, богословы Русской Православной Церкви, – это было его мечтой, в осуществление которой вложен и его молитвенный труд.

Владыка был человеком энциклопедических знаний. Как он сам рассказывал, с Издательством его связало тоже иподиаконское дело: когда он был иподиаконом у Святейшего Патриарха Алексия I, то вместе с другими иподиаконами выпускал домашний журнал, который всегда читал Святейший; и Патриарх тогда уже заметил, что у Владыки (тогда у Кости Нечаева) хорошо получается – вот почему впоследствии и благословил его на должность главного редактора «Журнала Московской Патриархии». Будучи на этом послушании, Владыка старался поднять издательское дело на новый, более высокий уровень, и в этом весьма преуспел. Он был знаком со многими учеными людьми в Москве, часто посещал архивы и рукописные отделы библиотек, считая важным печатать что-то новое с рукописей, еще не известное, а не перепечатывать уже опубликованное. К работе с источниками он приучал и нас, молодых своих референтов, а потому архивы и библиотеки были излюбленным местом работы многих сотрудников Издательства.

Владыка очень любил фотографировать и всегда носил с собой фотоаппарат. Каждому новому сотруднику, приходящему в Издательство, он обязательно давал фотоаппарат. А когда мы во время богослужения начинали со всех сторон его фотографировать – не обращал на это внимания, отчего наши прихожанки говорили, что Владыка очень любит фотографироваться (не понимая, что таким образом он обучает нас, делая потом различные замечания о наших снимках).

Я считаю, что Владыка был образцом православного архипастыря, потому что он с детских лет окормлялся ныне канонизированным старцем Оптиной пустыни отцом Севастианом. Преподобный Севастиан скончался в Караганде. А в то лихолетье на Руси, когда закрывались храмы и монастыри, он из Козельска попал в город Козлов (Мичуринск), где жила семья будущего Владыки Питирима и служил его отец Владимир Нечаев. Уже с детских лет Костя Нечаев был знаком со старцем и, конечно, им воспитывался: старец приучал его к молитвенному деланию. О том, что Владыка Питирим был делателем молитвы Иисусовой, мне говорил и митрополит Зиновий (Мажуга) – старец, который жил в Тбилиси и скончался в 1985 году. Он очень любил Владыку и считал его опытным молитвенником. И сами мы замечали, что Владыка внутренне сосредоточен, имеет внутреннюю молитву, любит ее. Он и нам, своим молодым иподиаконам, пытался передать эту любовь и часто говорил с нами о важности Иисусовой молитвы. Но нам как-то трудно было окормляться у архиерея, ибо

хотя мы постоянно находились около Владыки, но не были его духовными чадами: ведь мы учились в Московской академии и нашими духовниками были монастырские старцы.

Я помню, что когда в 1986 году мы издавали «Канонник», у нас оставалось еще в запасе несколько страниц и зашел разговор о том, чем бы их заполнить. Тогда Владыка Питирим принес из своей библиотеки книгу «Уставы» знаменитых монастырей по чтению сотниц Иисусовой молитвы. И эти уставы иноческого келейного правила мы как раз и опубликовали в приложении к «Канонику». Надо сказать, что до этого я не только ни у кого не видел такой книги, но даже не слышал о ее существовании. Но он такую книгу имел, у него вообще была хорошая библиотека и дома, и в Издательстве.

В библиотеке Издательства хранилось много интересных рукописей: ведь тем людям, которые оставляли какие-то воспоминания о церковной жизни, о положении Церкви в Советском Союзе, о своем жизненном пути, связанном с Церковью, – просто некуда было их нести: других церковных издательств тогда не было и все это попадало к нам и хранилось в Издательском отделе. Помимо этого, в нашей библиотеке было собрано множество ценных и интересных книг, в основном – материалы по издательскому делу, различные словари, энциклопедии. Все это очень помогало нам в работе: любую справку можно было найти, не выходя из помещения Издательства.

Владыка старался окружать вниманием и заботой свои молодые церковные кадры, вырастить из них настоящих церковных журналистов. В Издательство часто приезжали коллеги-иностранцы, он устраивал встречи с ними. Владыка входил во «Всемирную Ассоциацию христианских коммуникаторов» и «Экуменический круг по информации в Европе». Они часто устраивали различные мероприятия, на которые он выезжал за границу и брал с собой кого-нибудь из сотрудников. Потом Владыка приглашал их в Издательство и тоже с ними были встречи, беседы. Тематами таких бесед в то время были защита мира во всем мире, экуменические контакты и, конечно, христианская информация в Европе и мире. Для нас было очень важным изучение новых средств массовой коммуникации, новых масс-медиа, которые уже повсюду применялись на Западе, – в СССР ничего этого тогда не было, но Владыка старался не отставать от жизни.

Кое-что (например, прекрасные фотоальбомы) он издавал за границей, используя хорошие зарубежные полиграфические базы – все это отнимало много времени и сил и также требовало частых поездок за рубеж. Ему очень нравилась заграница – я думаю, потому, что он любил порядок, любил, чтобы все делалось на высшем уровне. К сожалению, у нас в то время добиться этого было невозможно, а Владыка постоянно старался подтягивать свое Издательство к европейскому уровню.

Всем, что происходило в Издательстве, Владыка живо интересовался. В частности, он следил не только за правильным ходом производственных дел, но и за бытом своих сотрудников, всегда утверждая, что работа и жизнь – это одно и то же. Старайтесь, говорил нам Владыка, чтобы вам было на работе комфортно; некоторые проводят разделение: вот это – моя работа, здесь я зарабатываю деньги, а это – моя жизнь; но такое разделение неправильное, потому что человек раздваивается и ни здесь, ни там не получает удовлетворения; и поскольку большую часть жизни мы проводим на работе, отдавая ей очень много времени, то и быт с этой стороны, рабочая обстановка должны помогать человеку не только трудиться, но и жить.

И чтобы сделать эту жизнь интереснее, он перенимал опыт дипломатов – в дипломатических кругах бывают такие дни недели, когда все работающие за границей сотрудники посольства собираются вместе и устраивают какое-то общее мероприятие – концертный или литературный вечер, показ фильма и т. д. Такой день был и у нас – в среду мы на час раньше заканчивали работу и в 16 часов собирались в конференц-зале. Как правило, зал всегда был полон, ведь все это происходило в рабочее время. На таких вечерах некоторые

из наших сотрудников рассказывали о своих поездках (помню свое выступление с показом слайд-фильма после поездки в Данию). Владыка часто приглашал на них интересных людей, устраивались концерты, пел хор храма Воскресения словущего на Успенском Вражке, который фактически был музыкальной редакцией Издательства (приход храма не мог их содержать, поэтому они получали деньги в Издательстве, здесь же проходили спевки, а иногда и концерты). Характерной чертой их выступлений был углубленный подход к творчеству того или иного церковного композитора. Например, если они занимались композитором А. А. Архангельским, то устраивали концерт только из его песнопений, стараясь полностью выявить все их характерные особенности. Потом они так же прорабатывали Д. С. Бортнянского, В. Н. Зиновьева и др.; для сотрудников это было чрезвычайно интересно. Более того, они изучали их жизнь, старались отыскивать могилы, где они похоронены. Так, я помню, удалось найти могилу композитора-священника Василия Зиновьева, привести в порядок уже заросшее мхом надгробие. А поскольку многие в этом хоре имели высшее музыкальное образование, то они могли также писать и публиковать в нашем Журнале статьи о тех самых композиторах, творчество которых изучали.

Если это был рождественский вечер или пасхальный утренник, то сотрудники приходили с детьми, для которых заказывались мультфильмы, приглашались Дед Мороз со Снегурочкой. Составлялся план таких вечеров чуть ли не на год вперед, и там все было расписано; всем этим занимались сами сотрудники, конечно, с подсказки и благословения Владыки.

Частыми были и паломничества по святым местам. Нанимался автобус, и все с удовольствием ездил в Иосифо-Волоцкий монастырь, во Владимир, в Суздаль. Это также сплачивало коллектив, а ведь среди нас всегда было много людей одиноких, не имеющих семьи. Владыка обычно заранее созванивался с архиереем той епархии, в пределы которой мы направлялись, и это давало свои плоды; хорошо помню, как по-отечески нас принимал во Владимире Владыка Серапион: и подарки всем подарил, и сам во всех мероприятиях участвовал. Когда Владыка Питирим служил в Волоколамске, то мы приезжали туда даже с ночевкой, причем ехали в село Пески, в котором жила псаломщица Надежда Прохоровна (недавно она умерла); она нас радушно встречала – бывало, пойдем в лес, наберем грибов, она нам их нажарит. Старые сотрудники Издательства до сих пор вспоминают эти замечательные поездки, которые устраивал для нас Владыка Питирим, во время которых все мы чувствовали себя единой православной семьей. И когда я занимал должность Председателя Издательского Совета в 1995–2000 годах, то старался эту традицию продолжать.

Но мы и помногу работали, никто не считался со временем. Ведь в советское время в церковные структуры приходили энтузиасты, они знали, на что шли, им хотелось помочь Церкви и они полностью отдавали себя работе. Владыка старался замечать тех, кто хорошо трудился, как-то их поощрять и продвигать. Как руководитель он был строгим и взыскательным, так что не только ему приходилось терпеть нас, но и нам приходилось смиряться и терпеть. Но мы видели, что Владыка по своим знаниям намного выше всех нас, и очень его уважали. Он всегда говорил: не стесняйтесь обращаться ко мне, потому что у меня большой опыт и я знаю ответы на многие вопросы. И действительно, когда приходилось готовиться к каким-то докладом в Московской Духовной академии, к каким-то выступлениям на вечерах, посвященных памяти святых, то он мог сходу, не пользуясь никакой литературой, сообщить множество сведений практически на любую тему. И, конечно, он прекрасно знал особенности духовной жизни Православной Церкви, поскольку сам воспитывался старцем. Он хорошо знал, как надо молиться, что надо читать, и это, я думаю, помогало ему правильно вести и церковное издательское дело.

Прежде всего Владыка был главным редактором «Журнала Московской Патриархии», каждый номер которого он прочитывал и редактировал. Но когда у него не было времени, он говорил: я прочитал этот номер «по диагонали». Но так как он был редактором высокого

класса, то сразу замечал, сырой это материал или нет... Действительно, опытному человеку не надо прочитывать каждое слово, по ходу текста он сразу видит, какие у него есть недостатки.

В то время идеологию Журнала контролировал Совет по делам религий, и положено было каждый номер возить туда на утверждение. Часто они вычеркивали то одно предложение, то целый абзац, где им что-то не нравилось. Помню, я написал в одной статье фразу о том, что Церковь указывает человеку верный путь и дает правильный идеал, – эти две строчки они у меня вычеркнули. Богослужебные книги они, как правило, не правили, а вот всякие предисловия к ним или журнальные тексты – тут они старались, чтобы не было никаких покушений на линию партии. Впрочем, и к этой своей работе они во многом относились формально. Так, когда мы делали «Настольную книгу священнослужителя», материал шел сотнями страниц и они, как правило, ничего не читали, полагаясь на нас, что мы сами следим, чтобы все было «нормально». И действительно, нам отнюдь не хотелось, чтобы был какой-то конфликт с государством, потому что от Совета по делам религий зависели все бумажные фонды.

Прерогативой Владыки было проведение редсоветов. Это случалось не очень часто, но на таких редсоветах всегда выслушивали всех. Обсуждались и стратегические вопросы, например, рубрики Журнала. Конечно, были и устоявшиеся рубрики, но Владыка всегда был готов ввести что-то новое, насколько это тогда было возможно. Но это было трудно, потому что, если уж что-то менять, то менять нужно было кардинально.

Иногда менялись люди. Владыка экспериментировал: пробовал ставить на какой-нибудь отдел одного человека, другого... Кстати, сотрудники, работающие в Журнале, занимались и изданием книг, так как специальной книжной редакции тогда не существовало; и кому-то поручали заниматься Требником, кому-то Псалтирью и т. д. – они готовили свои книжные издания в свободное от работы над Журналом время.

Владыка постоянно старался создавать новые направления в работе Издательства – у нас делали и кинофильмы, и слайд-фильмы, создавали фототеку. Для последней использовались работы своих фотографов, которых у нас было много; высококлассные фотографии нанимались и со стороны. Специально занимались и церковной музыкой, записью различных хоров.

Нас часто посылали ездить по епархиям для сбора материалов о церковной жизни. Мы снимали храмы, монастыри, богослужения архиереев, иконы в музеях и храмах, накапливался самый разнообразный материал. Что-то из этого шло в книги, что-то в Журнал. Многие материалы никуда не шли и просто откладывались – думаю, и до сих пор собрание фототеки включает в себя множество никогда не использованных фотографий, которые были сделаны во времена Владыки Питирима. Конечно, тогда были возможности оплачивать командировки, оплачивать работу хороших фотографов. Ведь все это стоило очень дорого – и пленка, и бумага, да и «Кодак» в то время не каждое издательство имело. У нас работали журналисты-фотокорреспонденты из ТАСС и АПН, многие люди, лица которых мы потом видели на экранах телевизоров, прошли через наше Издательство. В то время те, которые не хотели работать на советскую пропаганду, шли в церковные структуры и попадали или в ОВЦС, или в Издательский отдел (тогда в Русской Церкви только и были эти два отдела). Многие из светских журналистов и ученых в той или иной форме работали в нашем Издательстве – здесь они зарабатывали какие-то деньги и в то же время, имея настоящее образование, поднимали уровень Журнала. Конечно, им было труднее входить в церковную тематику, – обычно на это требовалось несколько лет, зато потом они давали для Журнала множество серьезных работ.

«Журнал Московской Патриархии» иногда упрекали, что он не очень интересен; но я думаю, что если бы на месте Владыки Питирима был другой человек, то многие наши про-

екты просто не осуществились бы. Потому что у него были налажены хорошие контакты со всеми, он умело подходил ко всем вопросам, а потому все-таки печатались и богослужебные книги, и «Богословские труды»; регулярно выходил и «Журнал Московской Патриархии». Но когда на Синоде с него требовали, чтобы было больше молитвословов и Евангелий, Владыка только улыбался и говорил: у нас ограниченные фонды по бумаге – сколько нам государство выделяет, столько мы и издаем. А выделяли тогда буквально крохи: 200 тонн бумаги на все религии Советского Союза, и надо было эти 200 тонн разделить по всем конфессиям и по всем религиям, так что Издательству оставалось немного. Так, при каждом издании Библии – а это был все же особый случай – вопрос о выделении бумаги на печатание решался на очень высоком уровне и тиражи разрешались не очень большие. Себестоимость книг в советское время была невысокая – например, одна Библия обходилась что-то около рубля – в продаже, конечно, она была намного дороже, но Владыка старался, чтобы она продавалась не дороже 30 рублей (правда, храмы могли делать свою наценку).

Конечно, монопольное положение Издательства в экономическом отношении способствовало его процветанию. У нас были средства для того, чтобы содержать большое количество сотрудников. Поскольку я тоже занимался кадрами, то помню, что по списку у нас работало около 900 человек (хотя не все из них были оформлены в штат). Конечно, имелись большие проблемы с их профессиональной подготовкой – ведь в то время ни Академии, ни светские вузы не готовили ни церковных журналистов, ни церковных редакторов. Поэтому Владыка брал этот подвиг на себя и все старался из нас, простых семинаристов, из которых многие и пришли-то не для издательской карьеры, а чтобы стать священнослужителями, – сделать профессиональных работников.

Он приглашал к нам известных мастеров устного слова – помню, приходил чтец-декламатор Д. Н. Журавлев и читал нам лекции по основам ораторского искусства. Владыка приглашал известных писателей, которые занимались с нами литературным русским языком, потому что, к сожалению, у русских людей всегда самое слабое место – литературный язык. Приглашал и опытных светских фотографов и пишущих журналистов, которые с нами беседовали и учили, как надо обрабатывать тот или иной материал, как сделать его интересным. Словом, Владыка всячески старался подтянуть нас до соответствующего уровня в журналистике.

Поэтому скучать не приходилось, работа была всегда интересной, много работали в архивах, в первую очередь в архивах Санкт-Петербургской, Московской, Казанской, Киевской духовных академий, знакомились с рукописями как студентов, так и преподавателей. Интересного материала было очень много, мы отыскивали работы, которые не успели выйти в свет до революции, а после об этом не могло быть и речи. Мы их обрабатывали и давали и в «Богословские труды», и в «Журнал Московской Патриархии».

Владыка рос в большой семье, у него было много братьев и сестер и он, конечно, рассказывал о своем детстве, об отце. Помню, отец Иннокентий очень уважал маму Владыки Ольгу Васильевну – даже его исследования о святой княгине Ольге были как-то связаны с ней, поскольку она носила имя этой святой¹. Интересно отметить, что у мамы митрополита было имя Ольга, у отца – Владимир, у самого Владыки светское имя – Константин, т. е. в этой семье все небесные покровители – благоверные князья и княгини, очень знаменитые, важные для православной Церкви люди.

По словам архимандрита Иннокентия, мама Владыки Питирима, когда его вынашивала, видела сон, и в нем ей явился Патриарх Тихон и вручил цветок лилии, сказав: береги этот цветок. И она так и подумала, что ее Костя будет особым человеком, что от нее, может,

¹ Речь идет о статье: А. Просвирнин. Равноапостольная Великая княгиня Российская Ольга // ЖМП. 1969. № 7. С. 56–67.

даже родится преемник Святейшего Патриарха Тихона. В целом этот сон, я думаю, был вещим, если учесть, каким важным для Церкви человеком стал ее сын: и скончался в сане митрополита, и как издатель сделал для Церкви очень многое, притом в те времена, когда сделать это было очень не просто. Ведь он три десятка лет возглавлял Издательство, а редакцию небольшого по объему Журнала преобразовал в современное громадное Издательство. И не его вина в том, что в конце 1994 года он был освобожден от своей должности, да и Издательский отдел прекратил свое существование. Полагаю, что этого потребовало время, поскольку в стране шли уже глубокие политические и экономические преобразования, требовались другие подходы и методы в осуществлении издательской деятельности. К тому же возможность выпускать церковную литературу обрели и другие издательства, поэтому острой необходимости в большом церковном издательстве уже не было. Были, вероятно, и другие причины, но как бы то ни было, что случилось – то случилось.

Владыка Питирим дружил с очень многими интересными людьми: так, в Издательстве можно было увидеть и академика Б. В. Раушенбаха, и академика Д. С. Лихачева – они были его друзьями, бывали у него на богослужениях, беседовали с ним на различные темы – и богословствовали, и философствовали. Как-то Дмитрий Сергеевич пришел в Издательство в день памяти его мамы, и Владыка Питирим в домовом храме Издательского отдела во имя преподобного Иосифа Волоцкого служил панихиду. Я часто бывал на службах с митрополитом – и в качестве иподиакона, и в качестве иерея, но другого такого богослужения я не помню: в храме ощущалась какая-то особая атмосфера, как в воздухе перед грозой – это была атмосфера духовности, поскольку и сам академик Лихачев был человеком высокой духовности, и, конечно, духовным человеком был Владыка Питирим. То было незабываемое богослужение.

Какая-то информация доходила до нас и о том, о чем Владыка беседовал с академиком Раушенбахом. Как правило, они обсуждали научные вопросы, например, можно ли на иконах изображать облака. Раушенбах доказывал, что нельзя, поскольку облака – это атмосферное явление. А Владыка Питирим возражал, что облака на иконах – это не те облака, которые мы видим на небе и из которых идет дождь, – это совершенно другие облака, о них говорится в Священном Писании и они всегда связаны с какими-то Божественными явлениями, с проявлением Божественной энергии.

Вообще я думаю, что многие ученые, приходившие к Владыке и беседовавшие с ним, укрепляли свою веру; после таких бесед и своих встреч с ним они считали себя его духовными детьми. И многие начинали сотрудничать с нами: конечно, они не могли печатать статьи под своими настоящими именами, приходилось использовать псевдонимы, но это были очень интересные статьи, особенно на исторические темы – они имели высокий научный уровень.

Владыка Питирим хорошо знал и любил старцев, которые еще оставались в СССР, несмотря на все гонения. Он поддерживал с ними отношения с неизменной внимательностью, всегда относился к ним бережно, с любовью. И я помню, как во время какого-то официального визита в Грузинскую Православную Церковь, в котором он участвовал и днем был очень занят, он даже ночью специально поехал, чтобы встретиться с Владыкой Зиновием, побывать у него в келье, взять благословение. Он много раз бывал в Караганде, где после ссылки остался жить преподобный Севастиан, брал с собой и отца Иннокентия. И я видел фотографии, где они оба сидят за столом рядом со старцем. Я думаю, что и весь жизненный путь отца Иннокентия определился влиянием и воспитанием Владыки Питирима, – и то, что он из простого семинариста стал богословом и церковным ученым, и то, что он тоже любил старцев, любил молитву, стремился к этой молитве и старался воплотить в своей жизни высшие достижения Православия – традицию исихазма. А ведь традиция эта включает в себя

настоящий молитвенный подвиг – не просто некое посильное дело, а именно серьезный и тяжелый труд.

Но Владыка Питирим, как и архимандрит Иннокентий, был беззаветным тружеником, он трудился, не считаясь ни со временем, ни со своим здоровьем. К тому же он приучал и нас, однако не все это понимали и принимали, некоторые даже роптали, что из нас делают каких-то роботов, которые обязаны работать день и ночь. Но тот, кто полюбил издательское дело, а тем более дело издания богослужебных и богословских текстов, – тот понимает, какую великую пользу он приносит не только другим, но и самому себе, так что он уже не нуждается в принуждении, напротив, у него появляется желание потрудиться для Церкви, появляется любовь к своей профессии. Ведь работая в церковном издательстве, он получает большую пользу и для своей души.

У Владыки Питирима была дача в Подмоскowie, иногда он там бывал, летом там жили его сестры (одна из них была инвалидом-колясочницей), и мы как помощники Владыки помогали им. Кстати, они всегда были дома на телефоне и фактически выполняли секретарские обязанности: при необходимости им можно было позвонить в любое время дня и ночи, и если Владыки нет, сестры всегда примут телефонограмму, все обстоятельно запишут и обязательно передадут Владыке. Часто и он, если не мог до кого-нибудь дозвониться, звонил домой, а уже его сестры разыскивали нас и передавали задание, которое давал Владыка.

Отношения с другими архиереями складывались у Владыки по-разному: с некоторыми архиереями он дружил, был с ними единомыслен, часто общался. Но были и такие, которые не считали его своим, быть может, в силу различий в характерах. Ведь дружба невозможна без взаимности: человек ищет в друге свое продолжение, и то, что, наверное, хотел бы видеть в себе – находит в друге своем; как говорится, с кем поведешься, от того и наберешься. Поэтому с теми, с которыми он получал какую-то пользу, он поддерживал отношения. Были архиереи, отношения с которыми у него были чисто официальными. Но так ведь и в жизни у каждого человека: каждый сам себе выбирает, с кем ему идти по жизни, – и те, кто подходят, с теми он общается больше, с другими же отношения только по необходимости, по работе, по послушанию.

К Патриархам он относился очень уважительно и всегда, когда собирался ехать на доклад в Чистый переулок, очень напрягался, сосредотачивался – чувствовалось, что он весь уже там. Если в этот момент станешь задавать ему какой-то вопрос, он рассеянно говорил: потом, потом; он весь как-то концентрировался, собирался, хотя особых промахов у него никогда не было. Он старался показать Предстоятелю Церкви каждое свое новое издание, брать благословение на новый издательский план – и это было в порядке вещей, так было заведено.

Первоначально мы работали в Успенском храме Новодевичьего монастыря. Сотрудников у нас было много, а потому подсобные помещения храма были разделены буквально на клетушки (размером два с половиной на два с половиной метра), в которых сидело по несколько сотрудников. Было очень тесно, неудобно, но зато там были очень хорошие подвальные помещения – это было хорошо и для книжного склада, и для экспедиции. Взять, например, издания богослужебных книг: быстро продать их нельзя, поэтому их печатали и складывали там же, в подвале; потихоньку эти издания расходились – как для нужд Русской Православной Церкви, так и за границу, для Патриарших приходов за рубежом, православные храмы которых вели богослужения на церковнославянском языке.

Но хотя начало Издательства было положено в Новодевичьем монастыре, расширение издательского дела требовало новых помещений. Владыка все время искал такие помещения и наконец добился, чтобы ему передали несколько зданий на Погодинской улице, некогда принадлежавших Новодевичьему монастырю. Под одно из них (одноэтажное) был подведен новый фундамент, на котором и возвели несколько этажей; был такой церковный строитель

И. И. Макаров, который ранее занимался строительными работами в Пюхтицком монастыре – он и руководил строительством. В результате сотрудники получили очень хорошие помещения, где уже можно было не только выпускать журнал, но подготавливать и другие издания. Появилось сразу несколько новых редакций, которые занялись разными издательскими направлениями. Сотрудники для них были уже подготовлены. Вообще, начало 1990-х годов – это время наивысшего расцвета Издательства, его золотой век. Ну и как всякий золотой век – длился он недолго, потому что уже начиналась перестройка... Сам я ушел из Издательства в 1986 году, получив на это благословение Владыки Зиновия. Конечно, Владыка Питирим воспринял это тяжело, он вообще очень огорчился, когда уходил кто-то из Издательства. Но остальные сотрудники еще работали, и работа шла полным ходом...

Когда в 1991 году меня рукоположили во епископа Новосибирского, Владыка был первым, от кого я получил поздравительную телеграмму. И оказывается, что он задолго до этого говорил сотрудникам: когда рукоположат отца Тихона, мы первые должны послать ему в Новосибирск поздравительную телеграмму, потому что он наш первый архиерей из Издательства.

И потом, когда меня назначили в Издательство в 1995 году, он первый позвонил и сказал, что хочет приехать. Приехал, мы с ним около часа проговорили. Кое-что он рассказал, как уходил. Кое-что попросил, какие-то свои личные вещи, которые накопились за 30 лет и которые сразу не увезешь.

После 1995 года, когда он уже был не у дел, а только иногда служил и выполнял отдельные поручения Святейшего Патриарха, мы также порой пересекались. Это бывало, например, на патриарших богослужениях. Обычно мы, сослужащие архиереи, приезжаем за час до Патриарха, сидим в алтаре и в ожидании Святейшего беседуем. Иногда мне выпадало сидеть рядом с ним и перемолвиться несколькими фразами: он спрашивал, как дела, я что-то рассказывал ему. На одной из таких бесед я сказал ему: Владыка, помните, как Вы обижались на нас, иподиаконов: мол, с вами говоришь, а всё будто в песок уходит – никакого отклика, никакой реакции; но ведь, Владыка, все это проявляется не сразу... вот, скажем, семя бросишь в землю – и ему нужно какое-то время, чтобы прорасти. Так и с нами: все что Вы, Владыка, в свое время посеяли – надеюсь, когда-то прорастет. Вот, например, когда я выезжаю сейчас за границу, то неизменно следую некогда услышанным от Вас советам: старайтесь, чтобы у вас все всегда было под рукой, размещалось удобно; допустим, если вы берете фотокамеру, то чтобы был к ней удобный чехол; и такой же чехольчик к перочинному ножу; и чтобы сумка была с собой удобная и можно было в одно отделение документы положить, в другое очки – тогда и не будете искать по карманам, где что положили... Не знаю, утешали ли Владыку такие мои речи, но то, что даже таким мелочам жизни он старался нас научить, – это ведь тоже характеризует человека.

Встречались мы и на различных церковных и культурных мероприятиях (например, на праздновании 70-летнего юбилея выдающегося дирижера Евгения Светланова), и всегда общались нормально. Когда в 1998 году нас подкосил дефолт, я от разных людей слышал, что Владыка очень за нас переживал и спрашивал (хотя и не лично у меня, а у других), как идут наши дела. И как-то раз на какое-то мероприятие в Издательстве мы его пригласили, и он пришел; но когда по окончании мероприятия мы хотели пригласить его на чай, оказалось, что он исчез. Я спрашиваю: где же Владыка Питирим? А мне говорят: он ушел. Правда, перед этим зашел в картинную галерею каминного зала, посмотрел, увидел, что все картины на месте, и сказал: слава Богу...

Когда я пришел в Издательство, я старался восстановить всё – взаимоотношения, редакторскую работу, быт – именно в том виде, как было при нем. Потому что мне казалось и кажется сейчас, что тогда наш Отдел был эталоном того, каким должно быть церковное издательство. Конечно, возможности были уже не те, появилось и много новых проблем. Но

я рад, что издательское дело в нашей Церкви живет, а его начало было положено Владыкой Питиримом.

Поминайте наставников ваших. О Владыке Питириме

Архиепископ Орехово-Зуевский

Алексий,

викарий Московской епархии, заведующий кафедрой теологии МИИТа

Размышляя о людях, подобных митрополиту Питириму, о тех, чей путь жизни уже исполнен, хочется, восхищаясь, с благоговением хранить молчание. Жизнь каждого человека сокровенна и всегда – тайна, особенно сокровенна жизнь человека духовного, и нам приоткрывается только видимая, внешняя ее часть. Опыт Церкви говорит, что Богу угодно, чтобы мы поминали наших наставников и не только поминали в молитвах, но и, *взирая на кончину их жизни, подражали вере их* (Евр. 13, 7). И в этом видится всепопечение Божие о нас и о тех наших братьях и сестрах, которым предстоит идти по жизни после нас и учиться дорожить духовными традициями и опытом других людей.

Мне хотелось бы это подчеркнуть, потому что наша память о Владыке необходима в первую очередь нам самим. Она должна нас созидать и, конечно, объединять. Нельзя ограничиваться только лишь констатацией множества присущих ему добрых качеств и перечислением его заслуг, выдающихся способностей и природных талантов, всесторонней образованности. Сам Владыка Питирим говорил: «Достоинство человека не в талантах, а прежде всего – в мере его ответственности». В нас должно появиться доброе желание духовно породниться с такими людьми, как Владыка, почувствовать в этом необходимость и пожелать вместить нечто, что было и есть общее и объединяющее всех подвижников веры, искренних служителей Церкви и Отечества.

Личность митрополита Питирима производила на людей почти полностью расцерковленного общества громадное впечатление.

Один человек мне сказал, что единственная встреча и беседа с Владыкой стала самым важным событием в его жизни. Отчего это могло произойти? – Оттого, что через Владыку Питирима люди соприкасались с живой глубокой православной церковной традицией, носителем которой он был. Это было открытие смысла жизни.

Высокопреосвященный митрополит Питирим был выдающийся иерарх, замечательный педагог, человек высокой культуры. Для многих он был и духовным отцом.

Мое знакомство с ним состоялось в 1972 году, когда я стал воспитанником Духовной семинарии. Сначала были только короткие встречи, когда, увидев Владыку, мы, студенты, бежали взять у него благословение. Затем, когда Владыка читал лекции, мы с большим вниманием и интересом слушали его слова о самых разных предметах: об иконе, о русской книжности, об издательской деятельности.

С 1975 года по рукоположении в диаконы мне посчастливилось служить с Владыкой в различных храмах – как московских, так и волоколамских.

Он мало говорил о том, как надо относиться к храму, богослужению, святым. Но он это показывал всем своим существом. Вообще надо сказать, что когда мы говорим о Владыке Питириме, мы ведь говорим не просто о хорошем человеке. Нечто особое отличало его от всех других людей. Он был иным, носителем иной жизни. Эта «инаковость» была зрима, чувствуема, вызвала трепет и нередко благоговейный страх; то была его духовность, внутреннее сердечное предстояние пред Богом, высота его невидимого для окружающих подвига делали его и внешне красивым.

Но, несмотря на высоту его служения, Владыка был прост и доступен. Для нас, студентов, это было очень важно: часто на ходу мы задавали ему различные вопросы, и он с любовью, с необычайной тактичностью, нередко с юмором, но всегда с большим уважением к

вопрошающему на них отвечал. Владыка был очень деликатным человеком, и многие отмечали, что он никогда никого не убеждал, не уговаривал, не настаивал. При этом он говорил, что надо дать возможность действовать самому Богу, не мешать Ему человеческой волей, своим желанием. Для нас каждая встреча с Владыкой была событием, о котором говорили, часто вспоминали.

Владыка часто выезжал в зарубежные командировки по благословению наших Патриархов с различными миссиями и по делам издательства. Нас всегда поражало его благоговейное отношение к опыту других конфессий: католиков, протестантов. Но это ни в коем случае не значит, что Владыка не был принципиальным человеком. Я думаю, что это показатель очень высокой духовной культуры человека, который блестяще знал Православие и жил им. К нему с большим уважением относились и миряне, и церковнослужители, и богословы различных исповеданий. Он очень интересно рассказывал о своих поездках. Но при этом мы всегда отмечали, что при всём обилии этих впечатлений он с неизменной любовью относился к своему Отечеству, своей Церкви и нашему замечательному народу.

«Какое великое счастье – родиться на нашей земле», – говорил он.

Прошли годы. Многое изменилось в нашей жизни. И именно в это время, время больших перемен, митрополит Питирим, будучи исполнен высокого духовного опыта и имея огромный опыт преподавательской деятельности, пришел в родной для него институт (Московский государственный университет путей сообщения – МИИТ), откуда он начинал свой жизненный путь, пришел, чтобы заинтересовать идеей создания кафедры теологии.

Принято считать, что духовный опыт – привилегия, дарованная некоторым избранным. Остальным же приходится довольствоваться (в силу якобы объективных причин) только возможностью его изучать. Отчасти это верно, пока утверждающие так сами стремятся к духовному опыту по своим силам, сверяясь с опытом преуспевших. Но если этого не происходит, то возникает незаметная, но очень опасная ошибка. Незаметно происходит подмена того, ради чего мы трудимся, самым трудом. И тогда мы перестаем жить, а начинаем изучать жизнь. Для нас же, православных христиан, свойственно не отделять конечную цель жизни от самой жизни и от путей, по которым она нас ведет. Другими словами, православное сознание не мыслит отдельно теорию от практики, обучение от опыта, богословие от аскетики, науку от доброго практического применения ее достижений. Восточное предание никогда не проводило резкого различия между практической жизнью христианина и догматическим учением. Более того, никогда оно не разделяло духовного и материального, а лишь определяло всему свое должное место.

Мне хотелось бы, чтобы мы задумались, обращаясь к памяти дорогого нашим сердцам Владыки Питирима, не только о том, как он жил и чего достиг в своей жизни, что, конечно же, чрезвычайно важно. Мне хотелось бы, чтобы мы задумались о том, *ради чего* он прожил свою жизнь. Только тогда память о Владыке может быть по-настоящему полезной для нас, принесет нам пользу реальную, обогатит нас духовно.

В дорогих нам людях, в тех, кого мы любим, нам всё дорого и нет ничего несущественного и маловажного, нет мелочей. Это происходит потому, что мы любим. Жизнь становится житием, когда она исполнена любовью. И поэтому говорить о единении в любви без общих целей в жизни нельзя, так же, как невозможно достигать понимания вне любви, вне этой общей жизни, имея разный взгляд на конечную ее цель.

Нас могут поражать отдельные черты и качества в человеке, мы можем восхищаться теми или иными его достижениями и подвигами. Но сколько бы мы ни углублялись в отдельно взятые подобного рода частности, нам невозможно по-настоящему узнать человека без глубокого осмысления его жизненной мотивации и, значит, без того, чтобы разделить с ним жизнь и быть с ним в единстве.

Возвращаясь снова и снова к памяти митрополита Питирима, хочется сказать, что всё, что он делал в своей жизни, осмыслялось и направлялось им к главной и единственной цели – той, что объединяет всех святых, всех праведников и подвижников и должна объединять всех христиан, и нас с вами в том числе. Владыка никогда не разделял в своей жизни духовное любомудрие и науку, духовное благочестие и быт, отношения деловые и личные, вообще личное и общественное. Все эти понятия и ещё многие для него, были скорее условными, а реально живым было то, что можно назвать жизнью во Христе, церковностью без всякого существенного разделения на отдельные сферы этой жизни, смысл которой – любовь к Богу и исполнение Его воли.

Воздавая честь святым и подвижникам нашей веры, мы тем самым прославляем Самого Бога. Они – плод Его дела на земле, Его слава на земле, исполнение Церкви – Тела Христова, как говорит апостол Павел. Поэтому, вспоминая митрополита Питирима, обращаясь к его личности, мы делаем это по любви к Самому Богу, если делаем правильно. И тогда воля Божия и единое с ней желание Владыки исполнятся. И совершится это ради нас с вами, ради нашей пользы, ради нашего спасения. Поэтому, как учат нас наши наставники, что бы мы ни делали в жизни, в любой области, надо стремиться к основной ее цели – возвращению себя в Отеческий Дом, не к временному, но к вечному и совершенному единению с Богом и в Боге друг с другом.

Воздавая славу Богу за Его милость через дарование нам в лице митрополита Питирима выдающегося наставника, будем стремиться прославлять Бога в каждом нашем слове. И во всём остальном в нашей жизни будем также учиться у Владыки, как учился и он у наставников своих, учился всю жизнь.

Митрополит Питирим жил по святоотеческой многовековой традиции и в традиции, жил ради одного: «Да святится Имя Твое, Боже!» и «Не нам, Господи, не нам, но Имени Твоему даждь славу!» Понять по-настоящему Владыку мы сможем, лишь имея в какой-то, пускай и в несравнимо малой мере, такой же мотив наших дел и жизненных устремлений. И тогда есть надежда, что встреча с нашим дорогим наставником реально произойдет и он будет с нами своей любовью и дарованной ему от Бога благодатью.

Блаженной памяти митрополита Волоколамского и Юрьевского Питирима

Епископ Венский и Австрийский
Иларион

Мое сознательное вхождение в жизнь Церкви произошло в конце 1970-х годов и связано с храмом Воскресения словущего на Успенском Вражке. Этот храм расположен в самом центре Москвы, в квартале, где проживает творческая интеллигенция: рядом находятся Дом композиторов и Дом художников, в нескольких минутах ходьбы – Консерватория. В советское время в храме можно было за богослужениями видеть певца Ивана Козловского, актеров Иннокентия Смоктуновского, Владимира Заманского, многих других известных деятелей искусства. Как и все московские церкви того времени, храм Воскресения словущего был переполнен молящимися в каждый воскресный и праздничный день, а в пасхальную ночь все примыкающие к нему улицы заполнялись народом, стоявшим с зажженными свечами.

В храме Воскресения словущего на протяжении четырех десятилетий служил митрополит Волоколамский и Юрьевский Питирим, одновременно занимая должность председателя Издательского отдела. Настоятелем тогда был протоиерей Леонид Ролдугин. В храме пел прекрасный хор, один из лучших в Москве. Но самые яркие воспоминания связаны с богослужениями, которые совершал Владыка Питирим, тогда архиепископ Волоколамский. В этих службах раскрывалась глубокая любовь Владыки к Богу и Церкви – любовь, которую он унаследовал от своего отца-священника, репрессированного в 1930 году, от своего духовного отца преподобного Севастиана Карагандинского, от своего наставника Святейшего Патриарха Алексия I. Люди, знавшие Патриарха, утверждали, что в своем служении Владыка Питирим – вольно или невольно – подражал ему. Но мы, представители молодого поколения, об этом не задумывались. Мы могли лишь восхищаться служением архиепископа – торжественным, величественным и в то же время глубоко молитвенным.

Однажды, когда мне было лет тринадцать, в канун Великой пятницы я был в храме Воскресения словущего. Читали Двенадцать Евангелий. Несмотря на продолжительность службы, усталость не чувствовалась – настолько ярко возникали в уме образы, связанные с последними днями земной жизни Спасителя. Евангелия читали поочередно архиерей и священники, все стояли с зажженными свечами. Вдруг по окончании последнего чтения Владыка Питирим обернулся ко мне – а я стоял возле кафедры, прямо за его спиной, – и протянул мне свою горящую свечу. Я не понял, зачем он это сделал и почему именно мне, незнакомому мальчику, а не кому-либо из своих иподиаконов отдал он эту высокую и тонкую архиерейскую свечу (которую я храню вот уже четверть века). Но что-то загорелось в моей душе от этой свечи, какой-то огонь зажегся в глубинах сердца. Может быть, именно тогда пробудилось во мне желание посвятить жизнь служению Церкви.

Когда мне исполнилось пятнадцать лет, я попросил отца Леонида Ролдугина взять меня в алтарь. Он согласился. С тех пор я начал регулярно прислуживать в алтаре и читать за богослужением. Поначалу Владыка Питирим разрешал мне участвовать в богослужениях только по будням, так как лицам, не достигшим восемнадцати лет, принимать участие в церковной службе в те годы запрещалось. Но вскоре Владыка закрыл глаза на этот запрет, и я стал ходить в алтарь на все службы, в том числе воскресные и праздничные. За архиерейскими службами я иподиаконовствовал. В пасхальные и рождественские дни Владыка Питирим брал меня в свои архипастырские поездки в Волоколамск. И там он служил так же торжественно, как и в Москве.

Еще будучи учеником музыкальной школы, я по приглашению Владыки начал сотрудничать с Издательским отделом: печатал статьи по церковной музыке в «Журнале Московской Патриархии», занимался редактурой и корректурой литургических книг, в частности, некоторых томов богослужебной Минеи. Это сотрудничество продолжилось и во время моей учебы в Консерватории, и даже тогда, когда я служил в армии. Уходя на военную службу, я получил благословение Владыки Питирима, который напутствовал меня образом святителя Феодосия Черниговского. А когда через два года вернулся из армии, Владыка предложил мне поступить на работу к нему в отдел. Я ответил отказом, так как не мыслил себя кадровым сотрудником синодального учреждения. Владыка удивился: «Тогда скажи, чего ты хочешь». Я сказал, что хочу быть священником и служить алтарю. Сошлись на том, что я буду готовиться к поступлению в семинарию, работая одновременно алтарником в храме Воскресения словущего и оставаясь внештатным сотрудником отдела.

Издательский отдел, возглавлявшийся Владыкой Питиримом на протяжении тридцати лет, был мощной кузницей кадров для Русской Православной Церкви. Некоторые воспитанники Владыки впоследствии стали архиереями, заместителями митрополитов, ведущими сотрудниками синодальных учреждений. Во времена моей юности в «команду» Владыки входили диакон Леонид Емельянов (ныне – архиепископ Новосибирский и Бердский Тихон), диакон Николай Моисеев (ныне – епископ Брянский и Севский Феофилакт), Владимир Грезин (епископ Пермский и Соликамский Иринарх), Георгий Шевкунов (ныне – заместитель председателя СВЦС), Всеволод Чаплин (протоиерей, заместитель председателя СВЦС). Думаю, что все они, ныне занявшие высокие и ответственные посты в Церкви, хранят в сердце добрую память о Владыке Питириме.

Мое общение с Владыкой прервалось более чем на десять лет после того, как в 1987 году я уехал в Литву, где вскоре принял монашеский постриг и священный сан. Возобновились наше общение лишь после моего назначения на должность секретаря СВЦС по межхристианским связям осенью 1997 года. Несколько раз мне довелось сопровождать Владыку Питирима в зарубежных поездках. К этому времени Владыка постарел, хотя совершенно не утратил прежней ясности ума и бодрости духа. И, что меня особенно порадовало, стал более простым и доступным. В советские годы, когда Владыка находился на ответственной должности, в нем всегда чувствовалась некоторая напряженность – он, видимо, следил за каждым своим словом, чтобы, не дай Бог, не сказать чего-нибудь лишнего. Теперь же этого напряжения не было, и я радовался общению с умудренным опытом архипастырем, который простыми словами рассказывал о своей долгой, яркой и многотрудной жизни.

Жизнь – пример духовного подвига

Митрополит Ловчанский

Гавриил

(Болгарская Православная Церковь)

Главной угрозой для будущего не только России, но и всего мира становится сегодня духовный и моральный кризис общества, отсутствие у людей твердого нравственного чувства, неспособность решительно следовать нравственным правилам. В такие времена, во времена великих испытаний и политических перемен особенно возрастает роль духовного пастыря, способного воздействовать на общественное сознание.

Таким настоящим пастырем был Владыка Питирим, человек, сочетавший в себе государственную мудрость и высокую нравственность. Будучи истинно русским человеком, гражданином, настоящим патриотом России, той православной России, которая была государством духа, он всю свою жизнь посвятил служению Богу, Родине и Православию. Всегда и везде, используя все возможности, он старался приобщать людей к нравственным ценностям, к благочестию.

Мое знакомство с Владыкой Питиримом произошло задолго до нашей встречи. В то время духовным наставником моим была русская старица схиигумения Мария, и однажды, когда мы с ней рассматривали православный календарь Русской Православной Церкви, она сказала, указав на фотографию митрополита Питирима: «Это один из подвижающихся монахов России». Сказала это торжественным голосом, а старица просто так никогда ничего не говорила. После ее кончины я решил поехать к Владыке Питириму.

Так и получилось. И мое общение с Владыкой продолжалось 25 лет.

Он оставил огромное наследство: пример духовного подвига – свою жизнь. И чем дальше будет уходить время, тем более будет возрастать то, что сделал Владыка для России и не только для нее, но и для всего Православия. Он общался со многими людьми во всём мире, и люди ощущали большую духовную пользу от этого общения. Владыка не игнорировал тех, кто не исповедовал православную веру, и, если это были честные и искренние люди, готовые постичь истину, относился к ним внимательно, был терпелив в общении с ними. Я знал людей, которые не будучи православными, относились к нему с огромным уважением как к человеку и как к православному Архиерею, а значит, и к Православию в целом.

Вся жизнь Владыки прошла в постоянном напряженном труде. В Советской России, государстве агрессивного атеизма, священнослужитель не мог воспользоваться средствами массовой информации как своей трибуной, только храм был тем местом, где он мог обратиться к людям. И Владыка Питирим пользовался любой возможностью, чтобы войти в контакт с человеком. Он общался с творческими людьми, с учеными, политиками, военными, простыми людьми; к каждому находил свой подход и всегда умел сказать умное назидательное слово. Он мог начать говорить о чем-то, казалось, далеком от веры, а человек в результате этого общения приходил к вере. Владыка был очень терпелив и постоянен в этой нелегкой работе. Он спас многих людей. Были даже известные функционеры, которые находились под духовным влиянием Владыки, люди из высшего эшелона власти настолько доверяли ему, что становились верующими православными людьми, хотя и вынуждены были в то время скрывать это. Ради спасения людей стоило так работать. Ведь иногда легче даже мученически пострадать, чем много лет жить в таком напряжении, в постоянном труде и риске. Владыка однажды сказал мне, что он как будто идет по туго натянутой струне, и можно сорваться в любой миг и упасть в одну или другую сторону, вправо или влево. Так он и шел всю свою жизнь.

Один греческий подвижник, с которым меня познакомил Владыка Питирим, на мою жалобу о том, что я не в силах так неутомимо подвижнически общаться с людьми, как Владыка, ответил, что этим общением Владыка спасся, а подражать ему я не смогу, так как то было другое время, другая эпоха, в которой Владыка нашел свой правильный путь спасения людей.

Он был исключительный человек, скромный, очень требовательный к себе. Даже близким людям он почти ничего не рассказывал, скрывая свою глубокую духовность, которую, однако, мы всегда чувствовали, как чувствовали и понимали его мудрость, его молитвенный подвиг.

Владыка лично не писал книг (хотя, когда он был главным редактором Издательского отдела Русской Православной Церкви, по его инициативе и под его редакцией издавались многие книги). Мне кажется, что были две причины такого положения. Во-первых, у него просто не было времени на это. Все минуты его трудовых дней были заняты. Помню, как приезжая из Болгарии, я, чтобы иметь возможность пообщаться с Владыкой свободно и подольше, ждал его в Издательском отделе по несколько часов (а однажды даже с полудня до 12 часов ночи). И пока терпеливо ждал, видел, какой поток людей к нему шел: были люди известные и обыкновенные, и он внимательно относился к каждому, стараясь понять их и помочь им.

А во-вторых, по смирению считал, что святые отцы-подвижники уже всё, что нужно, сказали, и он ничего нового не добавит. Даже проповеди свои он не записывал, говорил экспромтом то, что думал, что чувствовал. Это были прекрасные проповеди, полные живого чувства и мысли. Иногда во время его проповедей делались магнитофонные записи, но не для публикации, а для внутреннего пользования, для себя. Владыка часто сожалел, что у него не хватало времени, чтобы подготовиться к проповеди так, как хотелось бы ему. Тем не менее это были волнующие и запоминающиеся выступления, которые оказывали живое воздействие на слушателей.

Могу сказать точно, что Владыка Питирим добивался этого молитвой. Однажды я присутствовал вместе с Владыкой на его занятиях в Троице-Сергиевой Лавре. Он спрашивал студентов, как подготовиться к проповеди. Они отвечали, что надо прочитать наставления святых отцов, Евангелие... Не могу дословно передать слова Владыки Питирима, но помню, как он тогда сказал: то, что вы назвали, — это всё правильно и хорошо, но главное, что надо сделать обязательно, так это хорошо помолиться, и вместе с молитвой откроется ваше сердце. Тогда всё сказанное будет пропущено через него, будет прочувствовано и дойдет до сердца каждого слушателя, и запомнится надолго, даже, возможно, навсегда. А если смысл проповеди не пропустить через свое сердце, то слушавшие скажут, что батюшка хорошо говорил, но, выйдя из храма, быстро забудут услышанное. Душу, сердце согревают молитвой!

Так что свои проповеди Владыка Питирим готовил с молитвой, и они у него были сильные, впечатляющие. И лекции его были превосходные. Когда я находился в Троице-Сергиевой Лавре, мне не надо было посещать лекции, так как я закончил Духовную академию в Болгарии, а в России писал кандидатскую работу. Владыка преподавал Священное Писание Нового Завета. Так я два года подряд ходил на его лекции, так они были хороши и интересны, я просто сидел с открытым ртом, не замечая, как пролетали 45 минут. Когда я на второй год опять пришел на занятия к Владыке, он шутя даже спросил меня: «Что, соскучился?» Хотя я закончил и среднюю школу, и технический институт, я не встречал нигде таких познавательных, интересных и незабываемых лекций.

Три десятилетия Владыка Питирим собирал Издательский Отдел Московского Патриархата. В 1960–1980-е годы деятельность единственного церковного издательства была каждодневной борьбой. В эти тяжелые годы отдел публиковал писания святых отцов Пра-

вославленной Церкви, богословские сочинения, богослужебную литературу... В такой атеистической стране издавать церковные книги было настоящим чудом. И в этом несомненная заслуга Владыки Питирима. В то время на Западе издавалась православная литература, но оттуда ее невозможно было ввезти в страны советского блока, а из Советского Союза ввозить книги было разрешено. И для нас, болгар, это была единственная возможность приобретения церковных книг. Весь православный мир, особенно тот, что находился за железным занавесом, пользовался литературой, изданной Владыкой Питиримом. Значение этого переоценить невозможно.

Когда Владыку отстранили от работы в Издательском отделе и на него обрушились с критикой средства массовой информации, Никита Михалков выступил по российскому телевидению в защиту Владыки. Он показал книги, выпущенные отделом под руководством митрополита Питирима, подчеркнул огромное значение этого труда во благо всего Православия.

Господь ниспослал Владыке очень тяжелый крест, и он безропотно, смиренно его нес. Последние годы жизни Владыки были связаны с большими скорбями. Он был человеком праведным, а Господь попускает скорби праведникам. Если посмотреть на жизнь отцов-подвижников, то она была связана со многими страданиями. Моя духовная старица, которая указала мне на Владыку, последние годы жизни тяжело болела. Читая труды многих подвижников благочестия, она говорила: «Да, я болею, но сколько они страдали!» Ничего не делается без воли Божией! И Господь попускает скорби, чтобы тяжелее был крест праведника и чтобы вследствие этого воздаяние было больше.

Конечно, все невзгоды сказались на здоровье Владыки. Потеря близких людей была для него тяжела, особенно последней сестры. Когда она умерла, Владыка говорил, что ему не хочется даже идти домой. Раньше он делился с ней своими радостями, трудностями. «Вот, – говорил, – есть у меня редкий снимок, обязательно покажу сестре... новый архитектурный план подготовлю – опять с ней обговорю. А сейчас и рассказать некому, не с кем поделиться».

Владыка как-то цитировал подвижников, которые говорили, что «рак – это дверь в Царствие Небесное...». Так с ним и произошло.

Трагедия нашего времени в том, что всё меньше у людей настоящей веры и настоящей любви. Господь сказал: *Сын Человеческий, придя, найдет ли веру на земле?* (Лк. 18, 8) Но пока есть хоть один человек, который спасается, Господь будет держать мир; когда же не станет таких людей – придет конец миру. Люди должны жить верой! Чтобы привести людей к истине, помочь избрать праведный путь, надо им дать знания, любовь к Богу и надежду на спасение, которые помогут справиться с искушениями, одолеть трудности.

Огромная ответственность лежит на священнослужителях, на нас, епископах, за это дело. Господь взыщет с нас за душу каждого человека. И чтобы оправдать доверие Господа, надо отдавать всего себя служению Церкви. Владыка Питирим был последователем отцов-подвижников и всего себя отдавал на благо Православия и Отечества. У него было всё, что способствовало этому служению: и духовные корни (он стал священнослужителем в 9-м поколении), и талант, и собственная воля, – он в полной мере использовал это счастье.

И последнее, о чем я хотел бы сказать. Несколько лет назад в России была издана книга о Владыке Питириме с пессимистическим названием «Русь уходящая». Как не подходит это к личности Владыки! Владыка Питирим боролся за возвращение духовной жизни в России, стремился каждому человеку дать надежду на возрождение... Какая же это уходящая Русь – это Русь возрождающаяся!

Главный издатель Церкви

Памяти Митрополита Питирима

Ушел от нас в путь вся земля Митрополит Питирим... Будущий историк, даже просто внимательный наблюдатель без труда выделит это имя среди деятелей Русской Церкви второй половины XX века.

Одиннадцатый ребенок в дружной многодетной семье, Константин Владимирович Нечаев (так звали в миру Владыку) родился 8 января 1926 года. По духовной генеалогии он был человек «родовитый»: отец, дед и прадед его были священники.

В семнадцать лет, по окончании школы, Константин становится студентом Московского института инженеров транспорта (МИИТ), в девятнадцать – иподиаконом Святейшего Патриарха Алексия и студентом открывшегося тогда в Москве Богословского института, преобразованного вскоре в Московскую Духовную Академию. Не став инженером-путейцем, пошел Константин изучать пути в Царствие Небесное.

Это было время, которое историки, выявляя внутреннюю противоречивость, даже парадоксальность духовной ситуации, назовут эпохой сталинского Церковного Возрождения. В годы Великой отечественной войны Церковь возглавила чрезвычайный духовный подъем нашего народа, благословив верующих и неверующих на защиту своей земли, самого русского права на жизнь. На волне всенародного нравственного подвига только и стало возможным церковное возрождение послевоенных лет. Душой и вождем этого движения стал Святейший Патриарх Алексий I (Симанский) – ближайший сподвижник Патриарха Сергия, носитель традиций еще дореволюционной русской церковности.

Митрополит Питирим – во всем ученик Святейшего Патриарха Алексия. Не только в том смысле, что церковный его путь на всех этапах осенен благословением великого первоиерарха: Алексий рукоположил Константина Нечаева во иерея (в Елоховском соборе, в праздник Введения во храм Пресвятой Богородицы, 4 декабря 1952 года), благословил к принятию иночества в 1959-м, рукоположил во епископа в 1963-м. Но еще важнее духовное влияние, которое имел наставник на ученика. От него унаследовал митрополит Питирим глубокий церковный традиционализм – как в богословском мышлении, так и в богослужении, и в неизменно патриотической гражданской позиции, и в самых формах церковного сознания и строительства.

В начале XX столетия у церковных писателей сложилось было представление о «двух колоритах» русской церковности: православии петербургском и московском. Понятно, что первое было преимущественно связано с европейским стилем и светской культурой имперской столицы. Московское православие было другим. Оно восходило к духовной культуре допетровских времен, вдохновлялось философией славянофилов, строилось по заветам преподобного Серафима Саровского и оптинских старцев. Знаковой фигурой, как теперь скажали бы, этого направления был святитель Филарет, митрополит Московский. Лучшим его представителем, наследником и продолжателем в наши дни – митрополит Питирим.

...По окончании Духовной академии К. В. Нечаев был оставлен при ней в качестве профессорского стипендиата, а с 1956 года в звании профессора возглавил кафедру Нового Завета. Тридцать пять лет (до 1991 года) отдано им работе по обучению будущих служителей алтаря сокровенным тайнам Слова Божия. Он вообще любил работать с молодыми, приобщать их к духовному наследию, готовить церковную смену. В 1950–1960-е годы это было делать очень сложно, слишком невелик и ограничен по образовательному уровню был контингент молодежи, допускаемой властями к академическому образованию.

Одной этой деятельности оказалось бы для другого более, чем достаточно, чтобы наполнить до краев долгую и плодотворную жизнь. Но Владыке Питириму Бог готовил другое, не менее ответственное служение. В 1962 году, еще архимандритом, он был назначен главным редактором «Журнала Московской Патриархии» – единственного тогда печатного органа Русской Православной Церкви. Год спустя, с 1963 года, уже епископ Волоколамский, Питирим становится Председателем Издательского отдела Московского Патриархата (с оставлением в должности профессора МДА).

Вспомним, что это было за время. Рубеж 1950–1960-х годов ознаменован разгулом так называемых «хрущевских гонений» – последней попытки тотального наступления на религию со стороны атеистического государства. По настоянию властей был отправлен на покой митрополит Николай (Ярушевич) – легендарный Николай Крутицкий, занимавший со времен войны два ответственных поста: председателя Отдела внешних церковных связей и председателя Издательского отдела Московского Патриархата. В сложных условиях Патриарх Алексей I нашел тогда мудрый и оптимальный выход – доверить эти посты молодым архимандритам, еще не известным и не успевшим сделаться ненавистными для Совета по делам религий. Наступает эпоха «молодого епископата». Во главе Отдела внешних церковных связей был поставлен 30-летний Никодим (Ротов), во главе Издательского отдела 36-летний Питирим.

Издательский отдел, созданный Патриархом Алексием в феврале 1945 года и связанный потом на протяжении более 30-ти лет с именем митрополита Питирима – это отдельная большая глава в истории современной Русской Церкви. Трудно поверить, но в условиях строжайшей цензуры, при господстве откровенно антирелигиозной идеологии, была создана уникальная церковно-издательская структура, восстановлено печатание Священного Писания (несколько изданий Библии и отдельно Нового Завета), богослужебных книг (Минея Праздничная, двенадцать томов Минеи Служебной, Триодь Цветная и Постная), восемь томов «Настольной книги священнослужителя». И главное – церковные периодические издания: ежемесячно выходивший «Журнал Московской Патриархии» и тридцать выпусков «Богословских трудов».

При этом Владыка Питирим огромное значение придавал не только содержательной, но и внешней стороне изданий. Они соответствовали современным издательским и полиграфическим требованиям, были актуальны и интересны для современного, не только церковного читателя. И журнал, и ежегодные церковные календари, и иная издательская продукция Отдела отличались насыщенностью зрительного ряда, яркостью и убедительностью фоторепортажей, портретных, иконописных и церковно-архитектурных репродукций. Владыка сам был большой любитель и мастер фотографии, свободно владел фото- и кинокамерой, тому же учил своих учеников и сотрудников.

Сегодня трудно себе представить, какое значение имели тогда для всех нас публикации Издательского отдела. Каждого тонкого номера журнала (объем был строго ограничен 80 страницами) ждали как глотка свежего воздуха, как живоносного источника в пустыне. Журнал впервые делал доступными для читателя творения святых отцов, проповеди великих иерархов, работы церковных историков и богословов.

Но, может быть, еще важнее – прорыв информационной блокады Русской Церкви, впервые достигнутая возможность свидетельствовать от ее имени если не *граду*, то *миру*. Стесненная и гонимая внутри страны, Церковь обрела голос и явила сокровенную духовную жизнь и несломленную силу Православной России зарубежному читателю. Вопреки утверждениям «научных атеистов» об «отмирании» религии в СССР, издания митрополита Питирима в слове и в фоторепортаже говорили о другом – о том, что церковная жизнь России продолжается, развивается богословское и литургическое творчество, бьется, пусть слабый, пульс религиозной мысли.

Информационный прорыв стал возможен благодаря тому, что митрополит Питирим, не ограничивая себя задачами собственно церковной журналистики, сумел сделать Издательский отдел мощным научно-исследовательским центром церковной истории и отечественной богословской мысли, привлек к работе талантливых и преданных Церкви светских молодых ученых и литераторов. В духовной жизни общества открылось вдруг новое внутреннее измерение.

...Современники, как в светском, так и в духовном мире, редко бывают справедливы. Своеобразная «медийная империя», созданная Владыкой Питиримом, вызывала в одних раздражение и ненависть, в других зависть и ревность – слишком он был независим в суждениях, широк в богословских поисках, независим даже цензурно и экономически. Цензурная самостоятельность была обусловлена личным авторитетом и личными связями митрополита с всесильным тогда Советом по делам религий. Независимость экономическая простиралась до того, что нередко покойный Патриарх Пимен звонил председателю Издательского отдела с просьбой «подкинуть» три-четыре миллиона рублей на те или иные церковные нужды. И Владыка «подкидывал».

В конце 1994 года Издательский отдел, в том виде, как он работал в прежние годы, был расформирован, а позже преобразован в Издательский Совет Русской Православной Церкви. Я был у Владыки Питирима в один из последних декабрьских вечеров. Народ уже разошелся. Мы прошли по опустелой редакции, говорили о том, что обязательно нужно подготовить хотя бы небольшую книгу – к 50-летию ИОМП... Митрополит был грустен и спокоен. Нападки в средствах массовой информации сделали его в те годы одной из самых одиозных и пререкаемых фигур.

Но благословения Божии и таланты человеческие неисчерпаемы и многообразны. «Владыка-пенсионер», как он в шутку себя называл, продолжал работать не покладая рук. В 1989 году Церкви был возвращен Иосифо-Волоцкий монастырь, и митрополит Волоколамский назначен его игуменом. В руках Владыки монастырь, ведущий свои традиции от основателя, преподобного Иосифа Волоцкого, стал образцом и моделью церковного воздействия на окружающий мир – воздействия, пронизывающего деловыми и экономическими связями всю округу – Волоколамскую землю.

Так митрополит Питирим, «нестандартный» Владыка, «нестандартный» игумен, которому до всего было дело, строил пути воцерковления общественной и народной жизни, взаимопроникновения и взаимообогащения сферы духовной и сферы хозяйственной.

До многого из задуманного, по обстоятельствам времени, у него так и не дошли руки. Но сделал он много больше, чем кто другой. Опережая время, делал даже больше, чем было тогда возможно.

Думаю, не будет преувеличением сказать, что Высокопреосвященный Питирим был самым умным и образованным, самым широким – в смысле духовной и культурной широты – из русских иерархов нашего времени. Он обладал совершенно особой духовной энергией, понимал собеседника с полуслова и раздражался, когда ему продолжали что-либо рассусоливать и аргументировать. Нередко говорил подчиненным, что «у нас разный ритм мышления».

Потому многие любили его, охотно шли на контакт и сотрудничество. Для работавших с ним (автор настоящих строк имел такое счастье с 1969 года) это были лучшие годы жизни. Но другие, и тоже многие, неспособны были понять его, поспеть за его «ритмом», его мыслью и энергией.

...С прошествием времени личность и подвиг Питирима вырисовывается все ярче и отчетливей, и значение его в истории Русской Церкви лишь возрастает и будет возрастать.

...Что кому на роду написано, читается в храме в день рождения и в день кончины – тоже рождения, но только в жизнь вечную. Родился он на второй день Рождества Христова,

когда Церковь празднует Собор Пресвятой Богородицы. И умер в праздник Казанской иконы. В этот день вновь звучит в храме гимн Богородице: «Величит душа моя Господа». И еще: в день его блаженной кончины по уставу ежедневных литургических чтений в храме читалось Евангельское зачало о Пастыре добром.

Митрополит Питирим был для верующих истинно «пастырем добрым», подлинным Архипастырем и Наставником, сполна свершившим свой церковный и человеческий долг, земной и духовный подвиг. Три дня церковная Москва прощалась со своим любимым архиепископом. И не мне одному приходила в голову одна и та же мысль. В тот последний свой год, 2003-й, в канун Пасхи Владыка по благословению Святейшего Патриарха Алексия II отправился в Иерусалим для принятия Благодатного огня в Великую Субботу в Храме Гроба Господня. И в пасхальный вечер, доставив Святой Огонь в Москву, узнал о том, что ему предстоит вместо заболевшего Патриарха возглавить главное пасхальное богослужение в Храме Христа Спасителя. Соединение этих двух служений – иерусалимского и московского – тогда уже многим показалось неслучайным, промыслительным. Господь словно указал митрополиту Питириму завершить после всех страданий и испытаний земной свой путь служением Патриаршим.

Ис полла эти, деспота! Вечная Вам память, дорогой деспот, что в переводе с греческого означает – всегда и во всем Владыка!

Николай Лисовой, старший научный сотрудник
Института русской истории РАН

С Владыкой – в Издательстве и на приходе

Мои воспоминания связаны как с Издательским отделом Московского Патриархата, где я работал под руководством Владыки Питирима почти 15 лет, а впоследствии сотрудничал с ним до его кончины, так и с Волоколамским благочинием, в котором я и сейчас служу и в котором викарий Московской епархии митрополит Волоколамский и Юрьевский Питирим был моим непосредственным наставником. С 1982 года я являюсь настоятелем Преображенского храма села Спас Волоколамского района, а с 2002 года настоятелем по совместительству Троицкой церкви с. Новлянское; с 1999 года к Преображенскому храму приписана церковь-усыпальница в имении великого князя Константина Константиновича Романова в с. Осташово (оба последних храма были сильно разрушены и в настоящее время нами восстанавливаются).

Мой жизненный путь к Церкви, знакомству с Высокопреосвященным Питиримом и сотрудничеству в Издательском отделе – не совсем обычен. До этого я окончил институт, а затем очную аспирантуру во ВНИИ экономики сельского хозяйства (при ВАСХНИЛ) и защитил диссертацию на степень кандидата экономических наук. Около десяти лет проработал в НИИ планирования и нормативов при Госплане СССР. Теоретическая подготовка у нас была достаточно высокой, и уже в 1970-х годах как экономист я осознал, что никакой научной теории «экономики социализма» нет, понял и бессмысленность моего пребывания в науке. Одновременно я созревал духовно. Будучи прихожанином Преображенского храма в Переделкине, я познакомился с его настоятелем, который с 1972 года стал моим духовником.

В январе 1981 года я распрощался с наукой и по благословению духовного отца начал трудиться в Елоховском Богоявленском соборе простым рабочим. Продолжалась эта работа менее года: вскоре мой духовник предложил мне обратиться к отцу Иннокентию (Просвирнину), заместителю главного редактора «Журнала Московской Патриархии», а тот познакомил меня с Владыкой (его кабинет тогда был в Новодевичьем монастыре). После беседы Владыка предложил мне работу в Издательском отделе. Вспоминаю, когда я подал в Елоховском прошение на увольнение, ктитор собора Николай Семенович Капчук настойчиво уговаривал меня остаться, говоря, что мне предстоит нести послушание ризничего собора. Я до сих пор благодарен ему за доверие и благое отношение ко мне, грешному. Мне и самому не хотелось уходить из собора, где пребывают мощи Святителя Московского Алексия и можно ежедневно ему молиться и поклоняться святым мощам.

Следуя благословению духовного отца, я в августе 1981 года пришел в Издательский отдел и был зачислен на должность референта. Как я впоследствии понял, Владыка пригласил меня в Отдел, предполагая в будущем (если не будет канонических препятствий) поставить в иереи. Это произошло в 1982 году – на Троицкую родительскую субботу Владыка рукоположил меня в сан диакона в нашем домовом храме во имя преподобного Иосифа Волоцкого; иерейская же хиротония состоялась в храме Покрова Пресвятой Богородицы в Волоколамске, 1 августа, в день обретения мощей преподобного Серафима Саровского. На следующий день (день памяти святого пророка Илии) Господь сподобил меня участвовать в богослужении, которое совершали митрополит Крутицкий и Коломенский Ювеналий и архиепископ Волоколамский Питирим в Сретенской церкви с. Пески Шаховского района. Через несколько дней по благословению Высокопреосвященного Ювеналия я приступил к стажировке в Успенском храме Новодевичьего монастыря, которая продолжалась в течение трех месяцев.

С 10 ноября 1982 года я начал служить в Преображенском храме села Спас Волоколамского района, продолжая работать в Издательстве. Как референт я вначале работал с В. П. Овсянниковым, ответственным секретарем «Журнала Московской Патриархии»,

выполнял его поручения по сбору различных материалов, подготовил несколько статей. По благословению главного редактора, Высокопреосвященного Владыки, готовил к изданию напрестольное Евангелие, Апостол, Служебник большого формата. Одновременно Владыка благословляет меня участвовать в работе по составлению Симфонии или словаря-указателя к Священному Писанию Ветхого и Нового Завета.

Задача подготовки Симфонии к тексту синодального перевода Библии была поставлена Владыкой еще в 1970-е годы. Практически работа была начата в двух направлениях: составление Словника с подбором цитат из текста Библии и нахождение параллельных мест в тексте. Непосредственным руководителем группы внештатных сотрудников, занимавшихся ручной алфавитной распиской Библейского текста, был тогда Е. А. Карманов. В 1983 году Высокопреосвященный Владыка уточняет и значительно расширяет план предстоящей работы: «многотомное издание должно содержать не только элементы Симфонии, но и разделы богословского словаря с иноязычными соответствиями из еврейского, греческого, латинского и церковнославянского текстов Библии», и назначает меня ответственным по составлению словаря.

В 1988 году под редакцией Владыки выходит в свет 1-й том Симфонии, а в 1995-м – 2-й том. В январе 1995 года в результате ликвидации Издательского отдела составители Симфонии были уволены. Однако в марте того же года, по милости Божией, наш проект получил поддержку Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ), а группе составителей были выделены бюджетные средства (грант) на 1995–1997 годы. За счет этих средств в конце 1998 года был подготовлен оригинал-макет 3-го тома, но по причине отсутствия дальнейшего финансирования этот том был издан только в 2000 году, когда при содействии Владыки были найдены средства на его издание, а затем на подготовку и издание в январе 2003 года 4-го тома. В 2008 году с Божией помощью закончена подготовка последнего 5-го тома Симфонии-словаря (в двух частях).

В процессе работы в Издательском отделе со временем менялись и расширялись мои должностные обязанности. В 1986 году Владыка назначил меня заведующим плановым отделом, а с 1989 года – своим заместителем с правом подписи договоров и финансовых документов. В эти годы в стане шла «перестройка», Совет по делам религий перестал контролировать церковные организации, а затем и прекратил свое существование. В результате открылись большие возможности для издательской деятельности, но возникали новые проблемы и трудности. Владыка много работал. Обычно он работал с материалами допоздна и оставался ночевать в Издательском отделе. Иногда и я разделял с ним эту участь. С особым чувством вспоминаю, как в такие вечера Владыка приглашал меня разделить с ним трапезу, сам подогревал ранее приготовленное, кипятил и заваривал чай, отвергая мои попытки сделать это.

В эти годы стремительно возросли тиражи изданий. Так, только в 1990 году нами была переиздана (совместно с издательством «Малыш») дореволюционная детская книга «Моя первая священная история» тиражом 200 тыс. экз., а также изданы «Православный молитвослов» тиражом 500 тыс. экз. и «Православный катехизис» тиражом 200 тыс. экз. В 1993 году был издан «Православный церковный календарь на 1994 год» тиражом 400 тыс. экз. (200 тыс. на Тверском полиграфкомбинате и столько же на Чеховском). Эти огромные тиражи требовали большого количества бумаги и переплетных материалов. Так, в 1994 году было закуплено и израсходовано на издания более десяти вагонов бумаги. Организация приобретения, доставки и хранения всех необходимых для издания материалов была в то время самым сложным делом, возложенным на меня Владыкой.

Как всем известно, в декабре 1994 года Архиерейский Собор Русской Православной Церкви принял решение ликвидировать Издательский отдел. В январе 1995 года Владыка и большинство опытных сотрудников были уволены – как раз тогда, когда они готовились к

празднованию 50-летия Отдела, созданного по решению Поместного Собора Русской Православной Церкви 1945 года. Владыка со смирением принял это решение и по-отечески утешал всех оставшихся без любимой работы. Я думаю, что Владыка совершал в это время подвиг: хотя он никогда не жаловался и внешне не показывал свои переживания, но можно себе представить, как трудно человеку, когда становятся невостребованными накопленные знания и опыт, когда его лишают дела, на которое он положил много сил и которому отдал много лет своей жизни.

Я продолжал часто встречаться с Владыкой и после января 1995 года – он оставался викарным архиереем в Волоколамске и игуменом Иосифо-Волоцкого монастыря. Как и раньше, Владыка служил на Пасхальной седмице во всех храмах благочиния: в пятницу и субботу – в двух храмах г. Волоколамска, в Фомино воскресенье – в Преображенском храме с. Спас, на Радоницу – в Сретенском храме с. Пески. В нашем Преображенском храме Владыка часто служил 19 августа на престольный праздник и 9 июля на праздник в честь Тихвинской иконы Божией Матери, на который собиралось духовенство и прихожане из других храмов благочиния. (Кстати, в 1970-е годы Владыка из-за временного отсутствия священника служил почти месяц иерейским чином в Сретенской церкви с. Пески, совершая там и требы – крестины, отпевания покойников и т. д.; а в Преображенском храме с. Спас во время болезни священника служил по субботам и воскресеньям.)

В августе 1998 года мне исполнилось 60 лет, и Владыка приехал ко мне в Спас поздравить и послужить вместе со мной; одновременно приехал и тогдашний главный редактор Издательства Московской Патриархии епископ Бронницкий (ныне архиепископ Новосибирский и Бердский) Тихон. Это богослужение в нашем храме, совершенное двумя архиереями, – самое яркое и незабываемое событие в жизни нашего сельского прихода и моей жизни.

Последний раз я видел Владыку Питирима в день обретения мощей преподобного Иосифа Волоцкого – это произошло 12 июня 2003 года. Вечером была служба – мощи уже лежали в ковчеге, а после всенощного бдения все служащие иереи положили мощи в раку. Теперь в Русской Православной Церкви есть еще один день памяти преподобного – день обретения его мощей.

В последние годы жизни Высокопреосвященного Владыки я многократно встречался с ним по издательским делам Иосифо-Волоцкого монастыря. В 2000 году при моем участии была издана Библия, в 2001 году – «Православный молитвослов и Псалтирь», а в 2005 году, уже после смерти Владыки – Новый Завет (все эти книги тиражом 5 тыс. экз.). Издание Нового Завета Владыка поручил мне еще при жизни в 2002 году, подарив для работы экземпляр издания 1979 года с дарственной надписью:

«Доброму другу и соиздателю о. протоиерею Игорю в светлый день Святой Пятидесятницы.

† М. Питирим. 2002 г.».

В 2003 году мною был подготовлен оригинал-макет этого издания, но издать его в то время не удалось из-за отсутствия в монастыре необходимых средств.

Последний раз я говорил с Высокопреосвященным Владыкой по телефону 28 августа 2003 года, когда он приезжал на престольный праздник монастыря. Первый вопрос, который задал мне Владыка: «Как Новый Завет?» Я ответил ему: «Макет готов, вопрос только в деньгах». Владыка ответил: «Деньги есть». Но после этого разговора мы с ним не виделись и не говорили. Я, как и многие, надеялся, что Владыке станет лучше, мы увидимся с ним и продолжим наше сотрудничество.

После кончины Высокопреосвященного я не мог не выполнить его поручения. В 2004 году для издания был сделан новый набор текста, более крупным кеглем, выполнено новое

художественное оформление. На авантитуле отпечатано: «Настоящее издание посвящается светлой памяти Высокопреосвященного Питирима, митрополита Волоколамского и Юрьевского». На обороте титула приводится аннотация к изданию, записанная мною со слов Высокопреосвященного Владыки.

Много чувств, связанных с моим общением с Владыкой Питиримом, наполняют мое сердце, но описать их и выразить словами не хватает моих способностей, поэтому я ограничиваю свои воспоминания этим довольно неполным перечислением фактов, встреч и общений.

Я премного благодарен Господу за то, что Он даровал мне счастье многолетнего общения с выдающимся архипастырем Русской Православной Церкви, тонким и чутким человеком, человеком особой души, получившим от Господа множество талантов.

Протоиерей Игорь Бондарев, настоятель храма Преображения села Спас Волоколамского района Московской области

Памяти митрополита Волоколамского и Юрьевского Питирима

На отпевание митрополита Питирима, которое Святейший Патриарх Алексий II совершил 7 ноября, пришли десятки священнослужителей и многие сотни верующих. Среди них было немало пастырей и мирян, которые начали служить Церкви в те годы, когда присутствие в ней интеллигенции кому-то казалось чудовищным недоразумением, а кому-то – маленьким чудом и залогом будущего возрождения. Тонкая интеллектуальная прослойка в тогдашнем церковном организме во многом объединялась именно вокруг Владыки Питирима – председателя Издательского отдела Московского Патриархата, главного редактора «Журнала Московской Патриархии».

В шестидесятые-восьмидесятые годы деятельность единственного церковного издательства была каждодневной борьбой. Совет по делам религий при Совете министров СССР жестко ограничивал тиражи, номенклатуру и объем изданий, проверял «на мракобесие» каждую строчку журнала, требовал полного отказа от упоминания о чудесах и знамениях, от положительных оценок тех церковных деятелей начала XX века, которые противостояли революции и красному террору. Однако даже находясь в жестких тисках, издательство смогло выпускать насыщенный мыслью журнал, издавать и понемногу распространять Библию, печатать богослужебную литературу.

Через Издательский отдел прошло несколько поколений церковных тружеников. Молодые люди с хорошим светским образованием, которым из-за кадрового диктата властей было трудно устроиться даже пономарями в московские приходы, принимались на работу в Отдел или становились его внештатными сотрудниками – переводчиками, авторами, редакторами, – а затем поступали в семинарию и принимали священный сан. Так начали «профессиональную» церковную деятельность архиепископ Новосибирский Тихон, епископы Венский Иларион, Пермский Иринарх и Брянский Феофилакт, архимандрит Тихон (Шевкунов), протоиереи Владимир Ригин и Александр Макаров, многие другие известные московские пастыри.

Владыка Питирим не делал ошибки, свойственной многим тогдашним руководителям, – не проверял за подчиненными каждую мелочь. Он был живым хранителем эталона того, как надо писать, говорить, поступать. Ему были свойственны глубочайшая церковная культура и изысканное чувство вкуса. Он не терпел неуклюжести при богослужении – как «лапотной», так и «интеллигентской». У него вызвали иронию елейные тексты, попытки подделать церковный стиль, вычурно-«православная» манера одеваться и держаться в обществе. При этом он был настоящим хранителем церковных традиций. Свои молодые годы будущий митрополит провел среди тех, кто застал дореволюционную церковную жизнь, – он был иподиаконом и помощником Патриарха Алексия I, учился у наследников «старой» богословской школы, которые в сороковые годы вышли из лагерей и вскоре скончались. Он прекрасно знал церковную Москву, мог часами рассказывать о ее традициях и притчах, знал каждую священническую могилу на центральных московских кладбищах, куда часто приходил «проведать» духовенство прежних десятилетий.

Его интересовали естественные науки, техника, политика, философия, искусство, да и вообще буквально все стороны жизни. Владыка играл на виолончели, был прекрасным редактором и самобытным фотохудожником, умел общаться с людьми самых разных кругов и статусов. Не случайно его богослужения в храме Воскресения словущего на Успенском Вражке привлекали ученый мир и творческую интеллигенцию. Не случайно и то, что в перестроечные годы он одним из первых церковных иерархов вышел на телевидение, смог установить контакты с министрами, академиками, другими известными в позднесоветском

обществе людьми. Немало представителей духовенства критиковали его за «излишнюю» активность и вообще за «светскость». Однако беседы Владыки с тогдашним истеблишментом стали для многих его представителей буквально первым контактом с Церковью. Эти люди вдруг, неожиданно для себя, начинали понимать: Церковь – не сборище темных старушек. В ней есть умные и культурные люди, имеющие что сказать стране и миру.

Владыка Питирим имел много друзей на Западе. Выставки, организованные им в конце восьмидесятых годов в Германии и других странах, открыли живую Русскую Церковь для тех, кто давно похоронил ее. Его участие в многочисленных межхристианских, межрелигиозных, церковно-общественных встречах всегда было содержательным и ярким.

Впрочем, при всей своей общительности Владыка не был «свойским попом», не любил фамильярности и «дружеских» тусовок. Он редко кому открывал душу. Став народным депутатом СССР, он буквально убегал со съездов на богослужения и, входя в храм, говорил: «Какой контраст»! Вообще он много служил, стараясь никогда не пропускать значимых дней церковного календаря. Менее чем за месяц до кончины митрополита, когда Святейший Патриарх Алексей посетил умирающего в госпитале, тот посетовал, что не может приехать в храм, и сказал Патриарху: «Я живу от праздника до праздника». Действительно, так проходила вся жизнь почившего архипастыря. Да дарует ему Господь вечное торжество, вечный Свой праздник.

Протоиерей Всеволод Чаплин, заместитель председателя ОВЦС

Воспоминания о митрополите Питириме

Мои воспоминания – это не продуманная повесть о жизни владыки; думаю, что для написания таковой вообще еще не пришло время. Но и те разрозненные заметки о нем, которые я решаюсь представить читателю, дополненные словами и мыслями многих других людей, все же, надеюсь, послужат хотя бы мелкими штрихами к будущему портрету владыки, который, вне всякого сомнения, войдет в историю Русской Православной Церкви.

Начало

Начну с моих отроческих воспоминаний: о Владыке мне рассказывала моя бабушка Клавдия Георгиевна, которая жила в Сергиевом Посаде тем, что выращивала цветы и продавала их на рынке. Она говорила, что Владыка Питирим, выходя из Академии после воскресных или праздничных служб, всегда заходил на рынок и покупал у нее большой букет (иногда даже несколько). Шел он всегда неторопливо, торжественно; иногда проезжал на машине (обычно после Академии он ехал к себе на дачу)... Так что первый образ в моей памяти – знаменитый профессор, епископ (или тогда еще архимандрит), покупающий у бабушки цветы...

Бабушка говорила еще, что когда Владыка только учился в Академии и не принял еще монашества, женская половина города считала его самым завидным женихом: красивый, статный, имевший замечательные усы... Составить себе представление о том, как он тогда выглядел, можно, посмотрев фильм об избрании и интронизации Патриарха Московского и всея Руси Алексия I, – там будущий Владыка впервые иподиаконствует у Святейшего и стоит рядом с Патриархом во время его облачения (этот фильм Владыка потом часто показывал).

Издавна была знакома с Владыкой и другая моя бабушка, Анна Михайловна, жена моего деда отца Павла Флоренского. Но еще ближе к нашей семье был отец Иннокентий, ближайший помощник Владыки Питирима, его первый иподиакон с 1963 года (он-то впоследствии и пригласил меня в Издательский Отдел). Узнав о том, что в Сергиевом Посаде живет вдова Флоренского, о. Иннокентий (в то время – Толя Просвирнин) стал часто к нам заходить, опекать ее, расспрашивать об отце Павле, записывать ее воспоминания. Один раз с этой целью он принес в портфеле магнитофон и начал делать запись, не спросив на то разрешения, что чуть не привело к скандалу: хотя Флоренский в 1958 году был уже реабилитирован, но и 1960-е годы были еще временем страха... Впрочем, чистота намерений юного Анатолия была вне сомнений, ему только сделали соответствующее внушение, не отлучив от дома и отнеся инцидент на счет юношеской горячности...

После окончания школы я поступил в историко-архивный институт, и когда заканчивал его, уже начались разговоры о том, чтобы мне поступить на работу в Издательский отдел. Со мной также учился Николай Моисеев (нынешний епископ Брянский Феофилакт), я с ним знаком с июля 1970 года, когда мы еще абитуриентами работали на уборке территории института. С тех пор мы с ним двадцать лет были вместе: пять лет учились в институте на одном факультете («Исторические архивы»), по окончании нас направили в один архив, потом вместе работали в Издательском отделе (правда, я пришел туда немного раньше: меня на год призвали в армию, а он должен был три года отработать по распределению); оба были иподиаконами у Владыки, вместе учились в семинарии, в академии – и так до 1990 года, когда я уехал на Валаам, а он вскоре стал настоятелем Гефсиманского Черниговского скита...

Когда я вернулся из армии, отец Иннокентий сказал мне: переходи в Издательский отдел, и привел к Владыке в кабинет. Это было в ноябре 1976 года. Беседа была недолгой – Владыка знал всю нашу семью, слышал обо мне, образование мое весьма подходило для

работы в Отделе, поэтому он сказал только: поступай под начало отца Иннокентия, помогай ему, он введет тебя в курс дела; а все остальное – потом... Под остальным понималось – семинария, иподиаконство и т. д., словом – церковное служение... Так я был принят в Издательский отдел.

Работа в Отделе

Она была очень интересной и захватывающей. Мне выпало счастье принять участие в осуществлении таких больших проектов, как издание богослужебных Миней в 24 книгах, «Настольной книги священнослужителя» в восьми томах, в написании и редактировании ряда статей для «Журнала Московской Патриархии», «Богословских трудов» и т. д. Приходилось участвовать и в редактировании текстов самого Владыки, который, надо сказать, к редакторской работе относился чисто профессионально, без всяких амбиций (что, мол, раз я так написал – так и оставьте). Написав какой-то текст, он давал его нам, своим сотрудникам: редактируйте; посмотрев нашу правку, еще и укорял: что так мало сделали? – снова редактировал сам, отдавал на перепечатку, а потом опять нам; смотрим – вновь все позачеркнуто; говорим: Владыка, ведь мы и Вы этот материал уже смотрели; ну и что же, отвечает он: сколько смотрю, столько буду править; вы должны были мне помочь, но не все исправили, придется мне...

В подтверждение необходимости подобной работы Владыка любил рассказывать случай с преподавателем Академии протоиереем Алексием Остаповым, который очень обижался, что его работы в Журнале чересчур редактируют; тогда Владыка однажды взял и поместил статью профессора как есть, без редакции, – и тот пришел в ужас²... Одним словом, как редактор Владыка действительно был на своем месте...

В нашей работе Владыка предоставлял нам очень большую свободу действий. Так, когда мы начали работать над Минеями, Владыка разрешал включать в них новые службы, которых не было в дореволюционных Минеях, – лишь бы они были когда-то опубликованы, т. е. имели благословение; в прежние времена для включения новой службы в Минею требовалось чуть ли не решение Синода, потому что включение в Минею означало изменение Устава. Но мы убедили Владыку и он согласился с нами, что Минеи – это не Устав, а такая богослужебная книга, в которой могут быть представлены все когда-либо напечатанные службы. К сожалению, в некоторых из таких новых служб встречались и ошибки и их все же следовало лучше редактировать; но в то время мы сами были недостаточно грамотными...

Иногда Владыка принимал очень смелые решения. Так, когда я нашел вторую службу мученику Уару (в которой говорится, что святой Уар имеет благодать молить Бога за «поганных» – умерших без крещения) и, увидев, что это из ряда вон выходящая служба, обратился к Владыке с прошением благословить ее публикацию – то он написал мне в резолюции, что это «великолепная служба, первый раз вижу такой подход, обязательно ее надо опубликовать». Сейчас уже пошли искажения: призывают служить молебен за некрещеных; в службе Уару, конечно, такого нет, там говорится, что надо молиться Уару, а уж как он будет ходатайствовать за некрещеных – это его дело. А потом там речь идет о «поганском роде», то есть о некрещеных предках христиан, что эти предки могут как-то соприкоснуться с милостью Божией в своих детях... И Владыка богословски оценил эту службу и дал резолюцию, которую не каждый архиерей решился бы дать...

² Александрова Т. Л., Суздальцева Т. В. Русь уходящая. Рассказы митрополита Питирима. СПб., 2007. С. 312 (далее – «Русь уходящая...»); речь идет о статье: На лесах Успенского собора Лавры // ЖМП. 1967. № 10. С. 17–20.

Значительную свободу Владыка Питирим предоставлял нам и в отношении наших командировок: езжайте, куда хотите, говорил он, пожалуйста, только занимайтесь...

Непосредственно с Владыкой рабочие моменты мы обсуждали не часто – в основном он давал нам указания через отца Иннокентия. Но были моменты, когда мы взаимодействовали непосредственно. Так, я не раз обсуждал с ним вопрос о молитвах в Минеях: ему не нравилось, когда мы стали помещать в Минеи длинные молитвы. Он говорил: ну кому нужны такие длинные тексты; ну, помещайте, что сделаешь, раз они опубликованы; но я сам сокращаю их во время чтения. Вот увидите: если будут помещены молитвы краткая и длинная, то духовенство обязательно будет читать краткую. Помню, он мне говорил: ну, попробуй, сократи сам и дай второй вариант. Показываю Владыке, что у меня получилось, а он говорит: нет, надо еще сокращать, разве не видишь, что можно язык сломать? Сейчас я, конечно, вижу и сам, что многие из этих молитв тяжеловаты: бывает, я сам не понимаю, что читаю, – а что из этого может понять простой верующий в храме? разве удивиться сей великой и непонятной премудрости?

Мои отношения с Владыкой в Отделе складывались не всегда безоблачно. В частности, я недоумевал, почему Владыка не дает мне, несмотря на мои два образования и большой опыт работы, возглавить богослужебный отдел. Еще один конфликт случился, когда, как говорится, «в сферах» возникла и прорабатывалась мысль о посылке меня в Русскую Духовную Миссию в Иерусалим. Тогда председателем ОВЦС был Владыка Филарет, и это дело я обсуждал с ним. И, конечно, когда Владыка Питирим узнал об этом, он пришел, скажем так, не в ярость, но в очень большое огорчение, что такой вопрос обсуждается помимо него. Конечно, в этой истории мои действия были мало сказать неправильными и нетактичными – по-христиански и даже просто как сотрудник Издательского отдела я должен был первым делом сообщить обо всем митрополиту. Но я понимал, что это бесполезно, он не захочет терять своего сотрудника и зарубит эту идею на корню... Как бы то ни было, но Владыка, узнав обо всем, говорил мне: ну что ж, старайся, старайся, дело твое, ты сам пошел на это, сам и пытайся, смотри только потом об этом не пожалей... А позже, когда все эти планы (думаю, не без его участия) расстроились, он мне сказал: характер у тебя очень упрямый, ты во что бы то ни стало всегда хочешь настоять на своем, но учти: в церковной жизни тебе это очень помешает и может полностью разрушить твою карьеру; конечно, живи, как хочешь, но я тебе скажу: на этом деле ты можешь споткнуться. Наверное, он был прав, и действительно, карьера в обычном понимании у меня не состоялась...

Издательство как монастырь

Руководя Издательским отделом, Владыка имел еще и некую более высокую цель, сверхзадачу: создать в нем своего рода братство. Он говорил нам: надо создать монастырь, но не как там у вас в Лавре, да и в любом современном монастыре, где не столько молятся, сколько осуществляют хорошо отрепетированную театральную постановку (конечно, в хорошем смысле). А вот подлинного братства – трудового, идейного – нет нигде. И он пытался такое братство создать у нас. Нельзя сказать, что результаты были велики: многие ведь приходили не для того, чтобы послужить делу христианского просвещения, а чтобы получить сан, после чего уходили на приходы. К тому же Владыка предъявлял своим соратникам очень высокие требования и считал многих своих сотрудников (в том числе и в священном сане) малоспособными для того великого дела, к которому призван Издательский отдел, что также побуждало их уходить.

Но Владыка пытался нас как-то развивать, проводя с нами различные занятия. Он давал нам разные книги, например, предлагал изучать Поснова³ – потом мы по нему сдавали что-то вроде экзамена. Но Владыка был слишком занят и хватало его ненадолго – месяца полтора-два позанимаемся – и всё. Нам читали и лекции, помню, отец Иннокентий организовал для нас занятия по греческому языку – была такая преподавательница МГУ Лидия Георгиевна Горбунова – ну, конечно, мы на этих занятиях спали, т. к. были очень уставшими; все это оказывалось, к сожалению, нереальным и больше чем полгода не продолжалось... И все же в первые годы моей работы в Отделе у нас действительно сложился настоящий коллектив единомышленников и даже друзей: Леонид Емельянов (ныне архиепископ Новосибирский и Бердский Тихон), Николай Моисеев, Валентин Никитин...

Владыка всегда говорил так: я очень люблю монашество, но очень не люблю монастырь, потому что монахи в монастыре – вечно у них свои мнения, ничего они не понимают, много о себе думают, все время претензии ко мне, сами ходят грязные и видят в этом подвижничество и т. д. Я ему говорил: Владыка, ну как же так, ведь без монастырей не будет и монашества; а он отвечал: ну вот вы поживете – увидите. И еще он говорил: я и вообще-то предпочел бы жизнь семейную, но, к сожалению, не смог найти спутницу жизни, с которой можно было бы создать такую семью, какую я видел у моих родителей и которая мне представляется идеалом христианской семьи вообще, – поэтому я и избрал монашеский путь.

Советы в отношении монашеской жизни Владыка давал хорошие, правда, не очень реализуемые; например, он меня спрашивал – а холодильник у тебя в келье есть? Я отвечал: Владыка, а зачем? – Ну, как, приезжаешь ты поздно, надо, чтобы продукты были, лекарства... В те времена я был еще послушником, но ездил на работу в Издательский отдел и то оставался ночевать там, то возвращался в Лавру действительно поздно... Так что советы и правда были весьма разумные, однако Владыка не спрашивал меня: в какой келье я живу, есть ли там место для холодильника, а главное: на какие деньги я мог купить холодильник (при зарплате в 120 рублей). Это было обидно: мы знали, что Издательство весьма богато, многие траты нам казались совершенно ненужными, однако нас Владыка далеко не баловал в смысле жалованья... И не только в смысле жалованья: помню, он стоит в своей ризнице около шкафа, смотрит в него и говорит: сколько же у меня подрясников, сколько ряс – никогда мне их не износить, да некоторые уже и не налезают на меня... Но мне он ни разу подрясника не подарил... Потом, когда я уже сам приобрел опыт, то понял почему – все это доставалось ему большими трудами: попробуй, организуй ризницу, найди портниху, которая бы сплетни не разносила, и т. д.; все это очень сложно...

Владыка как преподаватель

Некоторые из нас, в том числе и я, одновременно с работой в Отделе учились в Академии, и для нас Владыка был еще и нашим педагогом, преподавателем. В 1970–1980-е годы лекций Владыка читал уже не так много. И на его преподавательской деятельности также сказывалась в те годы его огромная загруженность: с одной стороны – он, конечно, давно достиг уровня профессора-наставника, а с другой – должность воспитателя студенчества требует постоянной повседневной работы, ежедневного присутствия, а этого у него как раз и не получалось...

Представление о его неимоверной занятости дает следующий случай. В то время на покое в Лавре проживал архиепископ Сергей (Голубцов), его однокашник. Не раз он передавал свою просьбу к Владыке навестить его в келии, а Владыка все не заходит и не заходит;

³ Поснов Михаил Эммануилович (1873–1931) – русский православный библиист, доктор церковной истории; после 1917 г. эмигрировал.

наконец он пришел и... тут же заснул, сидя на стуле... Владыка Сергей его будит и говорит ему: так нельзя, Владыка, вам нужно отдохнуть, иначе вы себя доведете до нервного расстройства...

Обычно первые несколько лекций, когда он давал общий обзор Евангелий, говорил об особенностях каждого евангелиста и т. д., – у него были просто блестящими: это была полупроповедь-полулекция, точнее, проповедь, оснащенная богословскими экскурсами, или лекция, носившая черты возвышенной поэтичности. А дальше бывало так: он уезжал за границу или еще по каким-то причинам не мог приезжать в Академию, иногда его заменяли другим преподавателем, иногда (чаще) – нет; и вдруг он неожиданно приезжал (бывало, и без всякого предупреждения), и было видно, что к занятиям он не подготовился. Обычно все дальнейшее разворачивалось по одному из двух сценариев: либо он рассказывал всякие истории из жизни Церкви, из своего опыта, случаи большей частью занимательные и, конечно, назидательные. Но бывали и такие сцены:

– Давайте приступим к занятиям. Откройте Евангелие.

А в те годы Евангелие не так просто было достать, свои книги были человек у трех из всего класса, а остальным надо было брать в библиотеке. Ну как тут заниматься? Владыка сидит на кафедре, сложив руки. Молчание.

– Почему не принесли Евангелие на урок?

Молчание. Проходит пять минут, десять, пятнадцать. Тогда мы, как иподиаконы Владыки, толкаем кого-нибудь: попросите прощения. Поднимает руку Иларион, наш староста с Украины (теперь архимандрит, духовник Академии):

– Владыка, можно обратиться? Владыка, простите нас, пожалуйста!

Владыка в гневе:

– Что значит простите, причем здесь – простите? Что мы будем делать?

Тут мы опять подсказываем: скажи, что из библиотеки принесем.

– Владыка, разрешите сходить в библиотеку и принести.

– Ну, несите.

Пока принесут из библиотеки книги – урок и кончился... Сначала после таких историй мы очень переживали, волновались, но потом привыкли и смотрели на все происходившее спокойно.

Бывало и так, что Владыка говорил: «Ну вот, к уроку мы не подготовились, поэтому давайте просто почитаем Евангелие», после чего Владыка читает какое-либо зачало, а потом спрашивает: «Теперь рассказывайте: что у вас возникает по чтении этого отрывка, какие мысли и чувства?» Кто-то начинает: Златоуст говорит, что... А Владыка: нет, не надо мне Златоуста, вы скажите, что вы сами чувствуете? – Встает другой: Владыка, святые отцы это место толкуют в том смысле, что... А Владыка опять: да нет, попробуйте обойтись без святых отцов и воспринять этот текст так, будто в первый раз его слышите...

Еще у Владыки был любимый педагогический прием (его усвоил и отец Иннокентий): «Вот, я сейчас буду учить вас научной работе. Берите лист бумаги или перфокарту, отчеркивайте поле, здесь пишите тему, а здесь – все, что вы можете сказать по поводу этой темы. И вот у вас должен быть набор таких карточек, которые вы мне можете показать и которые раскрывают такой-то вопрос (например, представляют собой комментарий главы из Евангелия)»... Нас такая технология работы как-то не очень увлекала – ведь в то время уже появились компьютеры... Бывало, старые воспитанники Владыки нас спрашивали: ну что, про карточки еще рассказывает? – Рассказывает. – Ну-ну... А они учились у него лет двадцать назад...

Но я могу свидетельствовать о том, что Владыка постоянно беспокоился о том, не теряет ли он контакт с молодежью. По этому вопросу однажды у меня произошла с ним интересная беседа в Успенском соборе Лавры. Это было в году, наверное, 1994-м, когда я

сам уже работал в Академии, а Владыка там уже не преподавал. (Кстати, то, что его в начале 1990-х годов отстранили от преподавания в Академии, – конечно, безобразие: хотя тогда был финансовый кризис и сократили сразу 20 преподавателей, но Владыку-то надо было оставить, если и не преподавателем Нового Завета, то хотя бы для чтения пастырских вступительных лекций...) Владыка интересовался, как я веду занятия, и мы с ним обсуждали, надо ли излагать православное вероучение более светским языком; при этом я говорил о том, что молодежи Церковь интересна в своей основе, и этот интерес не повысится, если начать ее осовременивать. В конце разговора Владыка сказал: ну, ты как-нибудь зайди ко мне – чаек попьем и продолжим разговор на эту очень важную для меня тему... К сожалению, все это так и осталось неосуществленным...

Владыка как богослов

Еще студентом Академии я смотрел в библиотеке кандидатскую работу Владыки: мне было интересно, каков Владыка как научный работник. И я увидел, что эта работа, посвященная гносеологии Симеона Нового Богослова, действительно очень серьезна и глубока. Помню также рассказы митрополита о том, как увлеченно собирал он библиографию к теме по разным библиотекам.

Потом, после кончины митрополита Антония (Мельникова), Владыка сам возглавлял «Богословские труды», и надо сказать, что как богослов он был человеком очень хорошо подготовленным. Но, конечно, времени что-то писать самому у него не было. И Владыка говорил так: я, конечно, хотел бы заниматься богословием, но заниматься этим серьезно сейчас для меня абсолютно невозможно, я плаваю по поверхности, это все пена, а для настоящих занятий необходимо погрузиться в глубину... Поэтому нечего и думать изображать из себя богослова; сложись жизнь по-другому, может, я и стал бы богословом... Такие слова и самооценка лишний раз подтверждают духовную трезвость Владыки...

Три периода жизни

Я слышал много критических отзывов в отношении воспоминаний, которые вышли у Владыки⁴: мол, записывали их женщины, все там неверно... Я скажу так: там все абсолютно верно. От себя я добавил бы еще вот что: жизнь Владыки как бы делилась на два периода – до кончины Патриарха Алексия I и после. В первый период – все было хорошо, все было интересно, все было радостно. Во второй – все стало обыденно, рутинно (может, потому его так привлекали заграничные поездки: новые люди, новая деятельность)... Так Владыка и мыслил, и жил. Был и третий период – последние девять лет его жизни, когда митрополиту пришлось уйти из Отдела.

Значительную часть своей жизни он посвятил тому, чтобы сделать Издательский отдел более самостоятельным в своей деятельности. Ведь по старому Уставу Русской Православной Церкви Издательство не было Синодальным отделом, а потому, как Пенсионный и Учебный комитеты, подчинялось Управлению делами Московской Патриархии. Сейчас уже нет прежнего Издательского отдела, но существующий вместо него Издательский Совет уже является, как и Учебный комитет, Синодальным отделом.

⁴ См. прим. на с. 64.

Богослужение

Богослужение для Владыки было делом самым первостепенным. Например, свои именины он отмечал тем, что уезжал в Лавру и служил там в церкви Смоленской иконы Божией Матери в день празднования этой иконе, который как раз совпадает с днем памяти святителя Питирима Тамбовского. И так как в 1970-е годы в Лавре не разрешали служить во всех храмах, то в этом храме служили вообще чуть ли не раз в году, именно в этот день и именно по настоянию Владыки. Но потом, говорят, все же и Владыке сделали замечание: мол, знаете, народ вас хочет поздравить, собирается в ваш храм на улице Неждановой, а вас там нет, получается неудобно. После этого он стал служить в свои именины в Москве.

В отношении стиля богослужения Владыка руководствовался примером Патриарха Алексия I. Святейший вообще был для него идеалом архипастыря, и он очень многое от него впитал. А для самого Алексия I идеалом был святитель Филарет (Дроздов). Владыка рассказывал, что у Патриарха всегда лежало на столе собрание проповедей и резолюций Филарета и он в нужных случаях говорил: ну-ка, посмотрим, что там у Филарета есть по этому вопросу; листал он эти книги и просто так, чтобы что-то оживить в памяти... Конечно, издать труды святителя в те годы было невозможно, он был под запретом как монархист и реакционер; но для внутреннего употребления, говорил Владыка, мы всегда должны ориентироваться на Филарета (в 1960-х годах ему все же удалось напечатать в Журнале четыре проповеди святителя).

И сейчас можно услышать от многих священников, что традиционный московский стиль служения – строгий, но не монашеский и не «поповский», а настоящий церковный стиль – это то, как служил митрополит Питирим; а он, конечно, научился этому у Патриарха Алексия.

Из всех праздников Владыка больше всего любил Вознесение. Он считал, что Вознесение – это вершина евангельской истории, вершина богословия, к тому же его и рукоположили на праздник Вознесения. В этот день он всегда служил в особом белом облачении, подаренном ему Патриархом Алексием I. Был у него и замечательный омофор, который он надевал в этот день, и когда мы однажды забыли этот омофор, Владыка разгневался и со словами: я целый год жду, чтобы его одеть, а вы его забыли? – послал во время службы одного из иподиаконов (Виктора Казанцева) привезти его на машине из Издательства; и когда омофор был привезен к середине службы, все же надел его и продолжал служить в «правильном» облачении...

Кстати об отношении Владыки к иподиаконам: прежде всего их у него было очень много; скажем, служат вместе с ним в какой-нибудь высокаторжественный день пять архиереев, так у них у всех вместе иподиаконов было меньше, чем у одного Владыки Питирима (вокруг него вообще всегда было много молодежи). При этом он хотел, чтобы каждый из иподиаконов умел делать всё. У других архиереев совершенно не так: скажем, если ты выходишь с трикирием, то так всегда и будешь выходить... А Владыка требовал, чтобы мы все время менялись: сегодня ты пономаришь, завтра – держишь рипиду и т. д. Конечно, нам было трудно все это освоить, от того и случались ошибки... Чаще всего Владыка делал вид, что не замечает их, и нам говорил: не обращайтесь внимания, в народе этого никто не заметит. Так всегда бывало, когда Владыка служил в гостях. Когда же он служил у себя в храме – бывало по-разному: то все шло спокойно и благостно, а то – просто гром и молния и чуть ли не табуретки летали – так мы его расстраивали своей неумелостью...

Теперь в отношении его храма в Брюсовом переулке: его положение там было до некоторой степени неопределенным – ведь он не был в нем настоятелем. И когда мы говорили Владыке: вот надо бы то или то поправить, он нам отвечал: я не настоятель. Он считался

только почетным настоятелем и всегда это подчеркивал: в жизнь храма я не вмешиваюсь. Хотя, конечно, большинство вопросов с ним согласовывалось.

К попыткам что-то улучшить в храме, обновить, он относился очень осторожно. Например, уже в новейшие времена ему пытались навязать какой-то полупрофессиональный квартет, но он это начинание, как говорится, спустил на тормозах: квартет попел какое-то время, а потом исчез. Спрашиваем его: почему? – а он отвечает: ребята консерваторские, пришли-ушли, никто не знает, придут ли снова... А на бабушек всегда можно положиться... И в этом сказывалась его церковность, он считал, что следует опираться на людей, которые не отступили от Церкви в тяжелые годы государственного атеизма. Действительно, на клиросе в этом храме были замечательные бабушки (помню, одну звали Варвара), которые пели там до самой смерти.

Пытался у него петь и профессиональный хор Анатолия Гринденко, но Владыка говорил, что церковное пение надо, конечно, развивать, но не в храме; в храме же был осторожен и считал, что предпочтительнее общенародное пение. Но и здесь он не любил новаций: однажды отец Иннокентий, к которому приехали из другой епархии несколько женщин, на одной из служб решил сделать Владыке подарок: перед началом расставил их по храму и сказал прихожанам: сделаем так – они будут запевать, а вы подхватывайте... И что из этого вышло: «Символ веры» они еще как-то спели, но когда попытались начать пение евхаристического канона (при этом отец Иннокентий подбадривал всех, мол, давай-давай!), Владыка вышел и резко все это оборвал, сказав: прекратите это безобразие, а Иннокентию потом: что ты лезешь не в свое дело, надо готовиться к пению, а не петь как попало... В храме у него был свой хор под управлением Ариадны Рыбаковой, конечно, довольно светский, но для рядового московского храма хороший; Владыка брал его с собой и за границу, и этот хор обычно имел большой успех...

Волоколамск

Особо нужно сказать о поездках в Волоколамск. С одной стороны – он тут отдыхал, с другой – пытался привлечь в такие поездки иностранцев... Когда монастырь стали возрождать, он со многими людьми обсуждал вопрос о том, чтобы привлечь к этому делу немцев: раз немцы его разрушили, они и должны дать на его возрождение деньги. Был и такой полуфантастический проект: провести трассу из Прибалтики, которая будет проходить мимо монастыря; на ней через каждый километр поставить придорожные кафетерии, чтобы был доход монастырю, и т. п. – и все это обсуждалось на полном серьезе. Потом он устраивал в монастыре летом спортивно-молодежный лагерь. Но с налаживанием там собственно монашеской жизни, к сожалению, ничего не вышло. Зато при его наместничестве (в конце 1999 года монастырь стал ставропигиальным) произошло главное духовное событие в новейшей истории обители – обретение святых мощей преподобного Иосифа Волоцкого...

Приезжая в свою Волоколамскую «епархию», Владыка особенно любил посещать самый дальний приход в Песках, где жила недавно скончавшаяся баба Надя, запечатленная, кстати, в известном фильме о митрополите Питириме «Архиерей»; она его всегда встречала, топила ему баньку, он в этой баньке парился (конечно, один – мы в это время где-нибудь гуляли), потом бегал прыгать в пруд... Он всё говорил – люблю ходить по траве босиком, по росе... Конечно, в этих словах – ностальгия по юности: где и когда Владыка мог теперь ходить по росе, живя в мегаполисе и проводя много времени за границей?

Владыка как общественный деятель

Владыка ощущал себя не просто издателем, а церковно-государственным деятелем, и Издательство для него было важно не само по себе, а как дающее ему определенный, достаточно высокий статус, а также потенциальную возможность и способ высказаться («Журнал Московской Патриархии»). Именно с этим связано его упорное нежелание уезжать из Москвы. Владыку много раз пытались отправить на кафедру – Смоленскую (временно управляющим), Тамбовскую (где как раз был в свое время Питирим Тамбовский), – и он каждый раз возвращался в Москву. Он прекрасно понимал, что вся политика делается в Москве, и если его не будет в столице, то очень скоро, а особенно после смерти Патриарха Алексия I, он просто будет в забвении где-нибудь в провинции.

В своем Издательском отделе Владыка – в годы всевластия КГБ и Совета по делам религий – делал вид, что их не существует. Я знаю, что некоторые архиереи рассказывали своим сотрудникам, как надо общаться с этими структурами, давали им советы на этот счет, учили: мол, вам могут сказать то-то и то-то, а вам надо уметь где-то отстоять себя, а где-то пойти на компромисс... Не бойтесь этого... В нашем отделе все делали вид, будто этого вообще не существует. В годы жесткой цензуры, когда всё надо было согласовывать с Советом по делам религий, отец Иннокентий говорил: какой там Совет, он нас не трогает, у меня за все время только один раз одну строчку вычеркнули... Так же держал себя и Владыка – но ведь он мог бы нас предостеречь, сказать: вас будут вербовать, а вы поступайте по совести... Если уж пришлось сотрудничать, то используйте эти связи не для своей карьеры, а чтобы как-то защитить Церковь. Понятно, что всё он рассказывать не мог (вдруг я завтра пойду и заявлю на него), но все же Владыка мог бы как-то помочь нам войти в эту жизнь. Но он был наглухо закрыт...

В начале 1990-х годов в стране появились компьютеры, были они закуплены и у нас и... лежали на складе, почти никто ими не пользовался – боялись (а вдруг кто-то начнет размножать листовки?) Кстати, в конце 1970-х у нас, помню, даже пишущие машинки по окончании рабочего дня продолжали печатывать, когда уже нигде в стране этого не делали... Все же Владыка вырос в этой системе и ему было трудно из нее выходить, да он и не хотел из нее выходить. Ведь он привык быть монополистом и ему всё разрешали: чего еще хотеть? Мы ему говорили: Владыка, Вы можете сейчас Библию издать миллионным тиражом и будете миллиардером... Но делая так, он рисковал вступить в конфликт с Советом по делам религий, – и еще неизвестно, что будет; а так он со своим Издательством – и без этого уже миллионер...

Владыка и перестройка

Когда наступила «перестройка», Владыка, конечно, перестал поспевать за жизнью, начал терять привычные ориентиры, ему было трудно переходить на новые рельсы. В своих воспоминаниях он пишет: началась коммерциализация всего и мне это было противно... Но дело было не только в коммерциализации. Некоторые его поступки той поры были необъяснимы. Вот два воспоминания. Одному случаю я был непосредственным свидетелем: как-то раз я случайно попал на заседание фонда культуры и сидел там рядом с митрополитом Питиримом. Приходит радостный Никита Сергеевич Михалков и говорит: у меня только что была встреча с президентом Ельциным, он дает нам карт-бланш, обещает большие деньги; Владыка, мы хотим ваше мнение услышать, что нам сейчас надо делать, с чего начинать?... А Владыка на полном серьезе отвечает: вот я сейчас возвращался из провинции (не помню, из Тамбова или из Смоленска) и зашел в лес подышать; смотрю – лес весь загажен. Так вот,

надо возродить дружины (наподобие пионерских), которые мы будем посылать в лес; они будут там собирать банки и таким образом мы поднимем патриотизм, улучшим экологию... На таком серьезном заседании – и говорить о собирании банок? – я так и не понял: то ли он смеялся над ними, мол, собрались тут думать о культуре и не знаете, с чего начать, – то ли говорил вполне серьезно...

Другая знаменитая история – как Владыка с архимандритом Тихоном (Шевкуновым) собирались совершить поездку по русскому Северу. В то время в стране разрушались целлюлозно-бумажные комбинаты, и Владыка хотел договориться с ними о заключении контрактов на поставку бумаги на несколько лет вперед; выгода Издательства состояла в закупках материалов по фиксированным ценам в условиях идущей в стране инфляции, комбинаты же получали столь необходимые им на сегодняшний день оборотные денежные средства. Причем задумывалась эта поездка как просветительская, в ней должны были участвовать и выступать перед рабочими известные писатели, такие как Василий Белов, Виктор Астафьев, Валентин Распутин, артисты, хор. Со всеми всё было согласовано, осталось только взять билеты. Но когда отец Тихон позвонил Владыке и сказал: ну всё, берем билеты, – тот отвечал: какие билеты, куда? – нет, всё отменяется... Это было где-то в начале 1990-х годов. Конечно, сейчас задним числом понимаешь, что поездка эта, возможно, была авантюрой; может, Владыка действительно подумал, что глупо заключать какие бы то ни было договора на много лет вперед в условиях, когда всё вокруг рушится; но ведь дело было согласовано с людьми серьезными, от него просили ответа и он дал согласие... У Флоренского в его работе «Имена» есть статья «Константин», где утверждается, что человек с таким именем, по этимологии вроде бы обязанный быть постоянным, на самом деле более непостоянен, чем человек с любым иным именем. Владыка Питирим, первое имя которого было Константин и который часто отменял свои решения так, словно их никогда и не было, – вполне соответствует такой характеристике отца Павла...

В политическом отношении Владыка искренне не верил, что Горбачев и вся коммунистическая система в одночасье рухнут. Но не только он – многие архиереи не спешили принимать перестройку с ее новшествами, аргументируя так: а вдруг вернется старое, и что мы тогда будем делать?..

В результате, когда перестройка уже шла полным ходом, Издательский отдел подвергался серьезной критике за то, что боится печатать правду о репрессиях против Церкви, когда эта правда уже печатается в «Огоньке» и других изданиях; что не издает нужную литературу, когда она уже выпускается другими издательствами; за то, что в нем редактируют направленные в «ЖМП» статьи так, что от них ничего не остается... Правда, нельзя не сказать, что порой нам присылали такие слабые тексты, что просто было стыдно за их авторов, их нельзя было не редактировать, – но люди все равно были недовольны...

Родные Владыки

По своему характеру Владыка был человеком довольно закрытым. Например, его отец был в лагере, был, в сущности, священноисповедником, но он никогда об этом не говорил... Казалось бы, он мог сыграть на этом хотя бы за границей, заявив: мол, у меня тоже отец был в лагере, но все же я положительно отношусь к советской власти, и т. п.; но эта тема была для него полностью закрыта.

С братьями и сестрами он был дружен, да и вся его семья была дружной. Он часто приезжал в Лавру, где у него жила сестра, навещал ее сам, по его просьбе за ней ухаживали и студенты. Он помогал брату. Вообще, семья была большой частью его жизни, но это также было закрыто от посторонних глаз.

Была у него под Москвой дача, и в свое время в «Науке и религии» расписали, что архимандрит Питирим возвел себе целый дворец... Видели бы они, что это была за дача, смешно и сказать... Как-то Владыка решил что-то там отремонтировать, послал одного человека помочь. Тот приезжает на дачу, его встречают две сестры Владыки. – Ну, что делать надо? – Да вот, надо новый забор поставить. – А где доски-то? – Да вот, старые, перебирайте их и из них делайте. – А где гвозди? – И гвозди старые берите, вытаскивайте и снова используйте. Так этот человек распахивался, ничего не стал делать, а архиерею сказал: Владыка, из чего Вы хотите сделать конфетку? – разве так можно, ведь Вы же митрополит!.. Так что лично для себя он не очень-то и стремился что-либо сделать.

* * *

Завершая эти заметки, хочу отдельно обратиться к тем, кому они покажутся недостаточно почтительными. Мне не раз приходилось писать и редактировать различные жития, я хорошо знаком с этим жанром. Но когда речь идет о воспоминаниях, то они интересны не тогда, когда являют собой род речей на поминальном обеде, а когда показывают живого человека. Именно этим руководствовался и я. А в заключение хочу сказать: сам я глубоко почитаю Владыку и благодарен ему за многое, что было в моей жизни. Чем старше я становлюсь, тем более остро ощущаю, как не хватает мне общения с Владыкой Питиримом, его руководства.

Игумен Андроник (Трубачев), доцент Московской Духовной академии

Навсегда в истории Церкви

Я могу сразу признаться, что люблю его и не буду скрывать этого, хотя знаю, что церковная общественность относится к нему по-разному. Тем не менее личность митрополита Питирима – со времени его кончины прошло уже пять лет – заставляет нас пристально взглянуть не только в его судьбу, не только в его жизненный путь, но и в тот путь, который прошла наша страна и Церковь в то время, когда митрополит Питирим совершал свое сложное служение, когда он нес и как священнослужитель, и как общественный деятель, и как человек свет, идею, заботу, любовь. Для нас, священнослужителей – тех, кто сегодня служит в Церкви, и для тех, кто был знаком с ним, работал с ним, – отношение к Владыке было как к отцу, и до сих пор мы воспринимаем его как своего старшего наставника, хотя у нас были и другие духовные отцы. Так, несомненно, и должно быть в жизни Церкви, потому что мы поминаем по завету апостола своих наставников. Митрополит Питирим, как бы мы ни относились к тому, что происходило вокруг него, действительно был нашим наставником, он нас воспитал, и это воспитание наложило отпечаток на всю нашу последующую жизнь. И не только на жизнь сотрудников Издательского отдела Московского Патриархата, где мы тогда работали, но и на жизнь наших семей. В частности, в моей семье все любили митрополита Питирима, и даже мой далекий от Церкви тесть, ныне покойный, очень любил его и всегда очень уважительно отзывался о нем. Он был рад, что я имею счастье работать вместе с Владыкой, быть рядом с ним, и что дети мои тоже бывали и в Издательском отделе, и на Рождественских праздниках, и находились рядом с митрополитом Питиримом.

Владыка с детства мечтал посвятить себя священническому служению. И это само по себе уже было подвигом в те годы. Я думаю, не надо объяснять, что в годы, когда он уже юношей во время войны готовился к самостоятельной жизни, служение в Церкви представлялось для него несбыточной мечтой. В начале 1940-х годов, когда на свободе оставалось меньше епископов, чем их сидело и было расстреляно, мечтать о том, чтобы получить духовное образование и стать священником, значило мечтать о несбыточном; сам Владыка говорит об этом в своих воспоминаниях.

Эпоха, которую прожил митрополит Питирим, удивительна, разнообразна и по-своему замечательна. Он родился тогда, когда старый уклад жизни был еще достаточно властен, и он вырос почти что в прежнем укладе типичной духовной потомственной семьи. Но уже в тридцатые годы, когда Владыка мог себя помнить, жизнь семьи священника коренным образом изменилась. В нее вошли аресты, ссылки, скитания без дома и без квартиры, голод, нужда. Но, пожалуй, труднее всего из того, что досталось на долю духовенства того времени, было – воспитать детей в христианской православной вере, передать им живую церковную традицию. Это было самое трудное, и поэтому мы должны прежде всего помянуть родителей каждого священника, которые продолжали воспитывать своих детей в православной традиции. И вот Владыка принадлежал к тем людям, которые сохранили эту традицию живой, действенной, принесли ее в жизнь Церкви, нашего общества, поделились этой традицией с нами. Это уже дар Божий – в роковые тридцатые годы вырасти в такой реликтовой духовной среде, которая постепенно иссохла с уходом из жизни этих людей. Владыка Питирим принадлежал к той духовной традиции, которая жила в русской христианской интеллигенции и которой ныне нет. Как бы мы ни пытались ее реконструировать и восстановить – сделать это, наверное, уже невозможно, к сожалению, мы можем говорить о ней лишь в прошедшем времени. Вообще, в истории Церкви есть особая тема – это жизнь духовенства. Посмотрите в учебниках по истории Церкви – Голубинского, Карташева или других авторов, и увидите, что жизнь духовенства выделена в этих трудах в отдельные, хотя бы и небольшие, главки.

Даже в «Истории древней Церкви» Лебедева существуют главы, посвященные тому, как жило духовенство в ту или иную эпоху. Духовенство всегда было выделено из общей церковной жизни, и тому есть как объективные, так и субъективные причины. К субъективным я бы отнес национально-исторические условия, в которых жило духовенство. В воспоминаниях митрополита есть такое замечание, что русское духовенство всегда было обречено на нищету. Это касалось не только сельского духовенства, но и городского. Епископы жили, конечно, не нуждаясь, но, как говорит Владыка Питирим, были в значительной степени изолированы и находились в своего рода гетто. Вообще, священник в обществе – это изгой, и семья его – изгой. Не в плохом смысле, как могут быть изгоями люди, презираемые в человеческом обществе, – изгоем может быть и уважаемый человек. Семья священника, дети священника, сам священник в нашем обществе и в обществе дореволюционном всегда находились на особом положении. Требования, которые сформировались в русском обществе, в русской культуре к образу жизни священника, его супруги, его детей, – были очень высокие. Считалось и считается, что священник и его семья вообще люди особые, они как бы святые. В их семье не может быть тех разладов и тех конфликтов, которые бывают в семьях мирян или людей, далеких от Церкви. В душе и личности священника не может быть тех проблем, которые бывают в жизни обычного человека. И жена священника – это вообще как монахиня, как святая. Так думают многие, но это совершенно не соответствует истине, которая заключается в том, что и сам священник, и его семья встречаются с теми же проблемами, что и все остальные.

Но поскольку и церковное, и внецерковное общество относятся к священнику как к особому человеку, и сам он, и его жена, и его дети оказываются в некоторой изоляции, и в этом смысле они – изгой. Это не беда, это просто факт; это нужно иметь в виду, когда мы говорим об истории духовенства, тем более об истории духовенства в советское время. Советское время перевернуло и отношение к священнику – оно, действительно, выделило его как изгоя, как проклятого, как преступника априори. В священника можно было кидать камнями, облить его грязью, в него можно было кидать тухлыми помидорами; молодежь, мальчишки издевались; донос на священника вменялся в доблесть пионерам и комсомольцам. Я знаю такие духовные семейства, детей которых били в школе только за то, что они были сыновьями священников. И это не могло не отразиться на личности этих священников, которых я знал и знаю, которые служили и до сих пор еще служат в Русской Православной Церкви. Они пережили это в своем детстве, и их дети это пережили. Только в самые последние десятилетия XX века, может, лет за десять-пятнадцать до перестройки отношение к священнику изменилось. И оно сначала было подпольно уважительным, а потом стало и открыто уважительным – в последние годы и тем более в перестройку. И всё это наши батюшки выдержали и вырастили своих сыновей. Не все, конечно, сыновья священников становятся священниками. Вообще, судьба детей священника подчас бывает трагична именно потому, что к ним и Господь, и люди, и Церковь предъявляют особые, иногда невыполнимые требования. А ведь судьба каждой личности уникальна, каждый человек есть для нас и для общества непредсказуемая жизнь. Да, мы иногда ожидаем, что сын священника станет священником или хотя бы пойдет по духовной линии. Однако в жизни бывает далеко не так. И чаще даже, пожалуй, не так. Но для сына (и для дочери тоже) его происхождение не может быть отменено никем и ничем, оно остается в душе, как особая печать.

Владыка Питирим был одним тем уже счастливым, что продолжал древнюю духовную традицию, которой, как он позже напишет, насчитывалось более трехсот лет. Счастье это заключается не в том, что счастливо сложилась его священническая судьба, а в том, что он не разошелся с этой глубокой линией, написанной в сердцах его предков и в его собственном сердце. Счастлив он в том, что не только стал монахом, священником, наконец, епископом, а в том, что продолжил то великое дело служения Церкви, служения людям, служе-

ния Богу, которое и может для человека составлять действительное духовное счастье. Среди удивительных откровений, с которыми мы можем познакомиться из его воспоминаний, мне прежде всего вспоминается его выбор. В ту ночь, когда был арестован его отец, он, еще мальчик, сказал себе: я буду монахом. И, как потом он сам объяснил, это решение было принято именно под воздействием той трагедии, которую пережила вся семья в момент ареста отца. Он понял, что быть священником в нашей стране в то время было лучше так, чтобы твое служение как можно меньше задевало ближних. Быть может, это было детское или отроческое восприятие мира, восприятие судьбы, но решение, которое было тогда принято, так и осталось записанным на скрижалях сердца и потом осуществилось в его жизни.

Последний раз я встречался с Владыкой в институте, а потом уже в университете транспорта, где он учился, будучи юношей. В МИИТе Владыку очень любили, он был для этого института свой и старался сделать для него всё, что было в его силах. По его благословению и при его непосредственном участии там открыли кафедру теологии, на которой пришлось и мне побывать и выступить вместе с Владыкой на первом кафедральном семинаре. На этот семинар пригласили различных специалистов – богословов, художников, писателей; на нем обсуждались самые животрепещущие проблемы духовной жизни, жизни России, ее истории. Это была моя последняя встреча с Владыкой Питиримом, года за два или полтора до его кончины.

Умер Владыка 4 ноября 2003 года, в праздник в честь Казанской иконы Божией Матери. На его отпевании в Елоховском соборе присутствовало так много духовенства, что мы, молодые священники, пришедшие в самом начале службы, постепенно оказались на периферии, так что мне пришлось стоять около мощей святителя Алексия, то есть довольно далеко от центра храма, где стоял гроб с телом митрополита; и вся служба отпевания, длившаяся несколько часов, проходила в предстоянии сонма духовенства. На отпевании я видел многих людей, которые работали с Владыкой, а среди молящихся, пришедших проститься и поклониться его праху, было очень много лиц, которых никто не знал, поскольку митрополит Питирим был связан с необыкновенно широким кругом российского общества и людей из других стран – это были представители духовного сословия, политики, ученые, деятели искусств – Елоховский собор был полон, как на Пасху...

А познакомился я с митрополитом Питиримом, когда он только что был возведен в сан митрополита. Я тогда работал сторожем московского храма в честь иконы Божией Матери «Знамение» в Переяславской слободе, куда митрополит Питирим любил приезжать молиться. Это было уже после 12 часов ночи, и мы, дежурившие внутри храма, вдруг услышали звонок, что бывало крайне редко. Мы подумали, возможно – это хулиганство какое-то или просто кто-то пошалил. Звонок находится на внешней стороне колонны ворот. Мы подбежали к окнам и увидели машину – черную «Волгу» – и две высокие фигуры.

Даже издали было видно, что это лицо духовное, и мы вышли открывать. Подойдя к воротам, мы увидели, что это Владыка Питирим; его фигуру нельзя было не узнать. Среди всех архиереев она была совершенно замечательная – прежде всего высоким ростом, худобой и длинной бородой, к тому времени уже совсем седой. Я был очень рад и бросился открывать ворота, потому что Владыку Питирима тогда знал и знал, что он уже стал митрополитом. Открыв ворота и взяв первым делом благословение, мы вместе с моим напарником, тоже теперь уже священником Сергием, поздравили его, а он очень скромно, даже не переступая линии ворот, сказал, что, понимаете, дело позднее, он только что вернулся из командировки и просит нашего разрешения приложиться к иконе мученика Трифона (его он всегда почитал) и к иконе Божией Матери «Знамение».

Был декабрь, день или два спустя после нашего престольного праздника. Мы зажгли малый свет в храме, он прошел помолиться, а референта и нас попросил отступить и не

докучать ему. Подойдя к святыням, он несколько минут сосредоточенно молился... С той самой поры я всегда помнил, что митрополит опытно знает, что такое молитва.

Конечно, тогда Владыка меня не запомнил; второе же мое знакомство с ним было достаточно заочным, когда я пытался устроиться в Издательский отдел работать, но назначение не состоялось. Наконец, когда уже началась «перестройка», по рекомендации своего духовного отца я предстал пред светлые очи Владыки в его кабинете на Погодинской и с тех пор стал сотрудником Издательского отдела Московского Патриархата.

Я с большой радостью вспоминаю все проведенные там мною три с половиной года и прежде всего потому, что это было общение с удивительной личностью. Личность митрополита – это не только высокий сан или высокое звание. Это – удивительная церковная культура, традиции которой ныне утрачены, культура, встреча с которой если и не переводит твою жизнь, то производит в душе след, который остается очень надолго, навсегда. Встреча с митрополитом означала, что твоя духовная жизнь, твое понимание Церкви и христианства отныне будут иными.

Работать рядом с ним было непросто. Более того, многие его распоряжения, его идеи были нам не близки; мы спорили – чаще за глаза – боялись открыто возражать Владыке: авторитет его был исключительным и сила его духа, сила его личности были таковы, что возражать просто не было никакой возможности.

Вот приходишь к митрополиту, говоришь Нине Николаевне, его секретарю, можно ли увидеть Владыку? А у него в кабинете всегда кто-нибудь есть. Чаще это были какие-нибудь иностранные гости; в перестроечные годы это были депутаты, артисты, бизнесмены, люди самого разного призвания. Получить аудиенцию у Владыки было крайне тяжело даже нам, ближайшим сотрудникам «Журнала Московской Патриархии». И вот если эта минута наступала и можно было поговорить, то говорилось прежде всего самое важное и самое существенное. Владыка редко смотрел прямо в лицо – он молча слушал и шевелил усами. И вот в какой-то момент он начинал отвечать, и, несмотря на то, что ответ тебе не нравился, возразить ему было невозможно, потому что он посмотрит на тебя голубыми глазами – вроде бы кроткими – но сила этого взгляда такова, что возражать невозможно. Потом на себя злишься: почему того не сказал, почему это не высказал, – но сделать уже ничего нельзя.

Я знаю, что Владыка на нас обижался: мы, к сожалению, не всё исполняли из того, что он нам поручал, не осуществили всех тех замыслов, которые он вынашивал. Но любое общение с Владыкой вспоминаю как благодатный дар встречи. Так бывает в жизни, когда встреча определяет гораздо большее, чем то, что она дала как видимый результат. Есть что-то внутреннее, что-то невидимое, что происходит помимо нас...

Владыка создал современный Издательский отдел. В годы его председательства для него было построено замечательное здание на Погодинке. Это был двухэтажный особняк, из него по сути дела сделано здание в четыре этажа с домовым храмом во имя преподобного Иосифа Волоцкого, который для нас был, конечно, духовным центром, как и кабинет митрополита. В том здании сосредоточились удивительные духовные ценности – множество старинных икон, которые собирались пожертвованиями москвичей и не только москвичей. Это были подарки, это были находки. Кроме храма, была удивительная библиотека, хранившая рукописи, которым нет цены и поныне. Мне довелось составлять список этих рукописей: по благословению митрополита я участвовал в этой работе. То, с чем я тогда познакомился, наверное, я никогда больше не увижу и не подержу в своих руках. Была создана замечательная фонотека, в ней хранились записи богослужений и голоса давно ушедших священнослужителей, хоров, удивительных музыкантов – и не только церковных.

Кроме того, в Издательском отделе была замечательная гостиная, которая называлась Каминным залом, – туда приходили многие известные музыканты, артисты, люди самой разнообразной деятельности и происхождения. Бывали там и особы царского рода. Эта гости-

ная представляла собой галерею живописи, которой могли бы позавидовать многие музеи. Там же была представлена коллекция часов. Из гостиной дверь вела в своеобразный музей фотоаппарата «Лейка». Это всё собирал Владыка. Считалось, что у него огромное богатство, собранное за эти годы благодаря его деятельности, благодаря его широким знакомствам. Его кабинет представлял собой кунсткамеру. В нем было много икон, картин, подарков. Книги громоздились на его столе, и когда мы приходили побеседовать с ним как с главным редактором, мы садились не вокруг его письменного стола, не вокруг большого стола для совещаний, а за журнальным столиком, который находился в противоположном конце кабинета. Вот там всё по сути дела и решалось: все остальные столы были завалены книгами, рукописями и разными раритетами.

И вот при всем этом Владыка оставался человеком нестяжательным. Я должен это сказать, потому что от многих людей, прежде всего от тех, которые имели отношение к Церкви, я слышал ранее, что Владыка – самый богатый человек среди русских православных епископов. Я приведу один пример, который, мне кажется, можно привести. Я думаю, что Владыка мне простит эту мою нескромность. Я был тогда диаконом и служил вместе с Владыкой в храме в честь Воскресения словущего на Успенском Вражке. Этот храм в Брюсовском переулке никогда не закрывался и имеет удивительные святыни и иконы. В одно из воскресений Владыка не пришел на службу – он заболел (у него был грипп) и после службы меня направили к нему передать просфору. Я приехал в Издательский отдел (в воскресный день там было пусто), подошел к его кабинету и попросил разрешения войти. Владыка глухо откликнулся из своей комнаты, которая соединялась с кабинетом, и я вошел в нее. В этой комнате я до этого никогда не бывал. Там находились шкафы с его облачением, стояли чемоданы для того, чтобы ехать на служение в Волоколамское благочиние, где очень часто Владыка служил. Но Владыку я и здесь не увидел. Я еще раз попросил его разрешения, Владыка отозвался откуда-то из-за шкафов, и вот тогда я зашел туда с просфорой. Там за шкафами, около голой стены стояла раскладушка, на которой лежал Владыка, накрытый пледом, – больше там ничего не было, а я ожидал увидеть роскошную кровать с балдахином.

Затем я как-то был у него на квартире около метро «Сокол», где он жил вместе со своими двумя сестрами. Здесь я тоже ожидал увидеть роскошь – но это была обычная квартира московского интеллигента, ничего более. Когда я был назначен в московский храм во имя пророка Илии, что в Обыденском переулке, я первым делом поехал рассказать об этом митрополиту Питириму. Встретил его в коридоре и объявил ему эту радостную новость. (Я тогда только что был рукоположен во иерея). Он поднял свои брови, удивился такому замечательному моему назначению и сказал: «Выше этого уже ничего не может быть». И тогда, набравшись нахальства, я попросил у Владыки, чтобы он подарил мне служебник и подписал его. И до сих пор я этот служебник храню, как самую драгоценную для себя священническую святыню.

И еще одно воспоминание, очень болезненное. Это был конец 1994 года, когда время служения митрополита Питирима на посту председателя Издательского отдела и главного редактора «Журнала Московской Патриархии» подошло к концу. Я случайно оказался в Издательском отделе – не помню, по какой причине. И я увидел: на крыльце стоит Владыка – один, со своей виолончелью. Он был музыкантом и иногда даже играл для нас, сотрудников, – правда, это было очень редко. Я не могу оценить искусство его игры, но играть он любил. И вот он уезжал из Издательского отдела – с одной своей виолончелью... Несколько лет после этого я не знал, где Владыка и что он делает. Потом только встретился с ним в Университете инженеров транспорта (МИИТе), незадолго перед его кончиной.

Я хочу еще раз подчеркнуть, что уважение, которое вызывал митрополит, исходило от всего – даже от его внешности. Да, он был необыкновенно красив – не только ростом, не только длинной бородой: и из его лица, и из его рук сквозила какая-то глубина, которой

никто постигнуть не мог. Он видел и ощущал то, что недоступно. Тонкость его восприятия истории, Церкви и жизни была совершенно иного рода.

Да, в последние годы, когда мы, молодые диаконы и священники, стремились использовать для возрождения Церкви все возможности, быть более откровенными и более открытыми, говорить на злободневные темы, Владыка был для нас консерватором и всячески сдерживал нас. Но теперь это уже не так важно. Важно то, что Господь, по крайней мере мне лично, послал этот величайший дар встречи. Господь присоединил меня к сонму его почитателей, его духовных последователей, его детей – ибо я причисляю себя к его духовным детям. Нет, Владыка не был моим духовным руководителем, но годы, проведенные с ним рядом, сделали меня его почитателем. Оглядываясь теперь на историю Русской Церкви и на судьбу митрополита Питирима (Нечаева), мы видим, что он навсегда останется в истории церковной как просветитель, как деятель образования, как один из иерархов, кто поднимал именно духовное образование, духовно-издательское дело. И до сих пор мы пользуемся Минеями, изданными под его редакцией. Многие ругают эти Минеи, потому что они изданы гражданской печатью (славянский текст русскими буквами⁵). Тем не менее я был необыкновенно счастлив, когда еще до перестройки Господь дал мне возможность (я был еще диаконом) выкупить весь комплект богослужебной литературы. Это были большие деньги, я еще не знал, зачем мне это нужно, но знал, что нужно будет обязательно. И до сих пор я прибегаю к книгам, которые были изданы непосредственно под редакцией митрополита Питирима, например, «Настольная книга священнослужителя».

Возвращаясь еще раз к его роду, к его значению в истории нашего времени, я хотел бы отдать дань уважения и любви этому замечательному русскому человеку. Когда он иногда выступал, я вспоминал, что он высоко ценил простое священническое служение и рассказывал много историй про священников, которых он знал. Владыка умел служить, служил он необыкновенно тонко, проникновенно, внутренне – хотя могло показаться иногда, что только для себя, – но служить ему было в радость. Это не всегда было просто: он был человек импульсивный. Но то, что он молился и молился так, как никто другой, – это было очевидным. Однажды его спросили: как в наше смутное, суетное время, когда на нас обрушивается такой поток информации, когда так много людей, так много встреч, – как можно сохранить молитвенный дух, как можно научиться молитве? Не отвечая прямо на вопрос, Владыка спросил: «А как вы думаете, можно ли оказаться в одиночестве среди шумной толпы, на оживленном перекрестке большого города?» Владыка говорил о том внутреннем одиночестве и той внутренней тишине, которая бывает доступна человеку. Но это была иная культура духа, которая была открыта Владыке.

Вообще, Владыка был достаточно закрыт и неохотно делился своими духовными наблюдениями. Я не знаю, были ли у него друзья. Были священники, которых он любил и которым доверял, среди них – ныне здравствующий протоиерей Владимир Ригин и протоиерей Геннадий Огрызков, который умер задолго до смерти митрополита Питирима (он служил в храме в честь Вознесения Господня, или, как говорят москвичи, в Малом Вознесении на Большой Никитской, напротив консерватории). Я не принадлежал к числу его любимцев, но всё равно с благодарностью вспоминаю все его уроки – хотя, может быть, они и были для меня не очень приятны. С теплотой вспоминаю его служение в храме в Брюсовском переулке. Туда приходят и доныне многие артисты, там Владыка совершал отпевания многих наших актеров. Я помню, как привезли в роскошном гробу Евстигнеева. В храме было очень много народа, и какими глазами смотрели на митрополита многие известные актеры, которых мы знаем только по кино! Я тогда подумал: какое счастье, что есть такое место, и как замеча-

⁵ На это приходилось идти из-за крайне низкого уровня церковного образования в советское время.

тельно, с каким доверием относятся к нему эти люди с изломанной судьбой, с непонятным мировоззрением, с идеологической и духовной кашей в голове и сердце. Но они ему верили.

Митрополит создал в этом храме особый духовный климат. Так, соблюдалась замечательная традиция: на Новый год, после новогоднего молебна, вечером, уже в темноте, он приглашал нас к себе в кабинет – а кабинет у него в Брюсовском переулке был не очень большой – там накрывались столы, на которых было шампанское, мандарины, апельсины. Я помню два новогодних вечера, проведенных в этой комнате. Был приглашен Никита Сергеевич Михалков, присутствовали священники, диаконы – в том числе я и моя семья – и еще несколько актеров, уже не помню кто; и академик Борис Викторович Раушенбах, который долгие годы дружил с митрополитом Питиримом, тоже ныне покойный, еще некоторые известные люди – всего, может быть, человек 25. И хотя еще продолжался пост, в этот новогодний вечер была удивительная теплота общения и взаимопонимания друг друга. Я думаю, каждый участник таких вечеров помнит и хранит в своем сердце эти встречи.

Еще многое можно рассказать об этом человеке и этом времени. Последние десятилетия XX века были сложными, и я хотел бы привести на память последние строки из воспоминаний митрополита Питирима. Как-то Владыку спросили о будущем России. С глубокой верой он сказал, что у России есть особое призвание. Бог учит тех, кого любит. Бывает невозможно научить дурака, говорил он, но России научение пойдет впрок. Он не говорил об особой миссии России – он говорил о том, что у России есть будущее, выстраданное перенесенными ею тяжелыми испытаниями. Я очень благодарен за эти слова митрополиту Питириму, потому что эти слова вселяют веру. При его знаниях, при его эрудиции, при его происхождении – он продолжал верить в Россию, несмотря на все испытания, которые выпали на его собственную долю, долю его семьи и всего народа.

Я думаю, что в сонме праведников есть и его высокая фигура, что среди их голосов, молящихся Господу за нас, за нашу Церковь и многострадальную землю, его особый голос тоже есть.

Иерей Андрей Лоргус, клирик храма святителя Николая Чудотворца на Трех Горах в Новом Ваганькове

По благословению Владыки Питирима...

В детстве я занимался в фотокружке у талантливого преподавателя – фотожурналиста Бориса Васильевича Чигишева. Он привил мне любовь к фотографии, как искусству. Там я изучал основы композиции, построение кадра, работал со светом.

В Издательском отделе Московского Патриархата я начал работать в 1977 году. Владыка Питирим многим из своих иподиаконов давал редакционную фототехнику, а потом просматривал, что у них получается. Мне также был выдан фотоаппарат, и я в скором времени смог попробовать свои силы в качестве фотокорреспондента на конференции «Религиозные деятели за спасение священного дара жизни от ядерной катастрофы», проходившей в Москве весной 1977 года. Многие из того, что я снимал, было опубликовано. Небольшая редакция «Журнала Московской Патриархии», размещавшаяся в Новодевичьем монастыре, на моих глазах выросла трудами Владыки Питирима в огромный Издательский отдел на Погодинской улице. По его инициативе получили рождение и развитие такие структурные подразделения как отдел звукозаписи с музыкальной редакцией, отдел кино- и видеосъемки, отдел слайд-фильмов и фотоотдел. Последний состоял из фотолаборатории, фототеки, репортажного подразделения и подразделения фотовыставок. Владыка неизменно содействовал успехам своих начинающих сотрудников, и через некоторое время я также начал работать в фотоотделе.

Постепенно нами стали выпускаться пластинки с церковными песнопениями, видеофильмы, слайд-фильмы. Те или религиозные мероприятия обычно сопровождалось фотовыставками о жизни Русской Православной Церкви, в связи с чем велась фото- и видеолетопись, расширялся ассортимент печатной продукции. И всеми этими направлениями в деятельности Издательского отдела также руководил Владыка Питирим. Будучи человеком высокой культуры, душевной широты, он был двигателем всего редакционно-издательского механизма.

Вокруг него собирались и работали вместе, казалось, совершенно противоположные и несовместимые по характеру люди. Он мог не только увлечь, вдохновить, но и предоставить новое поле для творческой деятельности.

Я счастлив, что принимал участие в фотоиллюстрировании практически всех изданий, выходивших в Издательском отделе Московского Патриархата с 1977 по 1994 годы. Владыка Питирим находил для нас, своих иподиаконов, время, чтобы разбирать богослужебные тексты, прививать нам любовь к церковнославянскому языку, к молитве, к церковной службе. Прививая благоговейное отношение к богослужению, следил, чтоб под стихарем была всегда белая, чистая рубашка.

С развалом страны и появлением таких понятий, как «рынок», «коммерция», «конкуренция», нужно было менять стиль работы, сокращать сотрудников, сворачивать некоторые виды деятельности, сдавать помещения в аренду. Владыке трудно было «урезать» свое детище, с таким трудом и любовью созданное.

Следует подчеркнуть, что он никогда не смотрел на появившиеся новые церковные издательства, как на своих конкурентов. И его заместитель и ближайший сподвижник архимандрит Иннокентий (Просвирнин), следуя такой установке, говорил: «Пусть выпускают репринты – это нужно для Церкви, а мы займемся тем, чего никто, кроме нас, сделать не сможет» – и продолжал, в частности, трудиться над иллюстрированной Русской Библией, открыв ее издание книгами Священного Писания Нового Завета.

Практически все церковные издательства, существующие в настоящее время, пока они не встали на ноги, обращались за помощью в Издательский отдел; в некоторых из них и

поныне работают высококвалифицированные специалисты – бывшие сотрудники Издательского отдела.

В эпоху перемен многие испытали чувство ненужности. Поле деятельности сворачивалось, и я написал заявление об уходе. Трудным было прощание, мне были сказаны жесткие слова... Но, когда через полгода мы встретились с Владыкой, то лицо его вновь светилось доброжелательством и отеческой улыбкой.

У каждого человека бывают в жизни скорби, попускаемые Господом для спасения души. *Многими скорбями надлежит нам войти в Царствие Божие* (Деян. 14, 22). Попустил Господь поскорбеть в последние годы жизни и Владыке Питириму, но перенес он скорби, как и должно христианину, – всех простив и примирившись со всеми; посетил в больнице архимандрита Иннокентия и, когда он скончался, пришел попрощаться с ним в Новоспасский монастырь.

Духовный отец Владыки Питирима – преподобный Севастиан Карагандинский – говорил: «Рак – это в рай за так». Владыка понес и эту болезнь. Его жизнь и смерть являются для меня назидательным примером.

В Издательский отдел я пришел молодым человеком и на все основные вехи своей жизни получал благословение Владыки Питирима. Он благословил меня заняться фотографией, поступать в Духовные школы, благословил мой брак и предоставил Каминный зал Издательского отдела (где обычно проходили дипломатические приемы) для того, чтобы отпраздновать свадьбу. Он представлял меня к церковным наградам, повышал, а иногда и понижал в должности.

Митрополит Питирим сослужил Патриарху Московскому и всея Руси Алексию II, когда он рукополагал меня во священный сан в Богоявленском соборе.

Никто, зажегши свечу, не покрывает ее сосудом, или не ставит под кровать, а ставит на подсвечник, чтобы входящие видели свет (Лк. 8, 16).

Будучи архипастырем Церкви Православной, он и сейчас, когда я его вспоминаю, проливает свет в мою душу. Всё житейское и мелочное умирает, а великое живет вечно.

Вечная память Владыке Питириму!

Иерей Виктор Казанцев, клирик храма в честь Покрова Пресвятой Богородицы в Измайлове, на Серебряном острове

Редактор, автор, издатель (несколько штрихов к характеристике личности митрополита Питирима)

Владыка Питирим, митрополит Волоколамский и Юрьевский, стал редактором и издателем совершенно для него неожиданно. Об этом он сам говорил сотрудникам нашей редакции – редакции «Журнала Московской Патриархии».

В конце декабря 1961 года, в один из вечеров, Святейший Патриарх Алексий (Симанский; его теперь принято называть Патриархом Алексием I) пригласил к себе в кабинет инспектора (иначе говоря, проректора) Московских Духовных академии и семинарии архимандрита Питирима и предложил ему возглавить редакцию «Журнала Московской Патриархии» в должности ответственного редактора (теперь эта должность называется «главный редактор»). Архимандрит Питирим вначале отказался принять это назначение, чем очень огорчил Святейшего Патриарха. Ночь для отца Питирима прошла в размышлениях. А наутро он пришел к Патриарху «с повинной» – со словами прощения за «дерзостное непослушание». Святейший Патриарх принял раскаяние отца архимандрита и 31 декабря 1961 года подписал Указ о его назначении ответственным редактором. Через день, 2 января 1962 года, архимандрит Питирим прибыл в редакцию (находившуюся тогда в Новодевичьем монастыре) и приступил к своим новым обязанностям. 23 мая 1963 года архимандрит Питирим был возведен во епископа Волоколамского и назначен еще на одну, более высокую должность Председателя Издательского отдела Московского Патриархата.

В общей сложности в редакции Владыка Питирим проработал 33 года. При нем коренным образом изменились и «лицо», и «существо» редакции: постепенно расширился штат сотрудников (с 25 до нескольких сот человек), увеличивались номенклатура и тиражи церковных изданий, из года в год улучшалось их качество. Оставаясь профессором Московской Духовной академии, он тем не менее все свои силы, все дарованные ему Богом таланты отдавал своему новому послушанию.

По существу, он создал новую редакцию. Диапазон, масштабы ее деятельности чрезвычайно расширились. Редакция стала не только и не просто высокопрофессиональным церковным издательством, но и важнейшим культурным и церковно-общественным центром, получившим широкую известность как в нашей стране, так и за рубежом.

Владыка Питирим руководствовался основополагающим принципом: нынешняя издательская деятельность Русской Православной Церкви является продолжением многовековой издательской деятельности, каковая основана на традиции рукописной и печатной книги. Истоки этой традиции восходят ко времени святого князя Владимира, крестителя Руси, и даже к эпохе святых Кирилла и Мефодия, просветителей славян.

Всякий раз, создавая новую книгу, указывал Владыка Питирим, мы обращаемся к истокам нашей отечественной культуры. Издревле нравственная сила христианских истоков вдохновляла людей на подвиг служения Богу и ближнему, сохраняла русский народ. Литературный труд на Руси был особой формой молитвы.

В тяжелые периоды истории, когда русские люди не могли защитить свободу Руси мечом, они брались за перо. Академик Дмитрий Сергеевич Лихачев (не раз бывший гостем нашей редакции) подчеркивал: «Издревле литература внезапно поднималась как огромный защитный купол над всей Русской Землей».

На свой труд древний книжник и инок-летописец смотрели как на высокое служение людям. Вспомним слова одного из наших великих святителей XIX века – епископа Феофана

(Говорова), выдающегося церковного писателя и переводчика: «Писать – это служба Церкви нужная». А книгопечатание на Руси изначально было делом и Церкви, и государства.

«При изучении многогранной издательской деятельности Русской Православной Церкви, – говорил Владыка Питирим, – по-новому открывается значение русской церковной истории, культуры, ее неиссякаемого нравственного потенциала». Совершенно очевидно, что на плечи нового поколения церковных деятелей (1960–1990-х годов) легла большая ответственность за осуществление издательских программ.

Митрополит Питирим постоянно подчеркивал: каждый, кто берется за редактирование, должен проделать определенный объем научно-исследовательской работы. Редакторы обязаны быть в постоянном творческом поиске; серьезных научно-богословских разработок требует от сотрудников Издательского отдела участие в научных межцерковных и миротворческих встречах.

От дореволюционного периода осталось немало специфических проблем. Эти проблемы Издательский отдел постепенно решал посредством систематической работы основной редакционной коллегии и редколлегий отдельных изданий, в составе которых трудились высококвалифицированные редакторы – богословы, историки, источниковеды, археографы, специалисты по русскому языку и по многим другим языкам – как новым, так и древним – художники, фотографы, опытные администраторы и так далее. К своим работам Издательский отдел всегда привлекал консультантов – специалистов по отдельным темам.

Помимо всего сказанного, редакция Владыки Питирима отличалась уникальной особенностью: по свидетельству самих сотрудников, она была для них не только местом работы и центром по совершенствованию церковно-издательского профессионального мастерства, но и училищем благочестия и постоянного нравственного возвышения, духовно-нравственной школой Владыки Питирима.

Вот некоторые из принципов этой школы: особо бережное отношение к святыне; благоговейная строгость и мерность при совершении богослужений; любовь к порядку и чистоте во всем, наипаче в том, что касается храма и совершаемых в нем служб; умение видеть проблему и правильно, своевременно ее решать; развитие в себе способности искреннего, открытого общения с людьми; умение находить прекрасное даже в малом; умение проявить в нужный момент выдержку и терпение; умение ждать и не форсировать события, а с другой стороны, быть быстрым и энергичным; быть бережливым и одновременно щедрым хозяином-руководителем; иметь любовь к иллюстрации и уметь в совершенстве владеть фотоаппаратом и другой техникой журналиста; профессионально видеть текст и проявлять способность работать с ним быстро и весьма качественно...

Это были не просто слова и пожелания – в них отображались личность и творческий характер Владыки Питирима.

Работа над словом имела в редакции первостепенное значение. Принципы Владыки Питирима прямо соотносились с тем, что некогда писал великий святитель XIX века Филарет (Дроздов), митрополит Московский и Коломенский: «Слова не мелочи, когда дело идет о догматах и о святых, и особенно в такое время, когда правильность и точность слова нужно охранять с разумением, от умножения в письменности невнимания к законам языка, логики и вкуса».

На одной из учебных лекций в МИИТе Владыка Питирим обратил внимание студентов на одно интересное обстоятельство: издательское дело – это область коммуникаций; железные дороги – это пути сообщения, которые также называют коммуникациями (одним из видов коммуникаций). Дома я решил посмотреть, а как, положим, у англичан называются «пути сообщения»? Оказалось: «means of communication» («means» и есть «пути, средства»).

Вячеслав Овсянников, кандидат богословия, сотрудник Издательского отдела в 1966–1995 годах

Годы с Владыкой Питиримом

Мне довелось (можно сказать, посчастливилось) проработать в редакции «Журнала Московской Патриархии» и в книжной редакции Издательского Отдела Московского Патриархата под непосредственным руководством митрополита Питирима с 1976 по 1992 год: сперва литературным редактором, с 1985 года – старшим научным редактором, с 1991-го – заведующим новым отделом «Вера и знание».

Владыка Питирим жил в те годы на Часовой улице, в обычном доме, недалеко от улицы Красноармейской, по соседству с замечательным писателем Владимиром Алексеевичем Солоухиным. Квартира знаменитого писателя (я у него брал интервью), начиная с прихожей, изобиловала старинными иконами и предметами антиквариата, производила впечатление роскоши. А вот квартира митрополита Питирима не казалась богатой, но в ней ощущалась особая атмосфера и реял дух здорового аристократизма. Что касается мебели – не знаю, я едва ли различу карельскую березу от красного дерева, а вот книг было предостаточно; иконы же занимали строго подобающее им место. Пожалуй, можно говорить не столько об архиерейской квартире, сколько о жилище столичного интеллигента. Не зря о Владыке шла молва, как о подлинном интеллектуале. Был он еще и музыкантом, обладал тонким музыкальным слухом; не просто любил музыку, но и сам играл на виолончели.

Жил Владыка, насколько я помню, со своей сестрой (у митрополита Питирима было четыре сестры, все они ушли из жизни до его кончины), их связывала трогательная взаимная забота и подлинно христианская любовь. Надо сказать, что с родными, с людьми своего круга, с духовно близкими ему людьми митрополит Питирим был очень обходителен и приветлив, даже предупредителен. Но он не переставал быть архиереем с неким «внутренним стержнем», пусть даже незаметным для постороннего взгляда.

Вспоминается он, прежде всего, как настоящий харизматик, истинно *человек Церкви*. Как подлинно духоносная личность. Таких сейчас почти нет: раз, два – и обчелся... Прихожане его просто обожали.

Я неоднократно видел его молящимся в храме Воскресения словущего на богослужениях Страстной Седмицы; за пасхальной заутреней – в алтаре, где с ним традиционно из года в год христосовались сподвижники-сотрудники. Помню его особенно хорошо на службе Двенадцати Евангелий в Страстной четверг. Помню, как проникновенно и сосредоточенно, со слезами в глазах он служил в те волнующие дни...

Что касается его особой «иерархической» харизматичности, то его можно сравнить, пожалуй, с митрополитом Сурожским Антонием (Блумом). Оба несли с собой ауру некоей особой одухотворенности; казалось, они обладают тайной выхода в духовное измерение. Не случайно они были доверительно дружны. У меня сохранилась фотография, где они стоят рядом, с красивыми и вдохновенными лицами, но с разным выражением глаз – строгим и взыскательным у митрополита Питирима, мягким и каким-то печальным – у митрополита Антония.

Жизнь простых людей напоминает лотерею, в которой удачный жребий вершит случай. Но судьба тех, кто отмечен призванием свыше – система глубоко закономерных координат, определяемых Промыслом Божиим. Если воля человека совпадает с провидением о нем, то такую предопределенность свыше можно считать *судьбой*. Люди с судьбой – по настоящему творческие личности, и, как правило, личности исторические; они обладают даром *пассионарности*, то есть избытком энергии, пафосом переустройства, преодолевающим инстинкт самосохранения. Что бы ни говорили о них, именно пассионарии являются «закваской» рода человеческого, его избранниками. Мне кажется, Владыка Питирим относился именно к этому разряду избранников.

В период государственного атеизма лишь в «Журнале Московской Патриархии» (из легальных изданий) публиковалось то, что не могло в ту пору нигде быть опубликованным – и, во многом, благодаря стараниям Владыки Питирима. Порой это просто казалось каким-то чудом в условиях богоборческого режима.

Хорошо помню, в каких трудных условиях работал в середине 70-х – начале 80-х годов минувшего века Издательский отдел Московской Патриархии. Мы трудились в Успенском храме Новодевичьего монастыря, в тесном помещении, похожем на подводную лодку, перегороденную фанерными переборками. Пообедать, как следует, в такой тесноте было невозможно, – обходились одним чаем.

Благодаря стараниям Владыки Питирима, осенью 1981 года был получен дом на Погодинской улице, переоборудованный под редакцию и обставленный с отменным вкусом. Там стало гораздо удобней трудиться, но был утрачен духовный микроклимат старинной обители, позволявший обходиться без пищи много часов.

Надо подчеркнуть, что Владыка был незаурядным, безусловно, очень вдумчивым и взыскательным редактором. Он умел заметить и исправить то, что на первый взгляд выглядело вполне приемлемым, «проходным». Или обозначить пунктиром, в ремарках, *что* надо исправить, *как* доработать тот или иной текст. Почерк у него был весьма неразборчив – ремарки и резолюции приходилось просто «расшифровывать». Имея опыт многолетней читательской работы с рукописями в отделах рукописей РГБ, ЦГАЛИ и ИМЛИ, я уже научился к тому времени хорошо разбирать – как бы по наитию – весьма сложные, прихотливые и странные почерки, поэтому с «криптограммами» главного редактора довольно уверенно справлялся; более того, время от времени помогал в «дешифровке» своим старшим коллегам – Вячеславу Петровичу Овсянникову, Константину Михайловичу Комарову, Павлу Васильевичу Уржумцеву – и другим.

Владыка был строг, но отнюдь не суров с подчиненными. Он смотрел глубоко в душу человека. Не раз удивляла его пронизательно-настороженная «снисходительность» к приходящим со стороны льстецам и хитроумным (мягко выражаясь) кураторам. Всё это объяснялось текущей конъюнктурой и искусной дипломатией, без которой в то время обойтись было нельзя. А на похвалу по отношению к своим сподвижникам и помощникам он был скуповат. Но если такая похвала звучала из его уст – то это была воистину похвала.

Следует подчеркнуть его редкую эрудицию, его остроумие и обаяние – он, ведь, был не просто красивым внешне человеком, но воистину обаятельным. А остроумием он мог просто блистать. Ему некоторые в Отделе пытались подражать – и в остроумии, и в манерах вообще – но тщетно.

Являясь убежденным поборником христианского единства, митрополит Питирим отнюдь не избегал молиться вместе с католиками или протестантами. Он не раз цитировал излюбленное выражение митрополита Антония (Вадковского), что конфессиональные перегородки *до неба не достигают*.

Этот так называемый *экуменизм* для него был, прежде всего, возможностью донести православную истину, которую он знал и любил. И он делал это повсюду, где бы ни был, а он ведь очень много ездил по всему миру. Он вообще обладал какой-то редко встречающейся – особенно в наше время – не только внешней, но и внутренней энергией. Они в нем гармонично сочетались. И это было очень важно в перестроечное и постперестроечное время, когда к Владыке благоволила «первая леди» СССР Раиса Максимовна Горбачева.

В редакционных делах митрополит Питирим серьезно подстраховывался даже в те сравнительно либеральные годы: перемены происходили слишком быстро, идти с ними в ногу в таком убыстренном темпе для человека уже немолодого было непросто. Ощущалась явная и естественная для него инерция осторожности, связанная с опытом минувших выстраданных лет. Но при всех неизбежных уступках по отношению к контролировавшему

нас Совету по делам религий, осуществлявшему цензурные функции, митрополит Питирим оставался на высоте – ему не изменяла врожденная интуиция, когда речь шла о вещах важных и принципиальных.

Помнится, как в конце декабря 1987 года по чрезвычайному поручению митрополита Питирима, за несколько дней до его январской встречи с М. С. Горбачевым, я готовил важный фрагмент о Русской Православной Церкви для предполагаемой вставки в речь генерального секретаря ЦК КПСС. Речь эта должна была прозвучать на глобальном форуме, организованном международным Фондом «За выживание человечества». В руководство Фонда от Советского Союза кроме митрополита Питирима входили академики А. Д. Сахаров, Е. П. Велихов, Р. З. Сагдеев. (Владыка Питирим был одним из учредителей этого Фонда). В то время власть пыталась продемонстрировать свое благоволение к Церкви: приближался великий юбилей 1000-летия Крещения Руси, и, разумеется, надо было сделать какой-то эффектный шаг в сторону Церкви. Казалось, витает в воздухе и напрашивается само собой: «Идя навстречу пожеланиям верующих, Советское правительство предполагает открыть Киево-Печерскую Лавру». За этой элементарной фразой – чаяния миллионов православных... К этому призывал известный правдоискатель епископ Полтавский Феодосий (Дикун) в самиздатском письме, ходившем по рукам; письмо было опубликовано в Париже в «Вестнике русского христианского движения». Эту идею поддерживали академик Б. В. Раушенбах, летчик-космонавт В. И. Севастьянов и др.

Помню всё ясно, как будто это было вчера. Владыка Питирим, надев очки, стал смотреть подготовленный текст и... увидев эту фразу, взял ручку и хотел ее вычеркнуть; тут моя рука как-то непроизвольно коснулась его плеча. Владыка посмотрел на меня с неким сострадательным пониманием и... оставил эти слова.

И вот, в июне 1988 года, когда юбилейные торжества достигли кульминации, Русской Церкви возвратили ее древнюю святыню – Киево-Печерскую Лавру. Верующие вновь получили доступ в Дальние пещеры, где покоятся честные главы святых. Под намоленными сводами обители вновь зазвучали молитвы, в пещерном храме во имя святого Феодосия Печерского возобновились богослужения. Как бы в благодарность за это, свершилось чудо: главы святых стали вновь мироточить... О чем вскоре сняли на Свердловской киностудии документальный фильм «Радость моя». В Лавру тогда неожиданно приехала, чтобы убедиться в достоверности чуда, Р. М. Горбачева, руководившая (вместе с акад. Дмитрием Лихачевым) Советским фондом культуры. Она посадила в Лавре елочку и стала с тех пор носить на груди православный крестик; еще больше сблизилась с митрополитом Питиримом. В марте 1989 года он стал народным депутатом СССР от Фонда культуры. А вскоре, после смерти Патриарха Пимена – одним из шести кандидатов в Патриархи, официально зарегистрированных на первом этапе Поместного Собора в 1990 году. Конечно, объяснялось это, главным образом, именно его добрыми отношениями с Раисой Максимовой.

Принятая в 1977 году и действовавшая тогда «брежневская» Конституция СССР была дискриминационной по отношению к верующим. Согласно ее 52-й статье, глобальной атеистической пропаганде нельзя было противостоять миссионерством и проповедью, разрешалось лишь совершать богослужения, да и то только в храмах. Конституция ограничивала проявление религиозности в таких общественно-значимых формах жизни, как воспитание и образование, наука и искусство, литература и политика. Христианская совесть с таким бесправным положением смириться не могла, отсюда циркуляция писем с протестами церковных диссидентов, которые транслировались религиозными программами зарубежных радиостанций. Митрополит Питирим знал обо всем не понаслышке, а из первоисточников, он был вообще превосходно информирован. Из зарубежных командировок Владыка привозил много «тамиздатской» литературы, преимущественно религиозно-философской и богословской, которая находилась на Погодинской в «спецхране». В качестве спичрайтера Вла-

дыки, я имел время от времени, по мере надобности, доступ к этому спецхрану; должен сказать, что состав хранения отличался тщательным подбором и безупречностью – здесь не было ничего случайного и вторичного.

Часто бывая в командировках в странах Западной Европы, митрополит Питирим ощущал на себе, как представитель гонимой в СССР Церкви, заинтересованное внимание и весьма благожелательное отношение. Этим он умело пользовался, расширяя свои контакты в интересах Издательства. Уместно будет, например, вспомнить о сотрудничестве Отдела с Институтом Восточных Церквей в Регенсбурге, ФРГ. С директором этого Института монсеньором Альбертом Раухом мы подготовили несколько совместных изданий: «Tausend Jahre Heiliges Russland» («Тысяча лет Святой Руси»). Basel. Wien. 1987; «Tausend Jahre zwischen Wolga und Rhein» («Тысяча лет между Волгой и Рейном»), München-Zürich, 1988; «Tausend Jahre Marienverehrung in Russland und Bayern» («Тысяча лет почитания Богородицы в России и Баварии»), München-Zürich, 1988; [Warszawa, изд. «Новум», 1989; М., изд. Московской Патриархии, 1989].

Митрополит Питирим, конечно, имел доступ к известным привилегиям, что в советское время являлось отличительным признаком правящей бюрократической касты, называемой *номенклатурой*. Слово «номенклатура» (от лат. «nomen» – имя) в значении особого *перечня имен* восходит к Древнему Риму: «номенклатором» назывался глашатай, называвший на приемах по особому списку имена входивших высокопоставленных гостей. Под номенклатурой в СССР подразумевался список ключевых постов и наиболее привилегированных управленческих должностей, кандидатуры на которые предварительно рассматривались руководящими партийными органами различных уровней. Парадоксально, но факт: к тому времени, помимо партийной и административно-хозяйственной номенклатуры, сформировалась и номенклатура церковная – в первую очередь, правящие архиереи, получавшие негласную санкцию на должность от Совета по делам религий, инфильтрованного, в свою очередь, сотрудниками КГБ. Отсюда и клички, которые присваивались не только приспешникам-осведомителям, но и поднадзорным-подопечным. Среди них митрополит Питирим, имевший кличку «Аббат», выделялся (для людей, знающих истинное положение вещей), как «белая ворона».

К номенклатуре он относился брезгливо, ее ограниченность раздражала Владыку; более того, он мог позволить себе в узком кругу близких людей довольно резкие на этот счет высказывания. Номенклатурный круг общения, однако, казалось, волей-неволей отодвигает архиерея от общения с рядовыми сотрудниками редакции, порождая между ними известную дистанцию – главный редактор становился чиновником труднодоступным; возникала грань, не всегда преодолимая для подчиненных.

К счастью, Владыка обладал даром общения и умел легко эту демаркационную линию преодолевать. Умная сосредоточенность и живая непосредственность были органической сердцевиной его обаяния. Вспоминать о Владыке, уже перешедшим за грань земного мира, горестно, но и отрадно...

Валентин Никитин, академик РАН,
главный редактор православного радио «Логос»

Человек, бесконечно преданный Церкви

Бог привел мне познакомиться с Владыкой Питиримом, когда он был еще молодым человеком, студентом Московского института инженеров транспорта, а я в то время был студентом Института связи. Но когда я вдруг услышал, что открылся Богословский институт, меня это так потрясло, что я подал туда заявление и летом 1945 года уже начал готовиться к экзаменам. Как-то я сидел в скверике, и у меня на коленях лежала Библия. Вдруг ко мне подходит молодой человек и так грозно спрашивает: «Библия?» Я говорю: «Да, Библия». Мы с ним разговорились, познакомились – звали его Константин Владимирович Нечаев – и, удивительная вещь, оказалось, что он тоже подал заявление в Богословский институт и тоже готовился к экзаменам. Вот так состоялось наше знакомство, и дальше фактически вся наша жизнь прошла вместе. Мы начали учиться в одном институте, потом оба закончили академию, и одновременно он трудился в Патриархии, а я, будучи студентом, поступил работать в Отдел внешних церковных связей.

Он был удивительный человек по своим дарованиям. У него действительно, что ни возьми, все было в превосходной степени. Яркий был человек. И мы знаем, какой невероятный объем работы он выполнял. После его кончины осталось множество начинаний. Исключительный вклад Владыка внес в издательскую деятельность (а я был по своей работе связан с Издательским отделом). Владыка трудился и день и ночь. Он сумел в очень нелегкое время качественно поднять издательство и привлечь лучшие силы Церкви к участию в его работе. Когда критикуют «Журнал Московской Патриархии» послевоенного периода, я внутренне протестую. Потому что его не критиковать надо, а понимать, на какой высокий уровень сумел Владыка поднять этот журнал.

На протяжении всей своей деятельности Владыка очень много работал с Отделом внешних церковных связей. И не осталось ни одной стороны деятельности отдела, в которой бы Владыка не принимал участия. Это и конференции, и его зарубежные поездки. Кстати, в наших приходах за рубежом к нему было особое, сердечное отношение. Владыку любили и в неправославных христианских кругах, и в мусульманских... Мы утратили человека, который был бесконечно предан Церкви, и эта преданность давала огромные результаты, которые останутся не только в нашей памяти, но и в истории Церкви.

Алексей Бувеский, консультант ОВЦС

Фотослужба, слайд-фильм и художественные издания в Издательском отделе Московского Патриархата

Владыка Питирим очень любил фотографию, и в Издательском отделе он создал прекрасный фотоотдел, по тем временам хорошо оснащенный; были фотоаппараты для проведения различных видов фотосъемки, аппараты исторические и последние современные модели, в фотолаборатории налажена цветная печать, которая тогда у нас в стране только начала развиваться. Организована богатейшая фототека, слайды покупали у талантливых фотографов, которые проводили съемку в Государственном музее-заповеднике «Московский Кремль», в лучших галереях и музеях страны. Раздел иконографии включал в себя уникальные материалы редчайших икон, которые широко использовались для печати цветных вкладок к Минеям и различным изданиям Библии. Существовал огромный архив уникальных черно-белых фотографий.

Владыка воспитал прекрасных фотографов, все наши корреспонденты и журналисты хорошо владели фототехникой, они проходили различные специальные курсы обучения в области фотографии. Талантливыми учениками митрополита были Виктор Петрович Казанцев и Иван Брониславович Сирота, впоследствии принявшие священный сан.

Владыка всегда приветствовал инициативу и создавал хорошие условия для работы – и вот результатом титанического труда заместителя главного редактора по научной работе архимандрита Иннокентия (Просвирнина) и его помощников стало издание иллюстрированной Русской Библии.

Архимандрит Иннокентий, верный и преданный помощник митрополита Питирима, его ученик и воспитанник, работал над этим проектом около 20 лет. В основу издания положена первая русская Библия 1499 года (общеславянская). Комиссия по подготовке и проведению празднования 1000-летия Крещения Руси одобрила издание Геннадиевской Библии в 1986 году. С того времени, после успешных переговоров на уровне министерств и ведомств, началась фотосъемка Библии 1499 года в Отделе рукописей Государственного исторического музея и всех доступных иллюстрированных Библейских книг в основных книгохранилищах страны. Фотосъемка проводилась собственными силами Издательского отдела.

При жизни архимандрита Иннокентия из печати вышли два тома – 7-й и 8-й. Оба тома включают около 500 миниатюр. В седьмом томе представлено 50 рукописных Библейских кодексов с XI по XIX века. Особую ценность представляет Четвероевангелие из Библейского свода 1502–1507 годов (так называемый «Десятоглав Матфея Десятого»), принадлежавшее ранее Супрасльскому монастырю (хранится в БАН). В восьмом томе особое значение имеют миниатюры Апокалипсиса XVI века из собрания Егорова (РГБ). Лицевой Апокалипсис впервые представлен в полном объеме, раскрывая Откровение о последних судьбах мира так, как это видели наши духоносные отцы. Митрополит Питирим называл это издание «антологией русской книжности».

С 1991 года по новому закону о печати Издательский отдел Московского Патриархата мог заниматься издательской деятельностью только при наличии лицензии, однако на тот момент у Издательского отдела были определенные затруднения с быстрым ее получением. Издание «Русская Библия» находилось в типографии, и производственный процесс нельзя было прекращать. 27 апреля 1991 года было официально объявлено об открытии музея Библии в Иосифо-Волоцком монастыре с представительством в Москве. Учредитель музея Библии митрополит Питирим назначил его директором архимандрита Иннокентия. Быстрое оформление музея как юридического лица с получением лицензии на издательскую деятельность дало архимандриту Иннокентию возможность продолжать реализацию Библейского

проекта – действовать по получению валютного кредита на издание, затем, по предоставлении кредита, по получению бумаги и переплетных материалов и т. д.

Музей Библии, созданный митрополитом Питиримом, был уникален. В мире имеется только три музея, посвященных Библии (не считая Израиля): в Амстердаме (частный музей лютеранского пастора), в Будапеште, открытый реформатским епископом, и в Иосифо-Волоцком монастыре. Последний представлял собой личную коллекцию митрополита Питирима, которую он собирал всю жизнь. Это были Библии разного времени и на разных языках. Там находилось старообрядческое переиздание 1913 года Острожской Библии, переиздание Нового Завета XIX века, изданного Тишендорфом, богато иллюстрированная Библия XIX века на французском языке, Апостолы на немецком языке, Библия на греческом языке, изданная монастырем Параклит на Афоне, миниатюрная Библия, которую можно было прочитать только под микроскопом. Музей занимал несколько комнат. Издания помещались в восьми шкафах и красивых витринах.

Любимым изданием Владыки стал альбом «Волоколамская земля», посвященный 400-летию прославления преподобного Иосифа Волоцкого. Старший научный сотрудник Государственного музея-заповедника «Московский Кремль» Людмила Александровна Щенникова сказала об этой книге: «Что ни разворот, то поэма» – такой была художественная съемка Виктора Петровича Казанцева!

В 1983 году Издательский отдел организовал научную экспедицию на Святую Гору Афон. Она проходила с 12 сентября по 21 октября.

Экспедиция, в которую вошли крупнейшие ученые-археографы современности – Николай Борисович Тихомиров и Анатолий Аркадьевич Турилов, талантливый фотограф Издательского отдела Виктор Петрович Казанцев, сотрудник Института славяноведения и знаток греческого языка Андрей Валентинович Лебедев, была беспрецедентной в новейшей истории.

В очень сжатые сроки были отсняты рукописи из библиотеки Русского Пантелеимонова монастыря, отсняты материалы для книги-альбома о нем и составлен план книги. Был составлен Акт о передаче материалов Афонской экспедиции в Библиотеку Академии наук, представлены также хозяйственные материалы научной экспедиции – описи, счета, из которых видно, как обстоятельно и продуманно готовилась экспедиция, с какой любовью и вниманием формировались подарки и посылки для монастырской братии, как аккуратно и тщательно велся учет израсходованных средств.

После трагедии, происшедшей с архимандритом Иннокентием, по словам Владыки Питирима, он предлагал отцу Иннокентию длительный отпуск и средства на лечение и уговаривал его не покидать Издательский отдел, но состояние отца Иннокентия было тяжелое, и он ушел на покой в Новоспасский монастырь.

Владыка дружил со многими выдающимися фотомастерами с мировым именем – и результатом такой дружбы стал альбом знаменитого фотографа Фреда Майера «Русская Православная Церковь». Сам Владыка хорошо фотографировал, но говорил, что эту способность ему развивать некогда, хотя Союз журналистов принял решение присудить Владыке премию для фотографов-любителей (вручить ее не успели). Он очень любил фототехнику, особенно фотоаппарат «Лейка». Его коллекция составила музей фотоаппарата «Лейка» при Издательском отделе Московского Патриархата. В музее были представлены все виды этого аппарата от первой модели до последней, объективы к различным типам «Лейки», моторы, видоискатели, отдельные приспособления к аппарату. В музее экспонировалась и другая продукция фирмы «Лейтц». В свое время этот музей посетил директор этой фирмы и остался им очень доволен, обогатив экспозицию своими подарками.

В начале декабря 1989 года в Манеже проходил I Всесоюзный фотофестиваль, посвященный 150-летию фотографии, организованный Союзом журналистов СССР, Министер-

ством культуры СССР и другими организациями. Принять участие в этом фестивале пригласили и Издательский отдел, который был представлен работами его лучших фотографов В. П. Казанцева и И. Б. Сироты. С успехом демонстрировались слайд-фильмы. С большим интересом посетители слушали речь митрополита Питирима о значении фотографии. Это было одним из первых выступлений Владыки перед светской публикой России. Издательский отдел был награжден дипломом Союза журналистов. Дипломами были также награждены фотографы Казанцев и Сирота.

Выставочное подразделение Издательского отдела устраивало замечательные выставки в России и за рубежом. В самом Издательском отделе существовала постоянно действующая фотовыставка с меняющейся экспозицией. Организовывали персональные выставки отдельных фотографов, проходили фотоконкурсы. Особенно была интересна фотовыставка, посвященная 45-летию победы в Великой Отечественной войне. На ней были экспонированы фотографии военных лет, полученные в ТАССе. На одной из них было изображено, как митрополит Крутицкий и Коломенский Николай (Ярушевич) передает войскам танковую колонну имени Дмитрия Донского, построенную на деньги, собранные Русской Православной Церковью. Владыка Питирим разыскал оставшихся в живых ветеранов, воевавших на этих танках. Он пригласил их в Издательский отдел, устроил им прием, водил по выставке. Трогательно было видеть бывших воинов, стоявших перед памятной фотографией. Впоследствии они не раз бывали на Погодинской.

В связи с юбилеем в Издательском отделе прошла конференция «Роль Русской Православной Церкви в Великой Отечественной войне». Собралось много священнослужителей – участников войны. Особенно запомнился один диакон – полный кавалер ордена Славы. У некоторых вся грудь была в орденах и медалях. Их очень интересные, яркие, пламенные патристические речи записывали на магнитофон, была проведена полная фотосъемка – готовили к изданию книгу.

В Издательском отделе проходили и научные выставки. В 1989 году Русская Православная Церковь отмечала 400-летие установления Патриаршества в Русской Церкви. На Поместном Соборе были канонизированы Святейшие Патриархи Иов и Тихон. В праздновании этого знаменательного события Издательский отдел принял активное участие. В конференц-зале была организована выставка документов из собрания Центрального Государственного архива древних актов, на которой представлялись редчайшие материалы, была также снята Грамота о поставлении Патриарха Иова.

Необходимо сказать о знаменательном символическом событии, которое состоялось в дни юбилейных торжеств, посвященных 1000-летию Крещения Руси. Удалось получить из Государственного исторического музея на временное хранение икону Божией Матери «Державная». Икона находилась в Издательском отделе в алтаре домового храма во имя преподобного Иосифа Волоцкого в течение двух лет. В 1990 году она была передана в храм в честь Казанской иконы Божией Матери в Коломенском.

Новым начинанием Владыки стало создание Отдела слайд-фильмов. Слайд-фильмы в стране тогда только появились. Наши слайд-фильмы были синхронизированы с хорошей текстовой и музыкальной фонограммой при художественных кадрах с наплывом. Динамичный показ 160 слайдов за 40 минут давал большой объем информации.

Некоторые слайд-фильмы составлялись почти целиком из фотосъемки Владыки, таков фильм «Ванкувер», посвященный международной конференции в этом канадском городе; особенно он интересен галереей портретов разных лиц. Портретная съемка Владыке всегда удавалась. Другой такой фильм – «Кирхентаг», Дни Церкви в Германии, в них принимает участие очень много молодежи. Владыка не раз обращался к ним с приветствием, возлагал венки к могилам наших воинов. Надо сказать, что кладбища эти хорошо ухожены: кругом растет низкий подстриженный кустарник, на могилах – цветы, в центре кладбища – памят-

ники, выполненные не лишь бы как, а художественно. А первый слайд-фильм назывался «Русская Православная Церковь» – он посвящен внутреннему устройению Церкви и различным сторонам ее служения. К 1000-летию Крещения Руси Церкви был возвращен древнейший, самый первый в Москве Данилов монастырь, основанный святым благоверным князем Даниилом Московским в 1282 году. Этому событию был посвящен слайд-фильм «Данилов монастырь», повествующий об его истории, разрухе и возрождении.

Перед празднованием 1000-летия Крещения Руси Владыка организовал две фото-кино-экспедиции по пути апостола Андрея Первозванного, проповедавшего христианство на территории нашей Родины. Экспедиции привезли уникальнейший материал – фотосъемку пещерных храмов Крыма, в которых сохранились фрески XII века. Сохранился пещерный храм, в котором служил священномученик Климент, папа Римский (†101). В этом храме находится древний престол. Участники экспедиции прошли по местам, где служили равноапостольные Кирилл и Мефодий, учителя Словенские, посетили Успенский пещерный монастырь в Крыму, прошли Инкерман, Севастополь, Херсонес и многие другие труднодоступные места. В результате были сделаны слайд-фильмы «По стопам апостола Андрея» и одноименный кинофильм. Когда Владыка смотрел слайд-фильм, он сказал: «Я недавно был в Италии и восхищался ее красотами, но такой красоты, как у нас, там нет!». Промыслом Божиим апостол Андрей откликнулся на возобновление его особого почитания на Руси, и в 2003 году в Россию были привезены его мощи со Святой Горы Афон, которые пронесли по всем епархиям Русской Православной Церкви.

К 1000-летию Крещения Руси по заказу Владыки студия «Диафильм» выпустила три диафильма: «Русская Православная Церковь», «Русский православный храм», «Русская православная икона», редакционно подготовленные в Отделе слайд-фильмов Издательского отдела.

Древнему городу Волоколамску был посвящен слайд-фильм «Волоколамску 850 лет». Когда остро встал вопрос о передаче Церкви Иосифо-Волоцкого монастыря, был сделан слайд-фильм «Иосифо-Волоцкий монастырь – памятник пяти столетий». При этом был собран уникальный материал. В Центральном музее древнерусской культуры и искусства имени преподобного Андрея Рублева и в Русском музее проводили фотосъемку древних икон из иконостаса монастыря, вышитых пелен и покровцов; в библиотеке Академии наук в Петербурге и в Российской Государственной библиотеке фотографировали миниатюры и древние книги из монастырской библиотеки. Историко-художественный слайд-фильм рассказывал о духовных сокровищах монастыря. Его показывали членам различных комиссий, светскому и церковному руководству. Этот слайд-фильм внес свою лепту в открытие монастыря.

К 60-летию Владыки Питирима, в год, когда он был возведен в сан митрополита, был подготовлен слайд-фильм «Погодинская, 20», посвященный издательской, научной и общественной деятельности Владыки, который заканчивался его же словами: «Рабочий день Владыки длится 24 часа».

Это малая часть видимых трудов митрополита Питирима. Душу свою он скрывал, неся, как преподобный Иосиф Волоцкий, тяжелый подвиг духовного просвещения и миссионерского служения. Господь призвал Владыку от земной жизни в праздник Казанской иконы Божией Матери, а сороковой день по его кончине совпал с днем памяти апостола Андрея Первозванного.

Екатерина Яковлева, заведующая отделом цветной полиграфии Издательского Совета Московского Патриархата
(до 2001 года)

Духовный строй Владыки

Владыка был мне интересен не как государственный муж, о деятельности которого я мало что знала, но как духовное лицо, святое вместилище духовного опыта предыдущих поколений. Извечное «брать пример с кого», чтобы стать человеком во всей троической полноте духа, души и тела. Владыка был для многих той высотой, которую оценить мог только равный ему, мы же смотрели на него снизу вверх. Я благодарна судьбе за то, что хотя бы отчасти смогла прочувствовать величие души, живущей в Боге, благоговейно перед красотой его духа. Патетика, которой всегда избегал Владыка, все же заставляет вспомнить апостольские слова о славе звезд разной величины. Для сотрудников Издательского отдела Владыка Питирим был звездой первой величины, излучающей свет на ближних и дальних. Думаю, все-таки не удалось избежать доли эмоциональной оценки. Стараюсь честно передать свое первое впечатление от личности Владыки.

Владыка прекрасно владел русской речью, говорил спокойно, без пауз, умел найти точное слово. Кроме духовного обогащения, слушающие проповеди Владыки испытывали еще и эстетическое наслаждение правильной литературной речью умудренного опытом подвижника благочестия. Музыкальный строй фразы, баритональное звучание голоса оказывали, в хорошем смысле, такое же чарующее воздействие на душу, как и благоговейное предстояние Владыки у Престола Божия. Именно в храме душа наиболее полно ощущает свою принадлежность миру святых. Благородные седины Владыки будили духовные струны души.

Помню, как весь Богоявленский храм плакал вместе с Владыкой во время коленопреклонных Троицких молитв. В храме яблоку негде было упасть, под ногами ковер из свежескошенной луговой травы, на солее – тонкие белоствольные березки, икона Святой Троицы, украшенная венком из цветов. О чем плакал Владыка? Прошли торжества по случаю тысячелетия Крещения Руси, год 1989-й. Обычно сдержанный, он плакал, не стесняясь своих слез. Боги гnevаются, смеются, человек плачет. Что прозрел в то время Владыка?

Владыка был не просто архиереем-администратором, он был отцом для соразработников Издательства. Праздничные трапезы напоминали древние пиры с новозаветным благочинием. Концерты устраивали в конференц-зале силами самих сотрудников, на них выступали дети священников, которые, как правило, получали классическое музыкальное образование. Всегда радовал гостей хор храма Воскресения словущего под управлением регента Ариадны Рыбаковой.

Солью программы была песня о покаявшемся разбойнике Кудеяре – святом иноке Питириме. Владыка, пряча улыбку, многозначительно пошевеливал усами. В зале царила совершенно домашняя атмосфера, была одна большая дружная семья.

Уверена, что Владыка наблюдал за моим духовным становлением. Он чувствовал искренность покаяния, видел нелицемерную любовь к святым, доброе желание шествовать узким и тесным путем самоотречения вдали от житейских утех. С приходом на работу в Издательство мне открылся огромный мир духовной жизни, отраженный в житийной литературе и в сочинениях святых. Совсем по-детски душа воспротивилась тому, что духовные обязательно должны быть гонимы от своих братьев: я начала проливать слезы. Если мать слышит плач ребенка, тем более Бог должен был услышать слезную молитву. За что должны страдать лучшие из лучших? Господи, защити, сохрани их от всякого зла!

Вместе мы были не только в праздники, но и в дни утрат. Во второй половине 1980-х годов Владыка похоронил трех сестер – Александру, Надежду, Марию. И это накануне торжеств 1988-го года! В прощальных словах Владыка с присущим ему самообладанием рассказывал краткую историю жизни своих сестер, подчеркивая достоинства каждой. Даже в горе он оставался величественно-сдержанным, хотя утрата близких не могла не отозваться

на его здоровье. Мне кажется, в те дни все рыдали не столько об уходе из жизни дорогих ему людей, сколько просили Божию Матерь укрепить силы Владыки.

После похорон Надежды Владимировны мне пришлось добираться до Издательства своим ходом, в «рафике» поместились только близкие родственники, автобус уехал еще раньше. С опозданием пришла я в Малый каминный зал, где, как и в Большом зале, был накрыт поминальный стол. Через какое-то время к нам из Большого зала вышел Владыка и забрал меня с собой. Для меня было неожиданностью, что он усадил меня рядом с собой по правую руку, исподволь наблюдая за моей реакцией, попросил принести мне прибор. На нас смотрели сотни внимательных глаз. Почему Владыка так поступил, трудно сказать. Может, из чувства благодарности – причиной было мое искреннее сочувствие, желание облегчить молитвой его горе. Не зря говорят: «Разделенное горе слабеет».

В храм к Владыке меня привела Долотова Надежда (ныне покойная), известная в московских церковных кругах своей любовью к переписыванию духовных книг, которые в то время были большой редкостью. Именно от нее я узнала об отцах-пустынниках первых веков Антонии Великом и Макарии Египетском. Мыслила раба Божия Надежда исключительно по «Добротолубию».

Владыка имел наблюдательный трезвый ум, с мягким юмором замечал смешные особенности окружающих его людей. Особенностью моей наставницы было предубеждение против чистки зубов с утра перед причастием, а причащалась она в разных храмах каждый день. Строго следуя предписаниям молчальников пустыни, она не разговаривала после причастия, но непременно приглашала меня домой, давая указания жестами. Я про себя посмеивалась над ее необычным безмолвием: если уж она не хотела рассеиваться, не нужно было меня приглашать в гости.

Вспомнила Надежду Григорьевну не случайно. Познакомились мы с ней в храме святого Иоанна Воина, где часто служил Владыка Питирим. Он и был настоящим воином Христовым, ему подражали любящие его прихожане.

Надежде Долотовой мы с мамой обязаны поездкой в Пюхтицы, после которой и состоялось знакомство с Владыкой.

Произошло оно следующим образом. Накануне дней памяти митрополитов Платона и Филарета (конец ноября – начало декабря по новому стилю) Владыка после акафиста у иконы Божией Матери «Взыскание погибших» рассказывал о просветительской деятельности архипастырей. В числе прочих заслуг митрополита Филарета он упомянул об организации женских богословских курсов для дочерей священников. Заинтересовавшись рассказом, подошла к Владыке узнать, где в наше время женщина может получить богословское образование.

Владыка очень внимательно посмотрел мне прямо в глаза и назначил время для беседы, которая состоялась в этот же день в архиерейском доме. Узнав, что я корректор по образованию, он неожиданно пригласил меня работать к себе в Издательство. Но у меня были совсем другие планы, я хотела петь и, по благословению духовника, поступила в музыкальную школу для взрослых на вокальное отделение. На что Владыка ответил: одно другому не помешает, в Издательстве есть домовый храм, в котором поют сотрудники редакции, и, если у меня есть способности, он лично даст мне направление в регентский класс. Усвоив, что в Церкви ничего не делается без благословения духовного отца, я отказалась что-либо менять в своей жизни, потому что протоиерей Г. благословил меня заниматься вокалом.

Владыка неожиданно рассердился: «Вы что, кокетничать сюда с Богом пришли!» Не понимая, чем вызвала гнев Владыки, я, как маленькая, позорно заревела. Владыка умилился, видя у меня полное отсутствие канонических норм поведения; конечно же, он понял, что и в мыслях я не собиралась пренебречь благословением архиерея. «Хорошо, если

Вас духовник благословит, приходите к нам в редакцию на Погодинскую, нам сейчас нужны корректоры». Так я оказалась отделенной от государства, в обществе «не от мира сего»...

Духовный строй Владыки Питирима я бы сравнила со звучанием знаменного древнерусского распева, настолько собранным и сосредоточенным предстоял он перед Престолом Божиим. Духовный труд архиерея подобен управлению мудрым кормчим большим кораблем – так принято называть Церковь. Житейское море своенравно, только сильный духом мог совершать в то время плавание под Андреевским флагом.

Однажды сотрудники Издательского отдела собрались в Большом каминном зале, чтобы поздравить Владыку с сорокалетием «Журнала Московской Патриархии». Заведующая редакцией А. Г. Чулюкина в торжественной обстановке вручила Владыке букет из красных роз, шипы были срезаны чьей-то заботливой рукой: «В этот праздничный, знаменательный для всех нас день мы дарим Вам эти прекрасные розы без шипов, Вы их не заслужили, пусть шипы достанутся другим» (цитирую по памяти)...

Людмила Вьюнова,

сотрудник Издательского отдела в 1987–1996 годах

Питиримовские Миней

Владыка был великолепен: красив, умен, изящно мудр.

Каждую среду в нашем домовом храме в честь преподобного Иосифа Волоцкого служилась Литургия, регентовали и пели здесь сотрудники редакции – простой «домашний» хор, который мог спеть и по нотам, но главное было – пение по слуху, в соответствии с московской традицией. Навещая по праздникам храмы своей епархии, Владыка предпочитал брать именно этот хор: певцы (точнее, певицы, поскольку «басики» были редкостью и должны были сочетать свои певческие устремления с иподиаконскими обязанностями), – певцы эти не боялись потерять голоса и готовы были несколько часов трястись в рафике и спать по-походному, получая удовольствие от пения на службе.

Однажды, под Николу зимнего, мы отправились в Волоколамск. На Волоколамском шоссе, возле «ежей», владыкина машина затормозила; остановился и наш певческий рафик. Выходим и, вслед за Владыкой, поднимаемся к памятнику. Холодно, кругом бело, все засыпано снегом, вровень с бетонным помостом. Не помню, была ли отслужена лития. Помню другое: Владыка, в развевающейся рясе, идет с посохом по краю помоста, вдруг нагибается – и посох уходит в снег по самую рукоять. Восклонившись, с посохом, он произносит только одну фразу: «А в сорок первом здесь воевали...»

Выездное богослужение всегда заканчивалось праздничным обедом, приготовленным хлебосольными хозяевами с любовью и подобающим случаю изысканным изобилием. Владыка главенствовал за трапезой: не было равных ему в остроумии, в умении вести застольные беседы. Это были чаще всего воспоминания, соединенные с поучением и тонким юмором – представление о них можно получить из книги «Русь уходящая». Мне вспоминается такой эпизод: обед заканчивается, все встают, пропеты благодарственные молитвы, и тут Владыка говорит, оглядывая все еще не пустой стол: «В хороших московских домах еще и с собой давали!..» – все смеются, а уходящие гости запихивают в карманы вкуснейшие пирожки.

Эти воспоминания согревают душу. Но главное – здесь, в Издательском отделе Владыки Питирима, я состоялась как профессионал.

В Отдел я пришла зимой 1985–1986 года. Воцерковлялась я, учась на филфаке МГУ. В издательство меня направил отец Владимир Ригин, молодой тогда священник, из иподиаконов Владыки. Мне было сказано: «Там нужна девочка в фототеку, ты иди, там разберутся. Ты ж филолог».

И я пошла.

О том, как проходило собеседование, рассказывать не буду: это прелюбопытный материал, но не имеющий прямого отношения к Владыке. Хотя, конечно, любая деталь в постановке дела говорит о руководителе Отдела.

Сотрудников издательства поразило вот что: меня взяли в штат сразу по написании прошения и заполнении анкеты. Обычно к человеку долго присматривались, оформляли внештатно – и вдруг берут сразу в штат. Я никак не относилась это на счет своих талантов и вообще долго поражалась, как это я, девушка, оказалась в роли справщика богослужебных книг! Что-то несопоставимое: XVII век, справщики Печатного двора – и я.

Лишь много лет спустя, прочитав воспоминания Владыки Питирима о его родственниках, об учебе в Московском институте инженеров транспорта, а также его лекции для студентов МИИТа, я вдруг подумала: в анкете, которую Владыка рассматривал вместе с прошением, значилось, что родители мои – инженеры-конструкторы, так что я не какой-нибудь «потомственный филолог»...

Я попала в Минейную группу. Здесь шла работа над Минеями, и за полгода до моего прихода скончалась А. З. Трубачева, выполнявшая работу редактора-справщика богослужебных текстов. Группе нужен был человек, знающий церковнославянский язык. Таким человеком оказалась я. Работа моя заключалась в том, чтобы «стилизовать» вновь включаемые в Минею тексты под язык богослужения конца XIX – начала XX века, то есть времени, когда в последний раз до революции был издан круг Миней.

Тот, кто готовил тексты к публикации, знает, что в них неизбежно встречаются так называемые темные места, то есть части текста, которые можно как-то понять лишь в том случае, если нечто в тексте изменить. Так мы и работали: я предлагала варианты – можно поменять окончания там-то и там-то и поставить запятую, получится такой-то смысл, а можно там-то и там-то и без запятой, получится такой-то смысл. Какой смысл предпочтительнее? Этот вопрос адресовался моему непосредственному начальнику, игумену Андронику (Трубачеву); он и решал этот вопрос.

Ежедневный филологический анализ текста очень много дал мне как профессионалу: я наглядно увидела, что существующие пособия по языку богослужения отражают лишь часть реальности, что море текстов просто не прочитано и не исследовано, что построить достоверную историю богослужебного языка Русской Православной Церкви, не говоря уж о истории русского литературного языка, пока не удалось никому – слишком обширен неисследованный океан.

Издание Миней – непрерывный процесс. Каждый выпуск годичного богослужебного круга, традиционно разделявшегося на 12 томов, по числу месяцев в году, отражал свое время, каждый век привносил в состав Миней свое видение: то вселенские святые стояли на первом плане, то выступали вперед святые русские; события государственные – и нестроения, и победы – находили отражение в богослужебных текстах. Так было в допечатную эпоху, о чем свидетельствуют комплекты рукописных церковнославянских Миней, сохранившиеся с XI века; так было в XVI веке, когда началось книгопечатание на Руси; то же самое происходит на наших глазах. И «зеленые» (по цвету переплета) Миней – Питиримовские Миней 1978–1989 годов – это издание, составившее целую эпоху в нашем церковном книгопечатании.

Когда в 70-е годы встал вопрос об издании для нужд Церкви служебных Миней, возникла идея выпустить круг минейных текстов с дополнениями: следуя заповеди *чти отца твоего и мать твою* (Исх. 20, 12), Церковь должна почитать всех своих святых, и хорошо бы издать богослужебные книги с памятями и службами всем русским святым.

Дело в том, что до революции многие святые считались местночтимыми: Святейший Синод, куда обращались с просьбой о канонизации, очень редко кого канонизировал для всероссийского почитания, с включением службы святому в общецерковные Миней. Некоторые службы увидели свет в местных дореволюционных изданиях, но многие оставались лишь в рукописях, по которым служили только там, где хранилась память о подвигах святого. Однако в советское время появилась опасность исчезновения не только этих письменных памятников, но даже памяти святых.

Надо было спасать исчезающую традицию, и сделать это можно было путем письменной фиксации, включением памятней в календарь и в Минею. Традицию искореняли, выкорчевывали, но... что написано пером – не вырубить топором. Именно поэтому Владыкой Питиримом была поставлена грандиозная научная задача: из архивов и библиотек, светских, церковных и частных собраний, извлечь службы, жития, похвальные слова в честь святых и памятных для Русской Православной Церкви событий – и все это опубликовать.

Работа мыслилась как подготовка к приближающемуся 1000-летию Крещения Руси. Проект был представлен в Совет по делам религий при Совете Министров СССР и... его «зарубили». Было сказано примерно следующее: «Какие такие особые Миней русским свя-

тым? Печатайте только самое необходимое, без чего невозможно отправление религиозных потребностей». И тогда Издательский отдел пошел по другому пути: решили, не привлекая внимания Совета, просто вставлять новый материал в старые Минеи.

Первый том, Минея сентябрь, вышел в 1978 году, вышел неожиданно. На тщательную подготовку не хватило времени, так что даже по стилю верстки он отличается от других томов, в нем множество недочетов, но он вышел, и с этого тома началось издание «зеленых» Миней.

Причина такой поспешности была в том, что надо было использовать отпущенную государством бумагу. Сегодняшним тридцатилетним уже надо объяснять: все, что печатал в те времена Издательский Отдел, печаталось на государственной бумаге в государственных типографиях, потому что другой бумаги и типографий в СССР просто не было. Издательские планы и книги, подготовленные Отделом к сдаче в набор, посылались в Совет по делам религий. Нелишне напомнить, что набор происходил не как сейчас, на редакционном компьютере, а в типографии, совершенно обособленной от редакции.

Том за томом, в течение 12-ти лет, постепенно выходили в свет, и многие даже не подозревали, что Минеи, изданные в конце XX века, сильно отличались от тех, что были выпущены в его начале. Этот минейный свод до сих пор ценен прежде всего тем, что наиболее полно представляет в печатном виде православное гимнографическое наследие: он содержит богослужебных текстов в два с половиной раза больше, чем было в дореволюционных изданиях. В нем не 12 томов, а 24, причем некоторые месяцы уместились в одном томе, тогда как другие потребовали двух и даже трех томов.

Сотрудники Издательского отдела, штатные и внештатные, разыскивали по архивам и переписывали службы и отдельные тропари, кондаки, молитвы святым, не входившие в круг богослужебных Миней начала XX века. Многие из московской и тогда ленинградской интеллигенции трудились бесплатно и анонимно, не афишируя своего сотрудничества с Издательским Отделом.

Впрочем, владыка Питирим не жалел средств на научные командировки. Штатные сотрудники были разделены на четыре группы. Одна работала в Москве, по разным направлениям: в Государственном Историческом Музее, в Румянцевской библиотеке (тогда ГБЛ, ныне РГБ), в ЦГАДА (ныне РГАДА) и других хранилищах. Вторая группа работала в Санкт-Петербурге (тогда Ленинграде), в библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, в архиве Санкт-Петербургской Духовной Академии. Третья группа – в Киеве, в архиве Киевской Духовной Академии. Четвертая группа была направлена в Казань, в архив Казанской Духовной Академии. Ездили и по другим городам: были обследованы библиотека Тартусского Университета (архив Псково-Печерского монастыря), архивы многих бывших уездных городов, в том числе северных, а также архивы Сибири – в Новосибирске, Томске, Иркутске, Барнауле.

В годичный круг богослужебных Миней Русской Православной Церкви вошли службы из дореволюционной Минеи дополнительной и сборника служб Киево-Печерским святым, из изданий, выпускавшихся в XX веке православными в Америке, службы болгарским и сербским святым, которые не нужно было переводить. Ряд текстов был привезен с Афона, где славянская богослужебная традиция тогда, казалось, почти умирала. Переводили на церковнославянский с греческого языка – службы, не входившие в Минеи до 1917 года; таким же путем вошли в Минеи службы грузинским святым.

Много материалов было найдено в личных архивах. Так, из подмосковных Петушков привезли двенадцать чемоданов архива святителя Афанасия (Сахарова), епископа Ковровского. В его архиве было обнаружено множество служб, канонов, тропарей и кондаков русским святым, которые святитель предполагал включить в богослужебный обиход. Здесь были тексты в виде отдельных изданий (местных синодального периода и старообрядческих), а также машинописные копии и рукописи, содержащие службы, каноны, тропари,

кондаки и другие тексты, посвященные русским святым. Были и другие частные архивы: например, в архиве отца Павла Флоренского нашлось редкое издание службы в честь Софии, Премудрости Божией.

Некоторые сотрудники сами составили тогда службы святым, которых почитали: в июльской Минее, к примеру, можно найти одну из таких служб, причем по грамматическим особенностям текста можно догадаться, что составитель – женщина. Были архиереи, которые стремились прославить святых вверенных им епархий: например, по некоторым соборным службам можно судить о служебных перемещениях владыки Максима (Крохи). Иногда над составлением службы работали несколько человек – так, по благословению владыки Филарета (Вахромеева), была составлена служба Собору белорусских святых. Порой текст складывался из разрозненных листочков, по которым служили в каком-нибудь храме, как служили в те годы в московском Донском монастыре, у Донской иконы Божией Матери. Использовали и научные издания XIX века – по ним были подготовлены, например, две службы Василию блаженному, Московскому Христа ради юродивому.

Основная цель была – включить как можно больше памятней и богослужебных текстов; если память повторялась, делали ссылку, где в Минее помещен текст, посвященный тому или иному святому. Сразу возникла масса уставных проблем: как использовать памяти и тексты, куда их включать, какую память ставить вперед – мучеников ли древнехристианских, византийских святых или русских, кого в какой последовательности, куда помещать памяти празднований в честь икон Божией Матери.

Архимандриту Матфею (Мормылю), игумену Андронику (Трубачеву), игумену Иоанну (Самойлову) – нынешним членам Синодальной богослужебной комиссии, да и другим знатокам богослужения, которые рядом с ними работали над Минеей, было ясно, что сразу решить все уставные вопросы невозможно. Главное – сохранить память.

Новшеством для Миней было включение в них молитв святым, читаемых на молебнах. Молитвы брали в основном из сборника «Молитвы, чтимые на молебнах» и из указанных выше источников.

Руководством издательства был найден еще один интересный ход: в богослужебные Миней включили тексты «четьи», а именно жития тех святых, которым находился хотя бы тропарь, кондак или молитва. Это должно было частично утолить голод на житийную литературу, которую в то время почти невозможно было достать: старые издания мало у кого сохранились, государственные издательства этой темой не занимались, а Издательский отдел – единственное тогда церковное издательство – был ограничен извне в своих планах.

Предполагалось, что священнослужители будут пользоваться этими житийными справками при подготовке проповедей или даже будут читать их пастве вслух, подобно древним синаксарям. Церковь в те годы была заперта в стенах храма, и пастырские усилия в основном сосредотачивались на богослужении. Именно поэтому такое внимание было обращено к одной из основных на богослужении книг – Минее.

Над житийными справками много потрудились Н. А. Моисеев (архимандрит Феофилакт), историк-архивист по светскому образованию (ныне епископ Брянский и Севский), Н. Н. Лисовой (ныне вице-президент Императорского Православного Палестинского общества, доктор исторических и кандидат философских наук), В. А. Никитин и множество других авторов.

Кроме текстов, сотрудники Издательского отдела, работая на местах, собирали материал иконографический, причем стремились найти местное изображение святого. Иногда найденное изображение было примитивным, но встречались иконы очень хорошего письма. Решено было снабдить новые Миней прорисями икон Божией Матери и святых, приходящихся на каждый день (большую часть иконописных прорисей, сопровождавших житийные

справки, выполнил отец Вячеслав Савиных), а также вкладками с цветными репродукциями икон и фресок.

В процессе работы эти вклады совершенствовались. Поначалу изображения располагали в календарном порядке, по числам месяца, но потом, по просьбе священнослужителей, которые использовали эти репродукции как аналойные праздничные иконы, стали размещать образы так, чтобы святые дня помещались не на двух сторонах одного листа, а на разных листах. Таким образом, имея всего один комплект репродукций, можно было положить на аналой сразу несколько праздничных икон, – ведь о современном иконном изобилии тогда можно было только мечтать.

Владыка, обладая хорошим вкусом, был весьма внимателен к художественной составляющей книги. Любопытна общая концепция художественного оформления «зеленых» Миней: заставки, концовки, буквицы, традиционно украшающие богослужебные книги, в этом издании различаются от тома к тому, поскольку выполнены в разных стилях, известных палеографам: тератологическом, неовизантийском, старопечатном. Это должно было в какой-то мере дать представление о книжных традициях нашей Церкви.

Владыку Питирима иногда ругают за то, что Минеи 1978–1989 годов вышли гражданским шрифтом, усматривая в этом некий умысел. Многие люди, и даже некоторые священнослужители из молодых, не понимают, что в те годы в СССР набрать книгу традиционным церковнославянским шрифтом было попросту невозможно: после октябрьского переворота все типографские наборные кассы церковнославянского шрифта были уничтожены. Можно было выпустить репринт, как это было сделано с Октоихом, Триодью постной и цветной и другими богослужебными книгами, но тогда в Минеи не попало бы огромное количество служб, которые входят в них и используются за богослужением вот уже 30 лет.

Откройте мартовский том, вышедший в 1984 году, – там, под 2 марта, найдете две службы Божией Матери в честь Ее иконы, именуемой «Державная». Маленькая справочка об иконе и две службы. Напомним, что икона эта была явлена в тот день, когда царь-страстотерпец Николай подписал отречение от престола. На иконе изображена Мать Божия с Младенцем Христом, сидящая на троне, со знаками царской власти в руках – скипетром и державой. Пресвятая Богородица воспринималась как хранительница России в отсутствие царя, и службы в честь этой Ее иконы имеют политический подтекст. Тем не менее в 1984 году эти тексты были опубликованы.

В Совете по делам религий из житийных справок вычеркивали упоминания о местонахождении мощей и чтимых икон; слово «новомученики» в названии службы византийским святым, пострадавшим в XV веке, вызвало шок и было несколько видоизменено. Но, видимо, загруженные работой, сотрудники Совета внимательно читали прежде всего житийные справки, написанные более понятным им языком, а богослужебные тексты... да что там может быть интересного современному человеку?

Несмотря на масштаб работ, в широких научных кругах об особенностях зеленых Миней стало известно далеко не сразу. Характерная ситуация, повторявшаяся неоднократно: на конференции к сотруднику Издательского Отдела (или Издательского Совета) подходит ученый со словами: «Я занимаюсь святым N., обследовал все рукописи, связанные с ним, нашел неопубликованный текст службы, думаю, Церкви это должно быть интересно». – «Очень интересно. А Минеи смотрели?» – «Смотрел». – «Зеленые Минеи?» – «А что это такое?..» – Объяснение, обмен телефонами. Через несколько дней в Издательском Отделе (или Совете) раздается звонок: «Эта служба там уже опубликована...»

Хотя научных комментариев в зеленой Минее нет, ее вполне можно считать серьезным источником, играющим важную роль в лингвистическом источниковедении. В те годы, когда работа начиналась, наши хранилища были в трудном положении. Даже в Москве, в Библиотеке имени Ленина (ныне Российская Государственная Библиотека), в хранилищах

росли грибы. Рукописи горели, затоплялись. Кто помнит 70-е годы, и предположить не мог, что все переменится и что спустя 30 лет вообще будет о чем говорить, не то что писать. Тогда казалось, что все идет к концу, и надо было хоть как-то законсервировать те тексты, которые мы имели. Тексты должны были быть опубликованы, чтобы не исчезнуть с лица земли.

О важности этого можно судить по простому примеру. «Слово о полку Игореве» – маленькая повесть, на 5–7 страниц, рассказывающая о событиях 1185 года и возникающая предположительно в конце XII века. «Слову...» посвящено множество исследований. Источник, некая рукопись XVI века новгородско-псковского происхождения, в которой повесть была обнаружена, не сохранился, и все эти горы ученой литературы написаны на основании писарской копии, сделанной для императрицы Екатерины II, и на основании издания, принятого А. И. Мусиным-Пушкиным, тираж которого почти полностью сгорел в московском пожаре 1812 года. На основании нескольких уцелевших экземпляров и писарской копии пишутся трактаты. Обсуждаются вопросы, настоящий ли это памятник или подделка, какую роль он сыграл в литературе; сделан не один десяток переводов; по-разному интерпретируются «темные места», обычные для древних рукописей... Маленький текст – и шкафы ученой литературы.

В отношении литургических памятников ситуация полностью противоположна. Шкафы, горы богослужебных текстов, которые не то что не изданы и не исследованы, а даже не описаны, не каталогизированы. О доставшемся нам наследстве можно писать научные работы по самым разным отраслям книговедения: истории, лингвистике, литургике, гимнографии, литературоведению, искусствоведению – работы хватит на несколько НИИ и Духовных Академий, и не на один год.

Сегодня Издательский Совет Русской Православной Церкви, продолжая труды, начатые Издательским Отделом Московского Патриархата, собирает богослужебные тексты, не вошедшие в наши Минеи, – службы, отдельные тропари, кондаки, стихиры и молитвы, которые не были обнаружены сотрудниками Издательского Отдела потому, что поиск был все же затруднен: исследователю в читальный зал выдавались рукописи на основании описей, а они не всегда сделаны корректно. Нередки случаи, когда единица хранения описана, скажем, как сборник слов Златоуста, но в рукописи реально находится лишь одно его слово – в начале, а потом выписаны службы или другие интересующие нас тексты. Приходится просто-напросто перелистывать сборники по листочкам, и такое перелистывание дает свои плоды.

Российские архивы – это еще не все. В Болгарии, например, свое море текстов. В Греции, в Грузии, в англоязычных странах – тоже, причем это службы как новым святым, так и древним, жившим до 1054 года. Кроме того, мы занимаемся каталогизацией и сбором новейших богослужебных текстов. Сейчас, когда возрождается церковная жизнь по всей Руси, во многих монастырях и даже в некоторых приходах составляются тропари, кондаки, молитвы и полные службы (об акафистах и не говорю), которые вполне могли бы войти в Минеи.

А начало было положено тогда.

И думаю, что размах работы, в которой мне посчастливилось участвовать, во многом определен размахом личности Председателя Издательского отдела Московского Патриархата, вокруг которого в те непростые годы не просто сформировалась «команда» – образовалась церковно-культурная среда, в которой многие смогли найти применение своим талантам.

Людмила Медведева,
заведующая Отделом богослужебных книг
Издательского Совета Русской Православной Церкви

«Решение Владыки определило мою судьбу»

О Владыке Питириме я впервые услышал в конце 1970-х годов от человека, который в то время уже был на пенсии, но до этого много лет работал в Издательском отделе. Это был протоиерей Николай Павлович Иванов. И по выходе на пенсию он продолжал заниматься богословием, более того, именно тогда он взялся за главный труд своей жизни – толкование первых глав Книги Бытия с привлечением современных научных знаний. Для этой работы отец Николай привлекал множество людей – специалистов в области физики, биологии, филологии и т. д., стремясь в то же время всех их воцерковить; меня он также привлёк с целью консультаций по вопросам соотношения библейского Шестоднева с современными научными представлениями. Кроме того, я помогал ему и с общим редактированием книги (кстати, у меня это был первый опыт, очень пригодившийся мне впоследствии).

О митрополите Питириме он говорил так: Владыка – человек сложный, и рассказывал историю своего преждевременного, как он считал, увольнения на пенсию (отношению Владыки к Н. П. Иванову посвящено несколько страниц книги «Русь уходящая»⁶). Впрочем, хотя в этом рассказе еще видны были следы не совсем забытой обиды, но заканчивал его отец Николай всегда рассуждением о том, что благодетельность Божия Промысла открывается нам далеко не сразу («уж как я негодовал, но спустя десять лет вижу, что никогда бы не написал свой труд, если бы меня не отправили на пенсию»).

В конце концов книга была завершена и перепечатана на машинке в нескольких экземплярах⁷. Один из них отец Николай отвез в библиотеку Московской Духовной академии, с другим поехал к Владыке Питириму, сказав при этом: надеюсь, что Владыка возьмет мою работу и что-нибудь мне заплатит. Я сопровождал отца Николая и таким образом впервые попал на Погодинскую улицу (это было уже в середине 1980-х годов). На проходной мне пришлось ждать часа два, зато спустился он со второго этажа сияющий и на мои расспросы сказал: «Владыка очень ласково поговорил со мной и приобрел для Издательства рукопись, заплатив мне 2000 рублей». Я говорю: «Вот это да, это почти моя зарплата за год!», на что отец Николай заявил: «Так я одним машинисткам заплатил почти 500 рублей!». Как бы то ни было, но первое мое соприкосновение с Владыкой Питиримом (пока заочное) явило его как человека весьма щедрого.

И во второй мой приход в Издательский отдел мне не пришлось вступить в личный контакт с Владыкой, хотя на этот раз я уже в течение некоторого времени подвизался здесь, правда, «по счетам». Это было в 1988–1989 годах, я тогда работал в Вычислительном центре МГУ, занимался химической информатикой – разработкой баз данных по химическим соединениям; попал же в отдел проповеди «Журнала Московской Патриархии», который тогда возглавлял протоиерей Михаил Дронов. Его «коньком» также была информатика, только информатика христианская – он создавал базу данных по экзегетике, расписывая в определенной системе цитаты из Священного Писания в творениях святых отцов. Мы почувствовали себя родственными душами, я даже приезжал к нему домой, чтобы что-то там наладить в его компьютере. В то время переход с больших ЭВМ на персональные компьютеры еще только начинался, и я был поражен тем, что компьютерная техника в Издательском отделе лучше, чем в Вычислительном центре Московского государственного университета; поражал и тот факт, что сотрудник Московской Патриархии, да еще священнослужитель, имел компьютер дома, о чем я, профессиональный программист, и помыслить не мог (тогда его стоимость равнялась моей зарплате за 20–30 лет).

⁶ См. прим. на с. 64.

⁷ Уже в новой России она вышла тремя изданиями под названием: «И сказал Бог...» (Клин, 1997; 1999; 2005).

Для базы данных, которую создавал отец Михаил, мы (а нас был не один десяток человек) подготавливали данные, записывая их на обычной каталожной карточке; вводили их в компьютер уже его штатные сотрудники. Мне в этом проекте достался «Алфавит Духовный» святителя Димитрия Ростовского, а цитаты мы все должны были брать только из Евангелия от Матфея⁸. Работа была не только душеполезной, но и материально выгодной: нам платили по 1.30 руб. за одну карточку, так что за месяц я мог заработать 100–130 р., что составляло существенную прибавку к жалованию в университете. Однако работа эта, которую отец Михаил хотел представить как свою магистерскую диссертацию, почему-то не нашла поддержки в Академии; сам он вскоре уехал в Германию (где и по сей день является настоятелем православного прихода во Фрайбурге), после чего проект этот был заброшен. Но хотя на сей раз мне не удалось закрепиться в Издательском отделе – вероятно, я и сам внутренне еще не был готов к этому, – но уже до некоторой степени приобщился к его духу, к интереснейшим разговорам за чаепитиями на чрезвычайно для меня важные темы.

Еще через год я наконец-то впервые увидел Владыку (ибо в храмах, которые я обычно посещал, он никогда не служил). Это было в мае 1990 года, когда в возрасте 85 лет скончался мой духовный наставник протоиерей Николай Иванов. Его отпевал отец Борис Балашов, ныне митрофорный протоиерей, благочинный Клинского округа Московской епархии. Отпевание проходило в любимом храме отца Николая – Илии пророка в Обыденском переулке. Народу пришло очень много, поскольку почивший был по своему характеру и темпераменту подлинным миссионером, просветителем и катехизатором. И вдруг по церкви пролетело ветерком: митрополит, митрополит!.. Действительно, в боковую дверь вошел Владыка Питирим, стал там же и скромно простоял до конца службы, отдав, таким образом, последний долг своему многолетнему сотруднику и однокашнику по Академии. Хорошо помню, как была этим утешена вдова покойного Елена Павловна – ведь в то время Владыка был очень большим и очень занятым человеком!..

Осенью того же 1990 года началась история моей третьей, на этот раз – успешной попытки поступления в Издательский отдел. Перестройка, которая вовсю уже разворачивалась в стране, пришла наконец и в Церковь. Выразилось это, в частности, в том, что 10 сентября в Москве состоялось большое собрание под названием «Русская Православная Церковь – история и современность», на котором одновременно выступали и церковные иерархи (митрополит Крутицкий и Коломенский Ювеналий, митрополит Ростовский и Новочеркасский Владимир), и церковные диссиденты (отец Димитрий Дудко, Виктор Капитанчук) – дело в прежние времена совершенно немыслимое. Активно обсуждался вопрос о взаимоотношениях Церкви и государства – с докладом на эту тему выступил, в частности, Георгий Шевкунов (нынешний настоятель Сретенского монастыря архимандрит Тихон). Он также сообщил о предстоящем собрании группы друзей, интересовавшихся церковными вопросами, сказав: было бы хорошо, если кто-нибудь из вас подготовил бы выступление о Патриархе Сергии. Так получилось, что из всей той группы только я воспринял эти слова как призыв к немедленному действию и действительно написал соответствующий доклад; но, увидев в зале большое количество священнослужителей, как-то оробел и не стал выступать. Однако текст этот не пропал, он был опубликован в начале следующего года в «Вестнике РХД» (№ 161).

Новые веяния коснулись и редакции «Журнала Московской Патриархии»: там стали искать авторов, способных писать о деятелях русского религиозно-философского возрождения начала XX века, обратились к известному уже в то время философу и богослову С. С. Хоружему (моему другу и однокашнику по физфаку МГУ), а он порекомендовал меня. Так в

⁸ Из-за этого ограничения, сообщавшего базе данных сугубо исследовательский характер, она так и не нашла нигде реального применения.

конце 1990 года я впервые появился в редакции и тут же предъявил в качестве некоей визитной карточки вышеуказанный текст о Патриархе Сергии. Увы, там сочли статью слишком острой и явно не имеющей шансов быть опубликованной (замечу, что всего через два года она была напечатана в Журнале⁹ – такова в те годы была скорость перемен в церковно-общественном сознании).

Тогда я попытался заинтересовать редакцию другой идеей – проектом создания Православного информационного центра. Отправляясь от решения задачи христианского возрождения в стране, я в нем рассматривал информационный аспект этой задачи и выдвигал программу формирования ряда компьютерных баз данных в области христианства (по агиографии, иконографии, гимнографии, экзегетике, христианской библиографии и персоналии), а также компьютерных симфоний по Священному Писанию и богослужебным книгам. Конечно, появившийся позднее интернет до некоторой степени снял остроту поиска всякой информации, но в 1990 году не существовало не только интернета, но даже полного электронного текста русской синодальной Библии!

Однако и этот проект, с которым я тогда носился с разным успехом по разным организациям¹⁰, не произвел особого впечатления на сотрудников редакции. Мне сказали: всё это, конечно, хорошо; а вот не могли бы Вы написать статью по русским религиозно-философским обществам?

Я так хотел попасть в Издательский отдел, что был заранее согласен на любую работу; а тут мне предлагают написать статью по теме, которой я действительно много занимался, изучал архивы, вел переписку с Н. А. Струве о возможности издания книги на эту тему в «YMCA-Press». И я с восторгом взялся за эту статью, которая и появилась в апрельском номере Журнала¹¹.

После этого я был представлен митрополиту Питириму. Тогдашний заместитель Владыки диакон Андрей Лоргус привел меня к нему.

– Владыка, вот раб Божий Евгений хочет работать у нас, написал хорошую статью о Религиозно-философских обществах в предреволюционной России.

– Кто Вы?

Я рассказал, что по образованию я – физик, однако с давних пор интересовался вопросами сначала философскими, потом и богословскими; был в дружеских отношениях с бывшим ответственным секретарем «Журнала Московской Патриархии» Анатолием Васильевичем Ведерниковым, а также Н. П. Ивановым, которые и руководили моим самообразованием в этой области; с давних пор мечтаю попасть в такое место, где богословием можно будет заниматься официально.

– Что ж, я не возражаю, давайте, попробуем.

– Владыка, только я не хотел бы сейчас сразу уходить из МГУ: а вдруг я Вам не понравлюсь?

– Ну, что же – сейчас это можно, сейчас совместительство допускается...

Глядя из сегодняшнего дня на этот разговор, я до сих пор поражаюсь кротости и вместе с тем пронизательности Владыки: не знаю, как бы я сам вел себя в ситуации, когда человек, которого ты намереваешься взять на работу в штат, проявляет нерешительность, начинает выдвигать какие-то условия... Но Владыка, видимо, понял мое внутреннее состояние и не поставил мне в вину нежелание сжечь все мосты в своей прежней жизни... И это решение

⁹ Капитуляция или компромисс? // ЖМП. 1992. № 11/12. С. 63–70.

¹⁰ Этапами этой деятельности стали утверждение в НИВЦ МГУ научной темы «Христианская информатика» (конец 1992 года), подготовка справочно-информационного отдела для 3-го тома энциклопедии «Христианство» (М.: БРЭ, 1995. С. 560–761) и три гранта РГНФ в 1995–1997 гг.

¹¹ Церковь и интеллигенция: к истории диалога // ЖМП. 1991. № 4. С. 25–31.

Владыки определило мою судьбу – я наконец-то попал на работу в Издательский отдел, где работаю и по сей день...

Ежедневно бывая в Отделе, я не раз встречался с митрополитом, брал у него благословение. Иногда, когда Владыка прогуливался во дворе, он останавливал меня для разговора, спрашивал: над чем Вы сейчас работаете? – и выслушивал мои планы. После каждой такой беседы я, конечно, испытывал большой эмоциональный подъем и готов был «свернуть горы». Помню, говорил он мне и об отце Сергии Булгакове, которого Патриарх Алексий I завещал ему богословски «реабилитировать».

Понятно, что в то время я как рядовой редактор задания получал от своих прямых начальников; но дважды я получал задания и непосредственно от Владыки. Первый раз это было так: на одном из редсоветов Владыка обратился ко всем присутствующим, что вот нужно бы написать статью по истории экуменизма, как-то оправдать его, а то уже это слово становится среди православных едва ли не бранным; кто возьмется?

Я, конечно, вызвался и для начала подготовил публикацию старой статьи архимандрита Киприана (Керна) «Дореволюционное русское духовенство за границей», в свое время напечатанной в трудах Сергиевского богословского института в Париже¹². Она имела подзаголовок «Экуменизм до экуменического движения» и была посвящена деятельности священников при наших иностранных посольствах, знакомивших западный мир с Православием задолго до экуменических съездов XX века. Однако затем Владыка как-то охладел к этой теме, и дальнейшего развития на страницах Журнала она не получила.

Более плодотворным оказалось другое задание Владыки. Как-то весной 1994 года митрополит вызвал меня к себе в кабинет, рядом с ним на диване сидел незнакомый мне архиерей, а перед ними на журнальном столике – толстая подшивка газет. Архиереем оказался архиепископ Ташкентский и Среднеазиатский Владимир, а газетной подшивкой – его еженедельник «Слово жизни» за три года издания. Митрополит Питирим попросил меня написать заметку об этом тогда еще достаточно редком опыте налаживания епархиальной церковной печати, что я и исполнил¹³. В то время я уже приступил к разработке компьютерной информационно-поисковой системы «Христианская информатика»¹⁴, но занимался в первую очередь ее агиографической и иконографической подсистемами; задание Владыки дало мне повод продвинуть ее библиографическую часть, и в ходе подготовки публикации я ввел в соответствующую базу данных описания статей всех 112 номеров указанного еженедельника (их оказалось 837), что не только помогло написать заметку, но и позволило отработать технологию ввода данных, систему ключевых слов и рубрик, словом – приобрести опыт, которым я и воспользовался позднее уже для статей «Журнала Московской Патриархии».

Но добиться официальной поддержки этой тематики мне так и не удалось, несмотря на хороший повод – исполнившееся осенью 1993 года пятидесятилетие непрерывного выхода Журнала. На редсовете прямой вопрос заведующей редакцией Аллы Георгиевны Чулюкиной: а не отметить ли нам этот юбилей созданием указателя статей за эти 50 лет – Владыка оставил без ответа: скорее всего он понимал, что быстро сделать такой указатель не получится. И действительно, это удалось сделать только к 2006 году, когда соответствующий указатель появился на сайте Издательского Совета¹⁵; сейчас (на начало 2008 года) он уже содержит свыше 30 тыс. статей.

¹² Православная мысль. № 11. Париж, 1957. С. 100–122; ЖМП. 1993. № 11. С. 60–72.

¹³ ЖМП. 1994. № 6. С. 137–139.

¹⁴ Полищук Е. С. Христианская информатика // Библиография. 1993. № 2. С. 20–26.

¹⁵ Библиография публикаций в официальных периодических изданиях Русской Православной Церкви (1931–2005) на сайте Издательского Совета // ЖМП. 2005. № 12. С. 80–82.

Начало 1990-х годов было в стране временем трудным, многие церковные организации получали тогда гуманитарную помощь из-за рубежа. Владыка также заботился о своих сотрудниках, и нам частенько выдавали крупу, топленое масло, сухие сливки, колбасу «салями». Происходило это в подвале здания на Погодинке. Иногда колбасы было так много, что она лежала там прямо на полу и чуть ли не полуметровым слоем, так что запах чувствовался даже на проходной...

Яркие воспоминания остались у меня от разговлений в трапезной Отдела после ночной службы на Пасху и на Рождество, куда нас всех привозили из храма Воскресения словущего на автобусах.

Хорошо запомнился один из последних редакционных советов, который был в Малом Каминном зале. Владыка почему-то угощал всех его членов полным обедом. Он был в настроении грустно-элегическом – думаю, что уже ожидал своей отставки. Среди сказанного им тогда меня поразила такая фраза: «за свою жизнь я стольким людям сделал добро – и никто не ответил мне благодарностью...»

Но я думаю, что сам факт выхода этого сборника свидетельствует об обратном.

Последнее деяние Владыки в Отделе было таким: он выписал сотрудникам премию, причем всем – вплоть до уборщиц – одинаковую...

Евгений Полищук, заместитель главного редактора
Издательства Московской Патриархии,
член Фонда «Наследие митрополита Питирима»

Хор Издательского отдела

В одном из кабинетов Издательского отдела Московского Патриархата висел портрет Владыки Питирима. Этот портрет обладал необычайными свойствами, о которых знали немногие. Глядя на него, можно было с большой вероятностью узнать, в каком Владыка пребывает настроении. Если левая бровь чуть приподнята, жди выговора, если правая – Владыка настроен шутить. А иногда казалось, будто брови Владыки сходились к переносице, а пышные усы несколько надувались, что предвещало ураган. Я уже не говорю о глазах Владыки, которые глядели то по-детски беззащитно, то карающе грозно. Но решающим моментом, определяющим твою судьбу в этот день, было благословение Владыки. Любая мелочь в этот момент имела значение: холодная или теплая у него рука, придерживает ли он твою руку в момент, когда ты прикладываешься к его руке, позволяет ли он после этого прикоснуться к своей бороде, если да, то какую часть бороды он подставляет для этого: нижнюю, среднюю или в районе щеки; колются ли его усы или они шелковистые, от прикосновения к которым в сердце появляется сладкое щекотание. Но очень огорчительно, когда разгонишься, бывало с вытянутыми губами к щеке Владыки, навстречу его движению, а он в последний момент твердо остановит тебя рукопожатием, отчего чувствуешь себя навязчивым болваном. Но и после благословения его удаляющаяся поступь, движения, с какими он закрывал дверь своего кабинета или оставлял ее нараспашку, продолжали рассказывать внимательным и преданным сотрудникам издательства о настроении архиерея.

И был еще один очень важный для понимания характера Владыки предмет, о котором в Издательстве мало кто знал – это темно-коричневый лакированный футляр, стоявший в его келье, где хранилась старинная виолончель, которую он иногда вынимал и, когда его никто не мог услышать, играл. Я об этом знаю потому, что сам играю на смычковом инструменте, и Владыка, зная об этом, просил меня найти для него хорошего учителя по виолончели. Возможно, благодаря любви к музыке в характере Владыки была та гибкость и подвижность, которой не может быть у тех, кто никак не подвластен музыке...

Моя первая встреча с Владыкой была такова: двое певчих и я, основа будущего хора, зашли в залу Издательского отдела. У окна сидели Владыка Питирим и профессор Н. Д. Успенский, специалист по древнерусскому пению. Перед ними выступал служебный хор Владыки. Пели «Покаяние» композитора Веделя. Помню, как дирижер хора вскинул руки высоко над головой и хор взревел, а в конце регент опустошенно уронил руки и хор замолчал.

Затем вышли мы, «трое отроков», и затянули знаменную песнь. По окончании ее Владыка назначил мне день встречи, на которой благословил набирать мужской хор. Это был 1985 год. Разумеется, прежде, чем принять это решение, Владыка читал труды по древнерусскому пению, беседовал с учеными, посылал экспедиции в старообрядческие общины, собрав большой архив записей знаменного пения. Всё это поставило митрополита Питирима в ряд с такими иерархами Русской Православной Церкви, как Преосвященные Порфирий Успенский и митрополит Евгений Болховитинов, обратившими внимание на каноническое богослужбное искусство.

12 человек хора были зачислены на должность младших референтов Издательского отдела с окладом 140 рублей (зарплата инженера в то время), и начались каждодневные репетиции. Владыка изредка заходил на спевки и очень осторожно делал кое-какие замечания по поводу манеры и стиля пения, а однажды пригласил хор на чай. Но пригласил не для того, чтобы накормить, а чтобы понаблюдать, кто как ест и как себя ведет, так как предполагал со временем использовать хор в различных официальных мероприятиях, при которых почти всегда бывают застолья. Стол в каминном зале был сервирован чайным сервизом и тарелками для закусок. Один из певчих положил себе в тарелку шпроты, капнув маслом на

скатерть. Владыка заметил нам, что еду не вываливают через край, а накладывают. Другой певчий слишком громко размешивал в стакане с чаем сахар, третий неправильно манипулировал салфеткой...

Спустя некоторое время Владыка благословил нас петь по средам на Литургии в домашней церкви Издательского отдела, на которой сам всегда молился, крестился, клал поясные и земные поклоны, как бы на себе испытывая воздействие древних распевов, и, наконец, решился выпустить нас «в люди», предоставив хору вечер среды и утро четверга в своем «кафедральном соборе» в Брюсовском переулке. Поначалу бабушки сочувствовали нам, думая, что мы поем в один голос, потому что не выучили другие, но Владыка однажды сказал на проповеди, что таким образом пели преподобный Сергей Радонежский, Иосиф Волоцкий, Савва Сторожевский и другие древние святые. Тогда бабушки стали вспоминать, что они действительно в детстве слышали в каких-то монастырях такое пение...

Самым памятным богослужением было всенощное бдение под праздник перенесения мощей преподобного Сергия Радонежского. Народу в храме было, как на Пасху. Возглавлял богослужение сам Владыка. Пели большим знаменным и строчным распевами. Запевал и канонаршил несравненный диакон Петр Дьяченко (ныне игумен Иосиф). К счастью, запись сохранилась.

О Владыке я бы хотел написать как можно больше, но вдруг обнаружил, что почти ничего о нем не знаю, хотя и встречался с ним вплоть до реорганизации Издательского отдела. Некоторым казалось, будто у него на счетах несметные богатства, их раздражало врожденное благородство Владыки, его принадлежность к старинному священническому роду. Митрополит Сурожский Антоний (Блум; †2003) и архиепископ Сан-Францисский и Западно-Американский Василий (Родзянко; †1999) были одними из близких Владыке иерархов. В число тех, с кем он поддерживал дружеские отношения, входили люди самых разных профессий. Общим у них всех было то, что каждый в своем деле был оригинален. Но имелась у Владыки одна черта, причинившая немало огорчений тем, кого он приручал. Как только человек вводился в штат сотрудников, Владыка терял к нему прежний интерес. Отчасти это происходило по вине самого человека. Будучи еще нецерковным, он общался с Владыкой запросто и по имени-отчеству; когда же «воцерковлялся», то терял прежнюю простоту, начинал гнуть спину и брать бесконечно благословения. Это митрополиту Питириму не нравилось...

Я не помню, чтобы Владыка кому-либо предлагал уйти из Издательского отдела, но он мог ничего не предпринять для того, чтобы удержать человека – подобно толстовскому Кутозову, не вмешиваясь в естественный ход событий. Однажды я испытал эту его позицию на себе. Вот как это было.

В штат Издательского отдела после меня были зачислены еще два регента и одна расшифровщица древнерусских рукописей. Владыке свойственна была осторожность, и он на всякий случай – мало ли что со мной случится – оформил в штат моего хора этих двух людей. Послесоветская перестройка была в самом разгаре, выезды за границу упростились, что сделало мое место экономически крайне привлекательным. Хор практически развалился. Со мной осталось 4 человека. От Владыки никаких указаний я не получал, и мы продолжали еженедельно петь в храме впятером. Я много раз начинал писать письмо митрополиту, но дальше первого слова «Владыка» дело не продвигалось. Всё разрешилось само собой. В очередной раз мы пришли в храм и увидели, что клирос занят другими певчими. Я спросил, в чем дело, и мне ответили, что Владыка нас уволил. Приезжаю в Издательский отдел, захожу в кабинет к Владыке и спрашиваю у него, нужно ли мне писать прошение об увольнении. «Зачем?» – спросил меня удивленно Владыка. «Мне сказали, что Вы нас уволили», – ответил я. Митрополит показал мне донос на меня и приказал позвать автора этого сочинения. Вла-

дыка посадил нас друг перед другом и попросил его объяснить свое поведение. Тот начал говорить, что произошла ошибка. «Нет, это больше, чем ошибка», – сказал Владыка.

Во всё это время я не проронил ни слова и радовался, что не написал Владыке своей жалобы. Со временем все певчие вернулись в хор и службы пошли своим чередом.

Разумеется, расшифровка и исполнение знаменных рукописей – дело непростое и не всегда однозначное. Даже академик Ю. В. Келдыш после одного прослушивания высказался по поводу строчного многоголосия, что оно так же невероятно для Руси XVII века, как увидеть в то время жирафа на улицах Москвы. Спустя время была доказана правильность наших расшифровок, но академик не дожил до этого времени.

В заключение моих обрывочных воспоминаний я хочу рассказать об одном случае, в котором Владыка сыграл малозаметную, но, возможно, самую значительную для меня роль.

Однажды наш хор пригласили в Тель-Авив на фестиваль старинной музыки. В то время из хоров мало кто выезжал за границу, а тем более в Израиль. В консульстве Израильского посольства нам поставили въездные визы, а в то время нужны были еще выездные визы, которые МИД нам не давал. В Отделе внешних церковных сношений мне помочь не смогли. Когда я вернулся домой, мне вдруг пришла мысль позвонить Владыке Питириму. Я знал, что Владыка был дружен с одним очень влиятельным лицом в МИДе. Был уже вечер накануне предполагаемого вылета. Владыка выслушал меня и сказал, чтобы я позвонил ему через час. Звоню через час, и Владыка ровным, тихим голосом произнес: «Ваш выезд нежелателен по политическим соображениям». Я спрашиваю: «Значит и пытаться бессмысленно?»

«Можете пытаться», – сказал Владыка. Что он имел в виду, я не знаю, но от отчаяния я решил, что это его благословение. Звоню певчим и говорю, что всё в порядке и что завтра в такое-то время всем быть в Шереметьево II. Утром мы встречаемся на регистрации билетов, проходим ее и становимся в очередь на паспортный контроль. Здесь только я открыл хору, что дела наши плохи, что виз выездных нет и что нас могут не пропустить. Говорю певчим, чтобы все до единого произносили про себя молитву «Богородице Дево, радуйся» и ни о чем больше не думали. Я пошел первым. Подхожу к окошку, за которым сидит офицер, и подаю ему свой паспорт с билетом. И вижу, как у него брови поползли вверх. «А-а где выездная виза?» – спросил он.

«Не знаю, – ответил я, – может быть, забыли поставить? Я руководитель хора, нас 12 человек».

– А у остальных есть виза? – продолжал офицер.

– Не знаю, – соврал я, пожав плечами.

Офицер посмотрел в следующий паспорт и сказал:

– Соберите все паспорта.

Получив их, он ушел. Минут через десять возвращается и зовет меня в небольшую комнатку рядом с контролем. Захожу и вижу – на столе перед ним разложены наши паспорта с нужными визами. Не буду описывать наше поистине чудесное паломничество ко Гробу нашего Господа Иисуса Христа, совершенное, вероятно, по молитвам Владыки Питирима, оно навсегда осталось в нашей памяти.

Оправдались ли надежды митрополита Питирима, связанные с нашим хором, я не знаю, но ясно одно, что без него и то малое, что было достигнуто хором, оказалось бы невозможным. После того, как Владыка благословил хор служить по средам и четвергам в храме в честь Воскресения словущего, в течение десяти лет был исполнен практически весь богослужебный круг знаменного пения. Как митрополит и замыслил, хор стал своеобразной творческой лабораторией, где осуществлялось содружество теоретиков и практиков, а задачей его являлось: восстановление алфавита понятий, необходимых для прочтения древнерусского искусства; озвучивание рукописных памятников в их полноте и возвращение их в живую богослужебную практику; концертно-просветительская деятельность, цель которой свиде-

тельствовать о феномене профессиональной древнерусской певческой культуры. В России – это лекции-концерты, а также выступления хора с одновременным показом на большом экране фрагментов древнерусской и византийской живописи.

Восстановление древнерусского церковного пения – это занятие прежде всего мировоззренческое. Чтобы правильно воспроизвести тот или иной певческий памятник, необходимо реконструировать в своем сознании и творчестве процессы и причины, породившие его, поэтому первейшим условием существования древнерусского пения должно быть богослужение, при котором хотя бы главные виды церковных искусств были бы адекватны друг другу. Иконы, фрески, архитектура воспитывают глаз певчих, и суть зримого образа неизбежно переводится в ритмическую и динамическую концепцию пения.

Ощущение богослужебной полноты возникало у меня, когда хор пел знаменным распевом в Троицком и Успенском соборах Троице-Сергиевой Лавры, в Покровском храме Свято-Данилова монастыря. В храме в честь Воскресения словущего этого чувства не было из-за реалистической живописи на стенах, барочных икон и иконостаса, за исключением служб, которые совершал сам Владыка.

В 1988 году хор получил первую премию и Гран-При на конкурсе хоров в Хайнувке (Польша). Вместе с деньгами, по тем временам большими, мне вручили деревянного зубра с соответствующей надписью на подставке. Я передал его митрополиту. Он грозно посмотрел на зубра и поставил его на шкаф. В 1992 году хор получил Гран-При на фестивале «Охридское Лето».

Владыка часто бывал на концертах хора в Москве. Особенно запомнился концерт в Малом зале консерватории, на который он пригласил выдающихся писателей России: Виктора Астафьева, Василия Белова, Валентина Распутина, Владимира Крупина, а также кинорежиссера Никиту Михалкова и других знаменитых деятелей культуры. Это было приблизительно в 1987 году. Впервые после революции на светской сцене появился церковный хор. Черные церковные облачения вызвали у директора зала сильный испуг. Но всё обошлось.

Итоговыми работами хора были записи на компакт диски: Всенощного Бдения пр. Иосифу Волоцкому, Знаменной Литургии, Строчной Литургии, Пасхального канона деме́ственного и греческого пения, Песнопений Великого Поста знаменного, деме́ственного, строчного распевов, Песнопений Рождества Христова знаменного и строчного распевов и другие. 13 компакт-дисков было выпущено в Париже на фирме «Opus III», три в Москве, один в Польше.

Деятельность хора вызвала большой резонанс в церковной среде. При монастырях в самых отдаленных областях России стали образовываться большие хоры, поющие за богослужениями древнерусским распевом. Стали появляться курсы по изучению знаменного пения. По мнению международной критики, хор «Древнерусский распев» совершил переворот в представлении о русской певческой культуре, которая традиционно связывалась в Европе с композиторами XIX–XX веков, и мало кто знал, что XV–XVII века в России были расцветом профессионального церковного искусства. В наших достижениях, безусловно, огромная заслуга Владыки Питирима, который вовремя поддержал зарождающееся духовное движение.

Анатолий Гринденко, регент хора «Древнерусский распев»

Музыкальная редакция Издательского отдела Московского Патриархата

Воспоминания о митрополите Питириме я хочу начать с того момента, когда регентом хора храма в честь Воскресения словущего на Успенском Вражке стала Ариадна Владимировна Рыбакова. Произошло это так. В начале 1970-х годов наш приход перед праздником Пасхи остался без регента. Владыка поручает Ариадне Владимировне руководить хором во время богослужений на Страстной седмице и на Пасху. Молодому регенту, не имеющему опыта, боязно было принять это предложение. Однако ее ободрили слова Владыки: «Не теряйтесь, главное – чтобы не было пауз, заполняйте их пением “Христос Воскресе”». Службы прошли хорошо. Владыка присматривался к новому регенту, внимательно следил за репертуаром хора, подбором голосов, отмечал удачное и неудачное исполнение песнопений. Если из услышанных песнопений его что-то особенно трогало, Владыка просил запомнить и сохранить. Владыке очень нравилось, как наш хор исполнял «Покаяние» Артемия Веделя в переложении Григорьева. Часто бывало, что после всенощной Владыка выносил Ариадне Владимировне розу. Так по благословению Владыки А. В. Рыбакова стала регентом нашего храма. Вспоминая прошлое, убеждаешься, что выбор Владыки был не случайным, а промыслительным. Отец Ариадны Владимир и его брат Герман Агафонниковы были знаменитыми церковными регентами и композиторами, их песнопения и по сегодняшний день исполняют в храмах Москвы и Московской области. Деда Ариадны Владимировны протоиерей Александр и протоиерей Василий расстреляны на Бутовском полигоне. Протоиерей Александр канонизирован Русской Православной Церковью в лике священномучеников. Во имя священномученика протоиерея Александра в Подольске возведена часовня.

Шли годы, но внимание и любовь Владыки к нашему храму никогда не ослабевали. В 1980-х годах по благословению Владыки была произведена очень серьезная реставрация храма – восстановлены по архивным данным прекрасная роспись начала XIX века и иконостас. Примерно в это же время Владыка посетил остров Корфу (Греция), где находятся нетленные мощи святителя Спиридона, епископа Тримифунтского. В своих проповедях Владыка неоднократно рассказывал, как в Греции торжественно отмечают память святителя – совершают крестный ход вокруг всего острова с воинскими почестями. Владыке была подарена рукавичка с руки святителя Спиридона и святое масло. Вспоминается, как впервые Владыка принес в храм эти святыни в день памяти святителя (25 декабря). Атмосфера в храме была очень торжественная. На богослужении присутствовал посол Греции, и хор исполнял некоторые песнопения на греческом языке. Надо сказать, что примерно с 1930-х годов в нашем храме находилась старинная икона святителя с его мощами из разрушенного храма во имя Спиридона Тримифунтского, что в Спиридоньевском переулке. Но данная святыня была как-то в тени. Народ забыл про этого святого угодника Божия, никаких торжественных служб в день его памяти в Москве не совершалось. И вот Москва обрела вновь великого чудотворца: в день его памяти с 1980-х годов и доныне по благословению Владыки в нашем храме на торжественное богослужение собирается множество народа, а еженедельно по вторникам ему служат акафист.

Вспоминается также, как осуществилась давняя мечта Владыки – построить дом для Издательского отдела. Издательский отдел Московского Патриархата в то время ютился в очень маленьком помещении Новодевичьего монастыря. Добиться разрешения на постройку нового здания в Москве для нужд Церкви практически было невозможно. Но с Божией помощью и по молитвам Владыки всё устроилось, и дом был построен на Погодинской улице. Безусловно, это произошло благодаря деловым качествам и личному обаянию Владыки.

Оглядываясь назад, невозможно представить, что в то безбожное время в Москве печатались Библия, Новый завет, богослужебные книги, сборник «Богословские труды», а также регулярное периодическое издание «Журнал Московской Патриархии», который сейчас очень высоко ценится нашим духовенством.

В новом просторном здании Владыка мог осуществить многие свои проекты. Он организовал английскую редакцию, отдел звукозаписи, музыкальную редакцию, собрал огромную нотную библиотеку. В ней хранилось много старинных духовных произведений в крюковой записи. Покупали целые нотные библиотеки композиторов – так была куплена библиотека Александра Димитриевича Кастальского.

Певцы нашего хора делали доклады о жизни духовных композиторов, а потом исполняли их произведения. На эти концерты приходили не только сотрудники, но и многочисленные гости. Конференц-зал Издательского отдела всегда был полон.

Был создан фотоотдел с современно оснащенной фотолабораторией и богатой фототекой. Созданы отдел кино и отдел слайд-фильмов – впервые в церковной сфере. Появились реставрационные мастерские по старинной мебели и многое другое.

Наш хор относился к музыкальной редакции. В нее входили еще два мужских хора. Один – под управлением Анатолия Гринденко. Сам А. Гринденко занимался научной деятельностью, он расшифровывал древние напевы и переводил их на современный нотный стан. Другой мужской хор был под управлением Николая Носова (ныне иеромонах Амвросий). Они в основном исполняли монастырские напевы и, надо сказать, что более сладкозвучного пения этих распевов я не слышала никогда.

С записью этого хора в 1987 году вышел альбом из двух пластинок под названием «Тебе поем». Это единственная запись подлинных образцов раннего литургического многоголосья, расшифрованного и реставрированного с учетом последних достижений музыкальной науки в этой области на тот период времени.

Наш хор начал изучать творчество Александра Андреевича Архангельского. Это последний регент, который со своим Синодальным хором был за рубежом, – а наш церковный хор после революции и всего безбожного времени выехал за рубеж первым. В 1987 году выходит альбом с записью нашего хора под названием «Пою Богу моему дондеже есмь». В него вошли «Всенощная» А. А. Архангельского и его запричастные концерты. Владыке очень нравилась запись «запричастных». Он неоднократно говорил, что лучшего исполнения концертов Архангельского не слышал. Музыковеды также высоко оценили это издание.

Эти альбомы записывались сотрудниками отдела звукозаписи Анатолием Иннокентиевичем Шатовым и Наталией Владимировной Диваковой. Всего к 1000-летию Крещения Руси они подготовили двадцать альбомов с записью хоров различных городов страны.

Вскоре началась концертная деятельность музыкальной редакции. Первый большой концерт в двух отделениях состоялся в Доме кино. В первом отделении пел мужской хор под управлением Анатолия Гринденко. Во втором отделении выступал наш хор. Это выступление имело большой успех. Было приятно, что на совершенно расцерковленных людей духовное пение произвело сильное впечатление.

Владыка получил предложение от немецкой телевизионной и радиовещательной компании осуществить прямую трансляцию и запись вечерни Валаамского распева. В 1989 году Владыка принимает решение отправить с этой целью наш хор в Кельн, предусматривалось также концертное турне по другим городам ФРГ. Немецкая публика встречала нас очень тепло. Удивительно, что духовная музыка вызывала такой интерес. Залы были всегда полны. Публика стояла даже в проходах между рядами. Но вот наступил день записи вечерни. Рано утром мы отправились в Кельн. Было очень волнительно, нам сообщили, что будет не только запись, а одновременно прямая трансляция для многих городов Германии и Европы. Можно представить, как это было для нас ответственно. Мы пели в большом лютеранском соборе.

Вечерню служил Владыка Питирим. Хоть он нас и подбадривал, но было видно, что он и сам волнуется. Началась вечерня, волнение улеглось. Надо сказать, что песнопения Валаамского распева одухотворяют не только слушателей, но и исполнителей. В храме была необыкновенная тишина. Все слушали, затаив дыхание. Но вот служба закончилась. Еще несколько мгновений тишины, а потом собор «взорвался» аплодисментами, хотя у них аплодисменты в храме не положены. Слушатели встали, и еще долго звучали аплодисменты, так что нам пришлось повторять фрагменты из вечерни.

Данное событие осталось в памяти и потому, что это была первая поездка за рубеж, и по другим причинам. Дело в том, что в силу сложившихся обстоятельств Владыка не сказал нам, что запись вечерни Валаамского распева станет кульминацией поездки. Сказал, что программа поездки свободная, на ваше усмотрение. Не была подготовлена служба святому на этот день. Подготовленные нами стихиры и тропари не были расписаны на Валаамский распев. К тому же древние распевы принято исполнять мужским составом. Представьте себе наше недоумение, когда у нас спросили, подготовились ли мы к вечерне Валаамского распева и прямой трансляции. Надо сказать, что перед концертом Ариадне Владимировне был подарен сборник песнопений Валаамского распева. Ничего случайного не бывает! Мы быстро переложили тексты из Минеи на Валаамский распев по этому сборнику и четыре ночи репетировали. Так мы вышли из создавшегося положения. Владыка и сам волновался, так как не слышал в нашем исполнении Валаамского распева.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.